

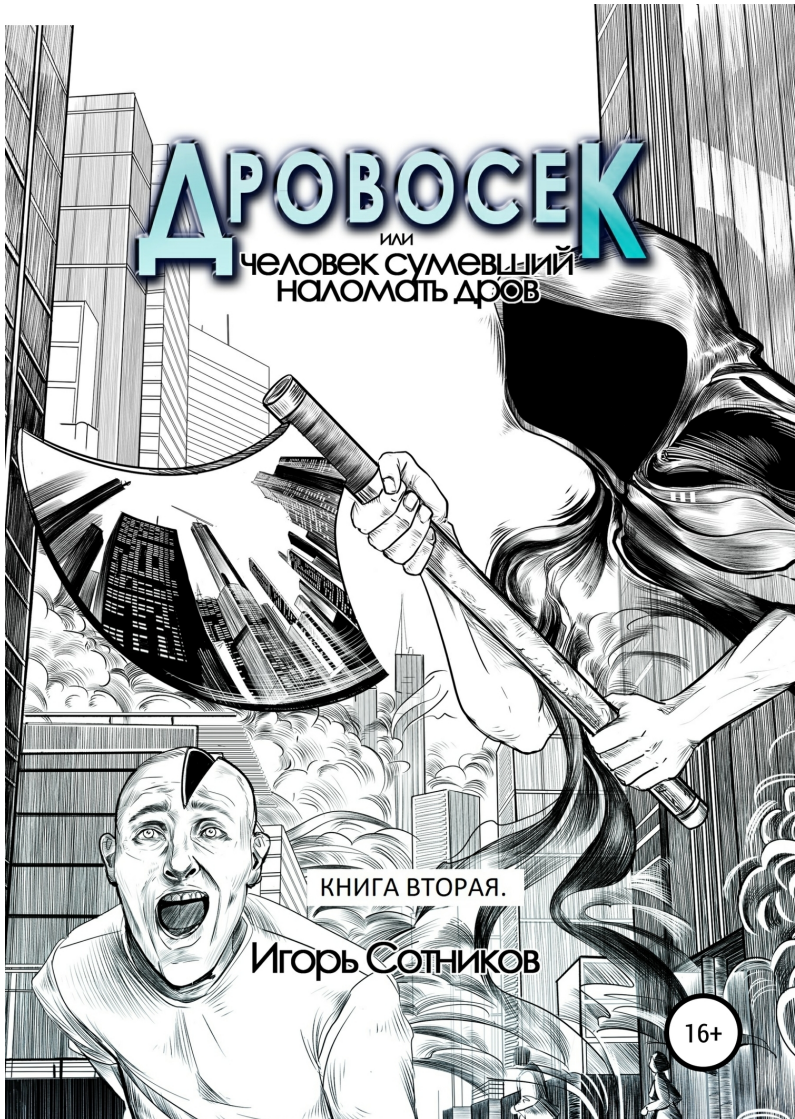
ДРОВОСЕК

ИЛИ
ЧЕЛОВЕК СУМЕВШИЙ
НАЛОМАТЬ ДРОВ

КНИГА ВТОРАЯ.

Игорь Сотников

16+

Игорь Сотников
Дровосек, или Человек,
сумевший наломать
дров. Книга вторая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42675860
SelfPub; 2019*

Аннотация

На все заданные и незаданные вопросы будут даны ответы. Или на часть из них. Что тоже не факт. А вот в том, что возникнут новые вопросы, можно не сомневаться. Автор рисунка: Дарья Левчук.

Книга Вторая. Взгляд изнутри

– Некто из страны Чень собирал однажды хворост, как вдруг встретил оленя ослепительной красоты, он погнался за оленем и убил его. Боясь, что кто-нибудь его увидит, он поспешно спрятал оленя в яме и прикрыл листьями подорожника, ликуя и радуясь своей удаче. Но вскоре он забыл место, где спрятал оленя, думая, что всё это ему приснилось, он отправился домой, бормоча что-то под нос по поводу случившегося.

Тем временем рядом случился человек, подслушавший его бормотание; следуя его словам, он пошёл и нашёл оленя. Вернувшись, он сказал жене: «Дровосеку приснилось, что он припрятал оленя, но не знал, где именно, а я нашёл оленя, значит, его сон не был действительностью».

«Это ты спал, – отвечала жена, – и тебе приснился дровосек. Убил ли он оленя? И есть ли вообще такой человек? Это ты убил оленя, иначе как бы сон стал действительностью?»

«Да, ты права, – согласился муж. – Это я убил оленя, поэтому не так уж важно, дровосеку ли приснился олень или мне приснился дровосек».

Когда дровосек вернулся домой, то стал досадовать о потерянном олене, и ночью ему приснилось место, где был спрятан олень, и тот, кто унес его. Утром он отправился на виденное во сне место: всё подтвердилось. Он предпринял шаги, чтобы вернуть свое имущество в законном порядке; по окончании слушания дела судья вынес следующее ре-

шение: «Истец начал с подлинного оленя и мнимого сна. Далее он заявляет о подлинном сне и мнимом олене. Ответчик подлинно овладел оленем, который приснился, но по его словам, – олень приснился истцу, и теперь ответчик пытается удержать добычу. Согласно же мнения его жены, и олень, и сам дровосек – только часть его сна, поэтому оленя не убивал никто. Всё же поскольку убитый олень лежит перед вами, то вам ничего не остаётся, как поделить его между собой».

Когда император государства Чень услышал об этом происшествии, он воскликнул: «Судье, верно, самому приснилось всё это дело». – Продолжая смотреть на красное зарево вечернего неба, закончил свой рассказ Край.

– Ну и зачем было нужно, по второму кругу всё это рассказывать? – с недовольством в голосе спросил Риск.

– Во-первых, со второго раза видится куда больше, чем с первого, где самое существенное затмевают эмоции, а во-вторых, у меня возникли некоторые сомнения насчёт личности дровосека. Ведь он стал им только со слов прохожего, а так он и не ясно кем на самом деле был. – Сказал Край. – А если прохожий со своей женой так его прозвали, то зачем они это сделали?

– Чтобы в суде их позиция была более основательной. – Сказал Риск.

– Не думаю, чтобы они могли так далеко заглядывать. – Задумавшись, сказал Край.

– Значит, дровосек... – Вслед за Краем углубился в себя

и Риск.

ГЛАВА 1

Преисполненная эксцентричности

– Знаете, как это бывает. – Остановившись на перекрёстке, с которого на него смотрел запрещающий сигнал светофора, выдал вслух эту знаковую сентенцию, выступавший в качестве рассказчика, молодой человек с самым обычным именем Алекс (внешне он ничем особенным не выделялся, а значит, можно сделать вывод (почему только, непонятно), что с богатым внутренним миром). Ну а его спутники, а по совместительству и слушатели всех и в частности этой его истории, насчёт этой его остановки на перекрёстке ничего не имели против, а вот что касается этого его вступления, то тут уж они не собираются проявлять понимание и вслух не соглашаются с ним.

– Не-е. – В один голос заявляют его спутники, совершенно не стесняясь выказывать себя неучами, лишь бы из вредности не соглашаться с рассказчиком. Но рассказчик как будто не слышит их, и, не сводя своего взгляда со светофора, продолжает рассуждать вслух. – Ты во все глаза смотришь по сторонам в своём поиске и всё бесполезно. А стоит только тебе чуточку расслабиться и ослабить над собой контроль, то раз и ты уже попался. – Но вновь заинтересовавшиеся спутники рассказчика не успевают задаться уточняющим вопросом: «О чём или о ком собственно идёт речь?», – а всё потому, что светофор подмигнул зелёным светом и они были

вынуждены принять во внимание мнение собравшейся у перехода толпы, решившей немедленно среагировать на зелёный свет светофора и пересечь перекрёсток.

И только тогда, когда перекрёсток был пересечён, и вся это группа людей во главе с рассказчиком, вновь выделилась из толпы и теперь могла иметь собственное, отдельное от толпы мнение, то они решили сделать небольшую остановку у мобильной кофейни на колёсах. Ну а как только в их руках задымились горячие стаканчики с кофе, Алекс вновь взял на себя функции рассказчика. И он, чтобы придать красочности и энергетике своему рассказу, да и своих привередливых спутников уже давно пора дисциплинарно взбодрить за их привередливость, сразу же обрушивает на них нервную ярость одного из второстепенных героев его рассказа (здесь оставляется за скобками однозначно ошеломительная реакция слушателей рассказчика):

«— Молодые люди! Может, наконец-то, прекратите себя так вести!? – переполнившись возмущением и терпением, которое не безгранично, хотя и натренировано на такой-то нервной работе, в кафе быстрого обслуживания и питания под вывеской какой-то франшизы, заорал старший менеджер заведения на неподобающе себя ведущих в зале для приёма пищи молодых людей, а именно на нас.

А как мы можем прекратить себя так (?) вести, если мы даже не знаем, о чём идёт речь. Да и, вообще, мы мало чего соображаем после проведённой в полном беспорядке, с при-

личным принятием на грудь ночи, которая из стен клуба, плавно, хоть и с нередкими случаями падения на мокрый от поливальных машин тротуар, перетекла в одно из кафе по пути к дому. А что мы могли поделать, когда до своего дома или хотя бы до дома малознакомого, но такого приятного товарища, так неизвестно где далеко, когда уютно выглядящее кафе, вот оно рядом и оттуда так притягательно пахнет глюконатом натрия (что-то в нём есть от слова глюк). Так что хозяева кафе сами виноваты в том, что используя для клиентов все эти усилители запаха и вкуса, тем самым сбивают их с истинного пути и заманивают под свои своды, может до этого момента ничего и не подозревающих о своём голодном состоянии, уже на сегодня переевших и перепивших людей.

Так что наш ответ этому нервному представителю собственников этого заведения был предсказуем. – Не-не, не прекратим! – кто-то, а может и я, кричит в ответ этому скрытному типу из-за стойки, куда вслед тут же закидывается банка из под газированного напитка.

– Вот так-то! – победно вскрикиваю я и, вскинув вверх руку, обмениваюсь с отныне корешом навеки, Серым, звучным хлопком ладони. И только менеджер заведения проявляет недовольство своим звучным поведением. – Это форменное безобразие! – почёсывая лоб, что говорит о точности моего броска, орёт из-за стойки этот всем недовольный менеджер. И сейчас бы ему добавить, но Серый проявляет уди-

вительное хладнокровие и удерживает в своих руках банку из под воды. При этом, если бы не это умение Серого всех удивлять, то менеджеру вскоре пришлось бы почёсывать себе лоб уже с другой стороны, а так Серый, зарекомендовав себя человеком с большим воображением и выдумкой, вдру оглушает моё ухо своим заявлением: Точно!

На что я тут же мог бы дать свой уточняющий ответ: «Теперь я точно на одно ухо оглох», – но не успеваю этого сделать или хотя бы врезать в ухо этому Серому, начавшему слишком безответственно пользоваться нашими приятельскими отношениями, а всё потому, что за этим Серым не поспеешь и он уже включил меня в свою только что им придуманную игру.

– А вот эта задачка точно для тебя. – Очень убедительно заявил Серый, кивнув на приморившегося головой в стол третьего приятеля, чьего имени я и тогда не знал. Что ж поделать и представленная аргументация убеждает меня в верности слов Серого, который между тем хватает меня за запястье руки и, приподняв её чуть вверх, обращается ко мне. – Я, знаешь ли, не такой слепец, – доверительным тоном говорит мне Серый, – и видел, как ты смотришь на окружающих. – Серый сделал подчёркивающую важность его заявления паузу и обрушился на меня со своим откровением. – Ты определённно ищешь.

И не успеваю я, как следует воспринять то, что он сказал, как он уже берёт меня в оборот, и так сказать, движет моими

поступками. – И чтобы тебе убрать тот барьер, твою неуверенность в себе, который тебе мешает отыскать то, что ты ищешь, то ты прямо сейчас должен кинуть ему вызов. А для этого нужно-то, всего лишь ткнуть пальцем в своё фигуральное небо и проявить мужество, не отказавшись от предоставленного судьбой выбора. – И вновь я только и успеваю, что только следовать за Серым, который вдруг оказался лицом к лицу ко мне и, обхватив мои виски своими руками, с этого близкого расстояния даёт мне последние наставления.

– И неважно, кем она вдруг окажется, хоть ходячим форменным уродством. Главное, чтобы ты потом не оступись от своего выбора. – Серый так убедительно, с такой доверительностью и верой в меня это мне сказал, что я даже не попытался понять, что сейчас происходит и к чему он меня подводит. И моё молчание им воспринимается в должном для него ключе, и он завершает процесс моей подготовки. – А теперь закрой глаза, чтобы быть честным и дать свой шанс судьбе, и укажи, но только громко, на ту, кто будет тем форменным безобразием, от кого ты ни за что не отступишься. – После чего Серый убирает руки с моих висков и резко исчезает с моего небосклона, предоставляя меня и ещё кого-то нашей общей судьбе.

Ну а я мог бы и не закрывать свои глаза, я и так мало что видел, и всё передо мной было как в тумане. Наверное, зрение после его фокусировки на близких объектах, ещё не настроилось на дальние края, а может сказалось то, что

мою голову до этого сжимали руки Серого. Хотя всё же это не до конца верно. А особый прилив туманности Андромеды (это такое особое состояние, когда туман в глазах красочно преобразует окружающий мир – это я так назвал свою рассеянность взгляда) установившийся в моих глазах, появился вскоре после того, как я сделал глоток из банки Серого – однозначно он туда чего-то такого галлюциногенного намешал. Да и глюконат натрия не нужно списывать со своих счетов.

Но всё это мною не принимается в расчёт. Тем более для того чтобы тыкать пальцем в небо, необязательно иметь хорошее, да хоть какое зрение. Да и для меня с этим делом больших проблем нет, это ведь для меня привычно. И я тыкнул, сопроводив своё действие громким выкриком: Вот оно моё форменное безобразие!

И что удивительно и отчасти страшно, то его не только услышали, но и скажу больше, я на него получил свой соответствующий ответ.

– Ты это в кого там тычешь, козёл! – кто-то грозно и так тревожно для меня это произнёс в ответ, что я оглох на второе ухо, а судя по тому, что рядом со мной за столом, теперь моих корешей не наблюдалось, то их скорей всего сквозняком раздавленных слов в один момент вынесло вон из кафе или в туалет. И теперь мне стал понятен хитрый замысел Серого, посмеяться надо мной за мой же счёт, что между тем не отменяло того, что теперь мне придётся одному отдуваться за всех перед ... А вот перед кем, то этого я по причине

того, что мои глаза были далеки до прояснения, то этого я пока не мог видеть. Что однозначно не могло меня устроить, и я срочно принялся протирать свои глаза. На что сразу же следует своё нелицеприятное замечание: «Три не три, а себя в них не увидишь!», – вызвавшее смех радости и удовольствия среди образовавшегося скопления посетителей у стойки раздачи и, конечно, пострадавшего от моих действий менеджера, за то, что зло в моём лице было, наконец, отомщено.

И если насчёт прозвучавшего в мой адрес утверждения, то при данных обстоятельствах с этим точно не поспоришь, чего я и не собирался делать, всё же это не единственное, что меня озадачило, и хорошо, что этого не заметила обладательница этого звучного голоса. А дело в том, что я проявил слишком большое усердие в трении своих глаз, и теперь с трудом различал окружающую действительность. Ну а когда человек с трудом распознаёт окружающее, но при этом он пытается это сделать, то это всегда очень заметно со стороны. И такое моё усердие в плане разглядеть того, кто посмел меня осмеять, сразу же было отмечено противной стороной, и я тут же получил в свой адрес новую порцию язвительных замечаний.

– И что он таким образом демонстрирует? – задался вопросом всё тот же голос. И сразу же сам себе ответил. – А то, что он нас в упор не видит. – Но с этим предположением придирчивого голоса совершенно не согласен вдруг осме-

левший и в край обнаглевший старший менеджер, решивший презентовать себя в качестве весёлого парня. – А может он не доверяет своему, да и вообще зрению, – видимость часто обманчива, – и больше полагается на нюх. Видите, как он принюхивается.– И все, и даже как мне показалось и я, стали приглядываться ко мне. А я ведь тем временем и в самом деле, как это делают люди не облечённые хорошим зрением, прищурился и, вытянув вперёд свой нос, попытался рассмотреть ту, кто мне всё это кричал, а не как все подумали, принюхивался.

И пока все веселились и посмеивались над этой остроумной шуткой в край заборзевшего менеджера, я сумел-таки понять, кто была той, кто всё это мне говорил – она единственная не смеялась над этой не смешной шуткой и главное, надо мной. И я уже было хотел простить этого недалёковидного менеджера, готового ради минутной славы, на радость толпы на такую плоскость отношений с таким высокоинтеллектуальным жанром искусства, как юмор, ведь я нашёл то, что искал, но последующие события, с выходом из толпы определённно самозванки, а не той, кого я столько искал и на кого я, скорей всего и указал (только эта неуверенность и надежда на то, что самозванка действовала по поручению понятно кого, позволило случиться тому, что случилось), взяв меня в оборот, отложили до будущих времён решение любого рода вопросов, которых столько возникло за этот короткий промежуток времени.

И вот отделившаяся фигура напрямик идёт по направлению моего стола и меня это, не буду скрывать, начинает пугать, и постепенно, с каждым своим шагом вдавливая в стул. И, наверное, будь она дальновидней, и подойти сразу ко мне и просто скажи: «Оп-па!», – то мне бы этого одного хватило, чтобы через спинку стула перелететь через себя. Но эта дама выбрала для себя другой путь, приведший её напрямиком на стоящий напротив меня стул. А это, не знаю почему, вдохновило меня и вернуло самообладание. Да к тому же эта грузно садящаяся на стул дама – я ещё не мог опираться на своё зрение, оно ещё не восстановилось, и я видел лишь смутные очертания собеседницы – сама того не подозревая, совершила грубую ошибку, указав мне на мою неполноценность.

– Что смотришь, не нравится моя задница или что? – совсем незнакомым для меня голосом (так мне кажется), громко, что было не обязательно по причине подошедших вслед за ней к столу и вставших за её спиной зевак, заявляет эта моя собеседница, таким образом решив узнать мои вкусы и заодно проверить мою толерантность по отношению к заявленному ею предмету интерьера её тела. Ну, а такие заявки на свою исключительность, на которой настаивает её широкоформатный задний предмет интерьера, не в новинку слышать мне. Ведь эта обозначенная моей собеседницей тема для обсуждения, всегда в тренде, и близка не только самим обладательницам таких достоинств и для тех любите-

лей, для которых они и отрачиваются, но и может послужить хорошим подспорьем для кандидатов наук, чтобы написать докторскую.

И если уж быть до конца честным, то тут места для шуток нет. И все те сомнения и волнения, которые претерпевают при внимательном взгляде на себя сзади все эти носительницы этих привлекающих внимание задних интерьеров (а каждый субъект женского права наделён этим грехом в той или иной степени), несомненно возникают не на пустом месте и значит, имеют право для своего рассмотрения, хотя бы у психологов, если на пластических хирургов нет средств. И их понять можно. Ведь ту грань, которая отделяет настоящее совершенство от перехода в бесформенное и даже форменное безобразие, так и не удалось обнаружить».

– Но я что-то отвлёкся, – сказал рассказчик, провожая взглядом находящийся в свободном зрительном доступе у одной дамы подобный задний интерьер. После же того как Алекс вспоминает, что действительно отклонился от темы, то он возвращается к своим слушателям и продолжает свой рассказ:

«– Я бы хотел заметить, – для устойчивости себя, облокотившись на спинку стула, обратился я к ней, – что если наши отношения сложатся в плюс (я минус и вы полный минус) – эта оговорка, судя по ответному ёрзанию стула, достигла своей цели (здесь я во время своей минусовой оговорки сложил указательные пальцы своих рук в плюс). – То не тебе, а имен-

но мне придётся ежевременно взирать на грузное перемещение твоего зада перед собой. И чтобы суметь перенести все эти тяжёлые тяготы и невзгоды, то нужно иметь незаурядное чувство юмора или же наплевательский характер. Ну а так как я ещё нахожусь в поиске и не отдал предпочтения ни одному из существующих состояний взаимоотношений с окружающим миром, то попрошу вас не испытывать на мне вашу силу тяжести, которую вы маскируете под своим моральным превосходством, и поживее унести свою жопу отсюда, со всех ваших ног». – И на этом кульминационном моменте, где рассказчик, повысив до документальности и красочности своего рассказа голос, и тем самым вовлёл своих слушателей в происходящее – они даже на одно мгновение ощутили себя на месте всех этих событий за спиной той его широкозадой собеседницы – он берёт и обрывает свой рассказ. Чем ещё больше потрясает застывших в одном положении слушателей.

Но рассказчик замолчал не для того чтобы погрузиться носом в свой кофе (ну и для этого тоже), а для того чтобы как следует воздать своим нетерпеливым слушателям за их грехи – их страсть к любопытству и его последствию, нетерпеливости.

И, конечно, его спутники не выдержали и начали терзаться в нетерпении, теребя подошвы свои туфлей об мостовую, что, в конечном счёте, привело к своему вопросу. – Ну и что было дальше? Рассказывай, не томи. – Нервно спросил пер-

вый спутник рассказчика.

– Она врезала тебе или ты опять соврёшь, заявив, что она чуть не подавилась чипсами и тут же ушла лопатиться от возмущения в туалет. – А вот эти передёргивания второго спутника, где он недвусмысленно намекал о недостоверности озвученных сведений рассказчиком, да ещё в таком тоне, конечно, кого хочешь, выведет из себя.

И рассказчик от такой наглости второго спутник, а может оттого, что он хлебнул лишнего из стаканчика, поперхнулся и начал закашливаться. А это был верный знак, указывающий на то, что он что-то определенно скрывал от своих слушателей – так мстительно решили за рассказчика его спутники. Но только Алекс пришёл в себя, то он в одну фразу срезал своих придирал-слушателей.

– Она попросила у меня мой телефон. – Заявляет Алекс, повергая слушателей в немое изумление и шок. И пока длится эта немая пауза, Алекс, наслаждаясь видами их лицевого недоразумения, может спокойно глотнуть кофе. Но вот наиболее придиричивый второй спутник Алекса, Гера, приходит в себя и, пытаясь выдавить из себя улыбку, делает своё предположение насчёт этого поступка его собеседницы (если, конечно, оно имело место быть). – В качестве компенсации за твою дерзость?

– Да нет. – Как-то подчёркнуто простодушно отвечает Алекс, что видимо должно убедить его слушателей в том, что он ни капельки не приукрасил свой рассказ, и он от и до до-

стоверен. И его слушатели уже готовы были ему на слово поверить, но как верно кем-то подмечено, истина кроется в деталях и последовавший детализированный рассказ Алекса, подтвердил верность этой истины.

– Она попросила мой номер телефона, чтобы связаться со мной. («А вот и начались оговорки! – язвительно усмехнулся Гера») Но это случилось чуть позже. А так вначале, сразу после моих достаточно оскорбительных слов, она от прилива в голову крови покраснелась (так мне показалось) и теперь мне уже было можно опасаться того, что она сейчас взорвётся (сразу она на меня не кинулась скорей всего потому, что мой необычный вид мутного типа, уставившегося в одну точку, определённо всех пугал) или лопнет от возмущения, а тогда всем достанется. И я, понимая, что мне по большому счёту терять больше нечего, предупредительно заявляю:

«Ты имеешь полное право, как тебе угодно реагировать в ответ, но знай, я не буду в ответ злорадно надсмехаться над тобой, объясняя твою ответную реакцию твоей умственной платёжеспособностью, способной только руганью расплатиться в ответ. Ведь матерная ругань и ответная злоба, это то единственное, что ты имеешь при себе, своего рода твой наличный капитал, которым ты расплачиваешься с окружающим миром. И в результате всего этого, ты и получаешь в ответ то, что имеешь». – И здесь я видимо нащупал своим зрением верное направление взгляда, что и позволи-

ло мне сквозь бесформенность очертания моей собеседницы увидеть ту самую девушку, которая изначально привлекла моё внимание. И сейчас трудно сказать, да и тогда тоже, где она на самом деле находилась – на месте моей собеседницы, за её спиной или где-то рядом – но это тогда было для меня уже неважно, раз я её видел перед собой. Правда вскоре я понял – мне это всё-таки важно. – С нескрываемой душевной тяжестью проговорил это замечание Алекс.

Но слушателям не до переживаний рассказчика, они до крайней степени эгоистичны и сами хотят переживать, но только за героя рассказа, а не за самого рассказчика, если даже он сам герой рассказа. И самый язвительный слушатель, Гера, боясь как бы Алекс, запереживавшись, не надумал оставить их без самого сладкого, концовки, начинает его подгонять. – Ну так что она тебе ответила? – спросил его Гера.

– Ответила? – ещё находясь на своей задумчивой волне, переспросил Алекс скорей себя, чем Геру, и тут же монотонным голосом продолжил свой рассказ: «Она вдруг окончательно переменялась во всём своём выражении себя и в голосе – он теперь шёл напрямую от неё, а не как до этого, будучи каким-то отражением пространственного эха, издаएका – и как мне показалось, чуточку наклонилась в мою сторону и сказала. – Дай только время.

Ну а я, оседлав в себе самоуверенность, уже не могу остановиться, и с долей цинизма ей заявляю. – Если тебе всей

твоей предыдущей жизни не хватило, чтобы сделать то, для чего ты сейчас время просишь ... А сколько ты, кстати, просишь? – Пару месяцев. – Звучит её ответ. – То разве эти дополнительные два месяца, что-то изменят? – Здесь я, посчитав, что разговор на этом может быть завершён, собрался было прикорнуть у себя на груди, – а я ведь даже не задумался над тем, для чего ей понадобились эти два месяца, – но тут она делает попытку выпросить у меня это время и я, подавляемый непременным желанием прикорнуть, соглашаюсь с ней и диктую ей номер своего телефона для дальнейшего поддержания связи. После чего меня накрывает сон, и я отключаюсь». – На этом месте Алекс замолкает, и как его слушателям кажется, совсем не потому, что его рассказ на этом завершён, – ими подспудно чувствуется недосказанность в его рассказе, – а потому, что он из той тщеславной вредности, которая свойственна всем рассказчикам, знающим несколько больше, нежели слушатели, решил кульминационно напярчь их.

И спутники Алекса в очередной раз ничего с собой не могут поделаться и бурно реагируют на это его выводящее их себя умолчание. – Вот только не говори нам, что ты утром проснулся у себя в постели и понял, что всё это тебе приснилось. – С долей злобы, яростно отреагировал Гера. – Это как минимум нечестно по отношению к нам, доверившимся тебе слушателям и, вообще, это настоящая спекуляция доверием, которая говорит только об одном – твоей умственной

пресности, не способной на воображение.

И хотя за такие слова Геры, его и прибить мало, Алекс удержался от такого наплыва чувств, а решив его по-другому помучить, начинает оправдывать его самые страшные ожидания. – А что я могу поделаться, кроме разве что врать, если всё так и было. – Без тени улыбки, серьёзно проговорил Алекс. – Я проснулся у себя дома в постели, но только под вечер, и понял, что всё то, что со мной случилось, это мне приснилось. – Здесь Алекс делает трагическую для слушателей паузу и когда те уже готовы больше ни одному его слову не верить, а для этого они больше его никогда не будут слушать, как он своим дополнением возвращает к жизни свой рассказ.

– Но так я только в самом начале подумал. – Алекс только это сказал, как его слушатели вновь возвращают своё внимание к нему и, ещё до конца не веря ему, пытаются разглядеть на его лице следы лукавства. Но там вроде бы ничего такого нет, а может он просто отличный лицедей, и они решают, что раз он уже столько времени у них отнял своим рассказом, то они, так и быть, дадут ему ещё немного времени, чтобы оправдаться перед ними. «Так вот что всё это значило! – осенённой этой невразумительной догадкой, ахнул про себя Гера, всегда умеющий о чём-то таком малопопулярном догадаться».

– И как вскоре выяснилось, то всё это на самом деле со мной случилось, и договорённость с той ...надеюсь, что

с той девушкой, о ком я думаю, была на самом деле. – На задумчивой ноте закончил своё предложение Алекс. И, наверное, сейчас бы между ним и его спутниками в очередной раз возникло бы недопонимание, если бы он своим взглядом не натолкнулся на что-то такое, что оно привлекло его внимание, остановило его на месте (пора бы уже упомянуть, что они на месте не стояли, а двигались по мостовой туда, куда всех вёл Алекс). И, конечно, такая спонтанность его поведения, заставившая его товарищей споткнуться о свои ноги и остановиться вслед за ним, вызвала у них требовательные вопросы.

– Что опять? – возмутился самый возмутительный из всей компании, после Алекса тип, Гера.

– А то, что сегодня как раз истёк двухмесячный срок с того самого дня. – Сказал Алекс и, кивнув головой в сторону следующего на их пути здания, добавил. – А вон то самое кафе, где мы должны с ней встретиться. – Что в одно мгновение переводит взгляды его товарищей по направлению его взгляда, после чего они убеждаются в том, что, судя по вывеске, там на самом деле находится что-то типа кафе, и уже с этим знанием возвращаются к Алексу, чтобы начать выражать сомнения в достоверности его рассказа (понятно, что из зависти) – а его показная бледность, принимается ими за игру света или же за игру его лицедейства.

– А я знаешь, теперь понял, к чему ты ведёшь весь свой рассказ. – С выражением бесспорной убедительности заявил

Гера. – Ты как всегда нас разыгрываешь, и это всё специально придумал, чтобы придать самому банальному знакомству со своей новой подружкой, с которой ты нас сейчас там, в кафе познакомишь, ореол романтизма.

На что Алекс, что удивительно, не пытается умаслить этого язву Геру или как-нибудь начать юлить, а он напрямую ему заявляет. – Может и так, но вы никогда, даже несмотря на моё признание, об этом не узнаете. Ну, а чтобы вас заинтриговать, то если хотите, то я могу представить доказательства того, что эта встреча была.

– Какие? – в один голос спросили Алекса его собеседники и тем самым обрубали для себя все пути отхода – теперь они не могли воротить нос, ссылаясь на то, что им это не интересно.

– СМС, которыми мы с ней обменивались. – Простодушно сказал Алекс, доставая из кармана телефон. Чем вызвал перенаправление внимания его товарищей на телефон. Что вызывает у Алекса улыбку и он язвительно делает им замечание. – Не думаете же вы, что я такой подлец, и раскрою вам переписку с Алисой.

– Так её зовут Алиса? – пропустив мимо ушей сделанные Алексом предположения о том, что он подлец (а кто же ещё), Гера так интригуяще спросил. И видимо так произнесённое Герой имя Алиса понравилось Алексу, что он так и быть, решил, что раз его товарищей ни в чём не переубедить, то и не имеет смысла переубеждать, а значит, можно им

показать часть переписки, чтобы убедить их хотя бы в том, что своим глазам иногда надо верить. К тому же его никто за язык не тянул и он сам брякнул о наличие такого рода доказательств.

Так что Алексу ничего не остаётся делать, как в окружении дружеских локтей своих товарищей, которые в виду конфиденциальности предоставляемой информации, решили встать к ней поближе, чтобы ничего не упустить из виду, взять и включить свой телефон и начать там искать историю своей переписки с этой Алисой. А ведь Алекс при этом, так ничего и не сказал о том, как он узнал, что его собеседницу зовут именно Алисой, и об этом немедленно захотелось его спросить Гере. Но Алекс своими последующими действиями предваряет этот его вопрос, давая на него всё объясняющий ответ.

– Вот её первое сообщение. – Пододвигая экран телефона к любопытствующим лицам своих товарищей, комментирует свои действия Алекс. – Сразу обращаю ваше внимание на дату отправки сообщения. Где вы путём не сложных расчётов поймёте, что оно было отправлено мне ровно два месяца назад. – Но его спутники даже не утруждаются его слушать, перед их стоит сообщение: «Это Алиса. Ты ещё не передумал?», – и это почему-то чрезвычайно их взволновало – а ведь они на дню по сотне сообщений получают и что странно, при этом ничего такого волнительного не испытывают.

– И что ты ей ответил? – вдруг проявляет нетерпе-

ние, больше слушающий и молчавший, первый его спутник по имени ...по очень странному имени... по очень, очень странному имени, Я. Оттого, наверное, к нему редко кто обращался по имени и вообще, кто его знал (да и таких по большому счёту и не было – а пойдёшь разберись, кто он такой, когда с ним и к нему так сложно обращаться; в общем, мутный и чёрт его знает, что за тип, и как он вообще здесь объявился – вечно этот Гера кого-то неоднозначного, хотя в данном случае более чем, приводит), старались не упоминать его в своих разговорах, а то ещё не так неэгоистично о них подумают.

А вы только представьте, а лучше поставьте себя на место рассказчика, решившего огорошить вас интереснейшей историей, которая приключилась с вами и этим Я, о котором до этого момента никто из слушателей ничего не слышал.

И не успеваете вы даже начать своё изложение этой увлекательнейшей истории: «Иду значит я вместе с Я...», – как вас тут же перебивают ничего не понимающие слушатели, уже подспудно начинающие подозревать вас, если не в слабоумии, то как минимум с эгоистичным оттенком забывчивости. Мол, мы всегда за вами что-то подобное, с перетягиванием одеяла на себя, замечали, а сейчас это становится больно уж видно.

– Как это ещё понимать? – в удивлении покачивают своим головами ваши слушатели, искренне не понимая, как так можно зарываться в своём самомнении. – У тебя что, раз-

двоение личности? – и конечно не может промолчать и не задаться этим вопросом ваш вечный противник на всех этих вечеринках дискуссионного направления, позиционирующий себя знатоком психологии и психоанализа, какой-нибудь УгрЮм.

Ну а вы, прежде чем начать рассказ, сразу и не сообразили объяснить слушателям, что не так с именем этого Я, а затем уже не сообразили, что так завело в вашем рассказе ваших слушателей, и поэтому восприняли всё происходящее не так как на самом деле было. И вы, приняв все эти наветы злопыхателей (а кто же они, раз так задаются) очень близко к сердцу, принялись соответственно реагировать. – Лучше иметь раздвоение личности, чем не иметь её вообще. – Ну а после такого неприкрытого вашего вызова этому злопыхателю УгрЮму, уже никому не интересно, что там с этим Я, ведь всем теперь хочется одного – увидеть, как вам в нос кулаком ответит УгрЮм.

Но об этом как-нибудь после, а вот что ответил этому Я Алекс, то пора бы услышать.

– А что я ей мог ответить, кроме короткого: Да. – Сказал в ответ Алекс. После чего он открывает последовавшее за его ответом её сообщение, которое вызывает у его любопытных товарищей новые вопросы удивления.

– Ничего не пойму. И что это такое? Тире, дефис или это значок минус? – Спросил Гера, наблюдая картинку, состоящую из последовательного в линию ряда из пяти таких знач-

ков.

– Что-то похожее на эквалайзер. – Выразил своё видение Я.

– Я тоже сначала не понял, что это значит. Но потом по мере поступления сообщений с этими значками разобрался. – Перелистывая сообщения, где на каждом из них стояли эти значки, но только в разном количественном составе, сказал Алекс. – Это, как я решил, своего рода индекс душевного состояния. И по количеству этих минусовых знаков, можно было на тот момент определить душевное состояние Алисы. Правда, я так и не смог понять, за что отвечает каждая из этих шкал... действительно эквалайзера. Но когда на их месте стали появляться плюсики, то меня это уже совершенно не волновало. Я с трепетом ждал нового сообщения с плюсами. И если на их месте опять появлялись минусы, то я, не знаю почему, терял покой и не находил себе места.

– А ты позвонить не пробовал? – вдруг спросил Гера.

– Только в самом начале. – Неуверенно сказал Алекс. – Но не решился, а затем уже было поздно.

– И что, страшно? – спросил Гера.

– Очень. – Признался Алекс. – И ведь главное, я не пойму, чего я так страшусь, идя навстречу с ней. Может я слишком увлёкся с этой перепиской и навоображал себе чёрт знает каких надежд, а сейчас боюсь, что сказка закончится и совсем не так, как мне этого хотелось. И тут ещё присутствует такая странность – я ещё больше боюсь того, что Алиса уви-

дит на моём лице разочарование и ... – тут Алекс, задрожав осёкся и, развернувшись к Гере, с дрожью в голосе обратился к нему. – Слушай, мне кажется, я не смогу туда сейчас пойти. Давайте вы туда ходите, а я вас, – Алекс посмотрел по сторонам и, заметив на противоположной стороне улице подходящее для скрытого наблюдения уличное заведение, кивнув Гере в его сторону, сказал, – вон в той кафешке подожду.

И хотя Гера по своей сути человек не вредный, а всего лишь противоречивый, и поэтому всё делает наперекор желаниям своих знакомых, всё же на этот раз он оставляет свои принципы в сторону и готов выручить Алекса; вот только он не может без своего но.

– Хорошо, мы ходим и посмотрим.– С первых слов обрадовал Алекса Гера и тут же вставил своё но. – Но как мы её узнаем? – спросил его Гера. Но у Алекса есть своё ответное но – его самоуверенность. – Вы обязательно её узнаете. – Похлопав Геру по плечу, сказал Алекс, и пока Гера не надумал какой-нибудь ещё предлог, чтобы остановить его, тут же выдвинулся в сторону той кафешки напротив.

– Мне, кажется, что уже поздно. – Глядя вслед Алексу, сказал Я.

– Почему? – посмотрев на Я, спросил его Гера.

– Алиса наверняка тоже волнуется. И скорей всего уже давно где-нибудь здесь в округе сидит и наблюдает за входом в кафе. – Сказал Я. Чем вызвал у Геры рефлекторное желание окинуть своим взглядом эту округу, но он удержал-

ся от этого своего шага и спросил Я:

– И что нам делать?

– Как что? – искренне удивляется Я.– Пойдём и поедим. А они пусть сидят там и мучаются, ища друг друга глазами. В общем, захотят, найдутся. Телефоны-то на что. – Подмигнув Гере, Я выдвинулся по направлению кафе. Куда вслед за ним направился и Гера, после того как он зафиксировал своё внимание на том столике, где спрятавшись за меню, занял свою наблюдательную позицию Алекс. Ну а как только Гера вслед за Я скрылся в дверях кафе напротив, то Алекс почему-то решил, что можно, наконец-то, расслабиться.

Но только он собрался, откинувшись на спинку стула, вытянуть ноги под столом, как до него со стороны левого уха, то есть сбоку, доносится незнакомый голос. – Значит, любите экспериментировать. – И, конечно, Алекс от такой неожиданности, чему также способствовал его переход в расслабленное положение, нервно одёрнулся прочь в сторону и с выражением недоумения посмотрел в ту сторону, откуда до него донёсся этот голос. Ну а там вроде бы на первый взгляд нет ничего такого страшного, из-за чего стоило так дёргаться – за ближайшим столиком сидит средних лет, ничем столь особым не примечательный человек, который смотрит на него и даже улыбается – и Алекс, собравшись с мыслями, переспрашивает незнакомца. – Извините, я не понял. Что вы спросили?

– Что ж, я могу повторить, если вам это непонятно. За-

метьте, я констатирую факт, а не предполагаю – вы любите проводить эксперименты и при этом на людях. – С такой жёсткостью в голосе всё это сказал незнакомец, что Алекс почувствовал внутри себя дрожь и заодно вдруг понял, что, пожалуй, видимость обманчива и этого человека всё-таки стоит опасаться. При этом это заявление незнакомца внутренне покорило Алекса, – он терпеть не мог, когда кто-то лез ему в душу, – и это сыграло свою роль, и он в довольно резкой форме вопросительно ответил ему:

– А вы собственно кто такой? – Но такой ответ Алекса ничуть не охладил пыл этого дерзкого незнакомца, а наоборот, распалил в нём желание вмешиваться. И он как само собой разумеющееся, бесцеремонно пододвинувшись к Алексу, начал по своему, необычно представляться.

– Я бы мог сказать, что это не важно, или же сославшись на вашу неосведомлённость насчёт значимости моего имени, оградить её от ваших поползновений узнать его, но я так не поступлю и скажу вам его. Меня зовут Сер... – Здесь незнакомец вдруг запнулся и, задумавшись, пробормотал. – Хотя нет, это имя в прошлом. – После чего незнакомец ещё немного поворошил свою память и, вернувшись из её глубин, назвался. – Меня все знают под именем Секунд. И ты можешь так меня звать.

Но видимо Алекс совсем не доверяет этому незнакомцу, и он имеет на это полное право, раз он так замысловато переспрашивает его (вдруг тот передумает так называться и на-

зовёт другое имя).— Как-как?

Но этого Секунда видимо трудно сдвинуть с собственной мысли, если он сам того не захочет, и его глаза даже не загораются от возмущения, услышав такой дерзкий вопрос в свой адрес. И он спокойным, рассудительным голосом отвечает. — Понимаю, не совсем обычное имя. Но так всегда бывает, когда имя подбираешь сам, а не кто-то со стороны, хоть и имеющих на это своё родственное право людей. А сторонний, даже самый любящий взгляд, что ещё субъективней, всегда поверхностен и не может точно отобразить истинную суть человека. Так что на мой взгляд будет вернее, если человек сам позаботиться о выборе для себя имени. Вот я и позаботился о себе, выбрав, как мне кажется, достаточно запоминающееся и знаковое имя. Оно значит, что я никому не позволю на себя смотреть свысока. — С жёстким натиском на слова и с твёрдой уверенностью, что иначе и быть не может, закончил говорить Секунд, смотря на Алекса.

И Алекс скорее убеждён им, чем нет, правда у него натура такая, что он не может принять данность без того, чтобы к ней не придаться, — так он для себя уже решил, что этот Секунд и без своего грозного имени мало кому позволил бы разговаривать с собой не на равных, а его имя этого всего лишь приложение к нему, — и он с некоторой непримиримостью обращается к Секунду. — Тогда не понятно, зачем бросаться из одной крайности в другую, теперь смотря на меня свысока.

– Ничего подобного. – Искренне удивляется Секунд. – Раз вы любите экспериментировать, и нечего тут отнекиваться (опять наговоры, Алекс даже и головой в отрицании не мотнул), то я счёл возможным предложить вам (а совсем недавно тыкал) поучаствовать в одном эксперименте. – И хотя у Алекса возникла масса замечаний и вопросов к этому увёртливому Секунду, – да хотя бы, наконец-то, выяснить у него, откуда он это взял, – он не стал на всё это отвлекаться. И пока перед ним находится Секунд и требовательно на него смотрит и ждёт ответа, то нужно постараться, как минимум, не разозлить его, а уж потом, как только появиться возможность, то избавиться от его опеки – а как Алекс подспудно чувствует, тот обязательно захочет эту опеку ему организовать («На хрена?»), – но это ещё один вопрос из огромной массы вопросов).

– Нет, спасибо. Я, пожалуй, лучше откажусь. Знаю я, чем заканчиваются все эти эксперименты, поучаствовать в которых предлагают люди с улицы. – Не слишком дерзко, но так, чтобы этот Секунд понял, что давить на него бесполезно, дал свой ответ Алекс. Секунд же пропускает мимо ушей это зауалированное под людей с улиц, об именованье его Алексом первым проходимцем, что было бы не совсем точно, он всё же сейчас не находится в данном проходящем статусе, а с позиции конструктивности разбивает его аргументы. – Ну, здесь вы ошибаетесь. – Наставническим тоном проговорил Секунд (ему бы ещё досадливо покачать головой. – Да

уж. –И картина «Неразумный ученик» была бы полной). – И если бы результаты экспериментов были известны заранее, то какой смысл был бы их проводить. – На что было дёрнувшийся Алекс хотел что-то возразить, но Секунд своим заявлением предупредил его возможные возражения.

– И сразу хочу предупредить вас. Не надо задавать ненужных вопросов о цели и предметности эксперимента. А всё потому, что организаторы подобного рода мероприятий, никогда не скажут правду участнику эксперимента. А врать я не хочу. Что же насчёт самих участников опыта или эксперимента, как кому нравится, так и называйте, то для них всех цель эксперимента всегда одна – возможность проверить и преодолеть себя в новых условиях. – Но здесь Секунд допустил ошибку, предлагая Алексу не умозримую, ощути-мую хотя бы мыслями мечту, а непонятно что, что и руками не пощупаешь. Когда как любому самоучке психологу понятно, что для того чтобы суметь убедить потенциального участника эксперимента в чём-то или хотя бы в своём участии в эксперименте, то ему нужно предложить, ни больше, ни меньше, а как раз столько, чтобы у него от количества предложенного голова пошла кругом, ум за разум зашёл, и он, потеряв чувство самосохранения, от желания согласиться весь изошёлся. И конечно Алекс не был убеждён и, не выказав заинтересованности, решил отказать от столь не лестного предложения.

– Боюсь вас разочаровать, но мне это не нужно. – Чтобы

не разозлить этого Секунда, более чем дипломатично высказал свой отказ Алекс. И понятно, что Секунд вот так просто не отступится, и у него кое-что ещё припасено для убеждения Алекса.

– Я бы так не сказал, – прищурился свои глаза, проговорил Секунд, – судя по тому, что вы находитесь здесь, а не там, внутри кафе. – Здесь Секунд кивнул головой в сторону кафе, заставив тем самым побледневшего Алекса перевести свой взгляд туда же. Убедившись же в том, что прилегающие к дверям кафе ступеньки никем не заняты, а через стеклянную дверь вроде бы никто не смотрит, Алекс возвращается к своему собеседнику и с резким тоном обращается к нему. – Не знаю, кто вам обо всём этом рассказал, но это говорит лишь об одном – вы хорошо информированы.

Секунд же со всё той же, присущей ему хладнокровностью, отвечает. – Скажем так, что это отчасти правда. Но мне кажется, что вас это предположение теперь мало устраивает, и вы хотите, чтобы я вас каким-нибудь способом убедил... А вот в чём, то вы и сами пока не знаете и в тоже время догадываетесь.

– Я не понял, что вы сейчас сказали. Но всё это похоже на какой-то ловкий психологический приём. Хотите таким образом расшатать мою позицию? – Вопросил Алекс.

– И ваш стул. Хотя уже поздно, он уже шатается под вами. – Сказал Секунд, бросив свой взгляд на стоящий под Алексом стул, чем вынудил того посмотреть туда же.

И тут Секунд показал себя во всей поразительной сущности – он вдруг залился искренним смехом, вызвав любопытные взгляды посетителей кафешки на себя. Но Алекс хоть и злится на этого наглеца и ловкача, сумевшего его подловить на рефлекс, всё же он, пропустив этот удар, не собирается вот так просто сдаваться, выказав себя способным только на рефлекс, с ответной гневной истерикой (это не моя платёжеспособность). И он, широко улыбнувшись в ответ, обращается к Секунду. – Да вы, как я посмотрю, психолог.

Ответ Алекса вызывает у Секунда другого свойства улыбку, с которой он обращается к Алексу. – Да вы посмотрите на меня внимательно. Разве я похож на удручённого жизнью мыслителя. – И не дожидаясь того, когда Алекс, либо посмотрит, либо ответит ему, Секунд сам за него отвечает. – Вот то тоже. Хотя и психолог тоже. Но только частично. А так я больше человек действия. – И тут Секунд вдруг резко завёлся. – И знаешь, я прямо сейчас осуществляю твоё наипервейшее желание, которое и привело тебя сюда. Посмотри туда, в сторону дверей в кафе. – И не успевает Алекс осмыслить сказанное Секундом, как он уже повернулся в сторону кафе и впитывает в себя увиденное. Правда ему спокойно не дают всё как следует рассмотреть, а всё потому, что Секунду не терпится узнать его мнение и он уже лезет с вопросами.

– Ну что скажешь? – Задаётся вопросом Секунд, вместе с Алексом глядя на вышедшую из дверей и остановившуюся

на ступеньках ведущей в кафе лестницы молодую девушку в леопардовой накидке. И эта девушка, как казалось, не просто вышла подышать свежим воздухом, а она здесь кого-то скорей всего ожидала, поглядывая по сторонам.

Ну а насчёт того, что Алекс мог сказать в ответ на этот вопрос Секунда, при виде отвечающей всем его ожиданиям девушки (и даже больше), то это всё это так сейчас выглядело не реальным, – а всё по причине странного появления и вмешательства Секунда в эту историю, – что он теперь и не знал, что обо всём этом думать. И то, что он ответил Секунду, было то единственное, что как-то разумно всё объясняло.

– Ну, здесь одно из двух. – Не сводя своего взгляда с девушки, сказал Алекс. – Либо это не она – вы заранее, на основании полученной информации отлично подготовились к моему обману, найдя такую прекрасную замену настоящей девушке. Либо это она – вы опять заранее узнали всё, что вам было нужно, а после вашего изучения представившейся кандидатуры девушки, чьи внешние данные вам показались вполне подходящими, решили оставить всё как есть.

– Значит, третьего варианта не предусматривается? – усмехнувшись, спросил Алекса Секунда.

– Я пока что не просматриваю. – Сказал Алекс.

– Пусть будет так. – Рассудительно сказал Секунд. – Да, кстати. А для вас это имеет значение? – Алекс вновь заметил этот переход Секунда с одного ты-обращения к нему на другое вы-обращение, что определённо что-то подразумевало,

но он ещё в этом не разобрался и спрашивать не собирался, а пока коротко ответил. – Да.

– Понятно. – Ответил призадумавшийся Секунд. После небольшой паузы он бросает взгляд на девушку и, повернувшись к Алексу, говорит ему. – А что сидеть и мучать себя гаданием на кофейной гуще, которой тоже нет. Просто иди к ней и всё узнай. – Но Алексу это не кажется хорошей идеей, и он как сидел, так и продолжает сидеть. Чем вызывает заинтересованный взгляд со стороны Секунда и вслед за этим последовавший вопрос. – Что-то не так?

А как будто и так не ясно, что не так. И уж Секунду об этом отлично известно. О чём уже в свою очередь отлично известно и Алексу. Но раз Секунд решил разыгрывать перед Алексом не понимание, то и он не собирается ему правдиво отвечать.

– Не хочу. – Выпирая упрямство на первый план, отвечает ему в таком стиле Алекс. Но Секунда на такое не возьмёшь, и от него тут же следует бесцеремонный ответ. – Или не можешь? – И, пожалуй, Алексу уже хватит потворствовать этому наглецу, и пора бы его поставить на место, но Алекс не посылает его куда подальше, что давно следовало бы сделать, а он берёт и ещё объясняется перед ним.

– А какой смысл, если итог один. Я всё равно не узнаю настоящей правды. – Говорит Алекс.

На что следует вполне предсказуемый ответ Секунда. – Тогда можете обратиться ко мне.

– Но теперь, когда вы знаете всё это, то тогда, даже если вы скажите мне правду, то она не убедит меня. – Сказал Алекс.

– Значит главное, вопрос веры? – спросил Секунд.

– Возможно. – Ответил Алекс.

– Тогда, для того чтобы найти ответ на свой вопрос и узнать, кто на самом деле эта девушка... – Но Секунду не удалось закончить своё предложение – его перебил Алекс, вставив своё замечание и, тем самым закончив за него предложение. – Я должен принять ваше предложение. – Ну а такое поведение Алекса, для Секунда удивительно и вызывает у него значительный интерес, с которым он внимательно смотрит на Алекса, и после небольшой паузы, усмехнувшись, даёт ему свой ответ:

– А кто знает, кроме разве что меня, в чём тоже нельзя быть до конца уверенным, а не участвуете ли вы уже в некоем эксперименте, и мой к вам подход, есть всего лишь его часть или же один из уровней неизвестной игры, в которую вас включили, не спросивши вас – один раз уже так произошло, когда кто-то, ни капельки не интересуясь вашим желанием и мнением, а если такое и было, то вы уже забыли, дав вам жизнь, запустил вас в материальный свет. А раз так, то почему бы ещё раз не попробовать так поступить с вами. И если всё было именно так, а что-то мне подсказывает, что так в первый раз точно было, а второй, возможно, то какое имеет значение, согласитесь вы или нет? – Секунд пристально посмотрел на Алекса, пытаясь уловить его реакцию

на свои слова. Но Алекс к некоторому его удивлению совсем не растерялся, а вполне уверенно даёт ему ответ:

– Но если эта часть игры предполагает вопрос и мой ответ, то значит, что мой ответ имеет своё значение для организаторов игры.

– Пожалуй, соглашусь. – Сказал, засмеявшись Секунд. Ну, а вниманием Алекса между тем завладевает происходящее на ступеньках у того кафе напротив, и он со словами: «А девушка скорей всего не та», – полностью переводит своё внимание в ту сторону.

А там тем временем действительно произошли некоторые изменения, которые скорей всего и подвигли Алекса на озвученные им мысли. И причиной того, что он так решил насчёт той девушки, послужило то, что на площадке перед кафе появился молодой парень. И при этом он не просто вышел, а целенаправленно это сделал, сразу же подойдя к этой девушке. И судя по тому, что она в ответ принялась ему, улыбаясь, что-то говорить, то Алекс имел все основания доверять своим глазам, а не ранее сказанному Секундом, и при этом делать такие соответствующие её поведению выводы.

Но Секунд скорей всего матёрый переговорщик и он ничего в этом не видит страшного, и чего-то такого, что шло бы в разрез с его утверждениями. – А чего это ты такого необычного увидел, чтобы противоречило моему заявлению. – Более чем удивляется в ответ Секунд, смотря вслед за Алексом за тем, как с девушкой заигрывает какой-то молодой по-

веса. После чего он поворачивается к Алексу и язвительно так, говорит ему. – Да ты, как я посмотрю, больно избирателен. Готов проявлять инициативу только по случаю – когда этот случай тебе прямо в руки идёт и никто тебе не мешает. Нет уж, так не бывает. И если ты хочешь получить такую как она, тебе придётся доказать, что ты её достоин. Так что быстро вставай и иди, докажи это, спустив этого хмыря со ступенек. – И Секунд с такой живостью и заводящей энергетикой завершил сказанное, что Алекс даже сам не понял, как оказался на ногах, с готовностью даже не пойти, а броситься на своего противника, чтобы доказать тому, что он слишком заблуждается на свой и этой девушки счёт. И пока он к нему не подошёл, то ему лучше будет скрыться с глаз его долой.

И только стоило Алексу внутри себя осознать, что это будет самый наилучший выход из создавшего, благодаря настойчивости Секунда, положения, тот хмырь как будто почувствовал, какая опасность нависла над его головой, и он, быстро перекинувшись с девушкой в леопардовой накидке парой фраз, возвращается назад к дверям ведущим внутрь кафе, куда он тут же и втягивается. Что же касается девушки, то она ещё раз посмотрела по сторонам, где она, как показалось Алексу, на одно мгновение задержала свой взгляд на нём, и видимо не найдя то, что искала, спустившись вниз по ступенькам, не спеша направилась в свою даль.

Ну а Алекс, в виду того, что он для себя всё доказал и самой причины для того чтобы это доказывать, больше видно

не было, возвращается обратно на своё место и сразу же сходу многозначительно обращается к Секунду. – Мне всё же хотелось бы узнать подробности. – Секунд же понимает его согласие с полуслова и, не скрывая радости, хлопнув в ладоши, словесно реагирует. – Вот и отлично. А раз мы с вами нашли общий язык, то я буду с вами до конца откровенным. Ещё раз посмотрите в сторону нашего кафе. – Секунд своим предложением определённо удивил Алекса, но он ничего не сказал и в который уже раз посмотрел в сторону знакомых дверей, у которых сейчас стояла отдалённо кого-то ему напоминавшая девушка.

– Кто это? – спросил Секунда озадаченный Алекс.

– Скажем так, это фигуральная реальность, которая не всегда совпадает с нашими ожиданиями. Но при этом она не так уж и плоха. Как вы думаете? – спросил Алекса Секунд.

– Очень не плохо. – Не сводя своего взгляда с девушки, проговорил Алекс и вслед еле слышно добавил. – Если конечно это она.

ГЛАВА 2

Человек считающий.

Причин для того чтобы оправдать своё опоздание такое множество, что их и не пересчитать, тогда как для того чтобы прийти вовремя, есть только одна причина – эта встреча настолько важна для тебя, что для тебя не существует ни одной причины, чтобы не быть точным. Но это не единственное, чем руководствовался в своих действиях господин С,

направляясь на назначенную встречу, а он так сказать, был человеком цифр – он не мог без того, чтобы не вести всему свой счёт.

И кто-то бы клинически назвал это его отношение к жизни психическим расстройством под названием синдромом навязчивых состояний, который получил в нём такое математическое выражение – ему, как минимум, повезло в том, что не приходилось по сто раз на день проверять закрыты ли краны в ванне и выключен ли свет в туалете (а там ведь стоят датчики света) – но таких смельчаков не находилось, и не потому, что господин С никогда не обращался за врачебной помощью, а тем более психиатров, а потому что таких смельчаков действительно не находилось – во всём виде господина С сквозила такая непреклонная целеустремлённость к чему-то такому совершенному, что словами и не объяснишь, и при этом чувствовалась уж больно невыносимая тревога за себя, что никому и в голову не приходило что-нибудь сказать ему против.

К тому же господин С считал, что его знаний в области психологии достаточно, для того чтобы получить как минимум докторскую степень, а это уже практически врач и значит, он сам может лечить людей склонных к умственным отклонениям. Тем более он чувствует к этому призвание и склонность – он постоянно испытывает тревогу за здравомыслие незнакомых людей, которые как ему кажется, в последнее время совсем потеряли рассудок, раз так безрассуд-

но ведут себя.

– Человек перестал считать себя человеком. – Господин С вдруг осенила эта всё в один момент перевернувшая в нём мысль, когда он в один из шумных дней, находясь в эпицентре людской толчеи, на самом краю перекрёстка в ожидании зелёного света светофора, был вытолкнут толпой на проезжую часть. Но это так типично для человечества и даже в некотором роде символично – естественный отбор никто не отменял, а он всего лишь эволюционировал, замаскировавшись под правила приличия. И более сильные, как и миллионы лет назад, вначале своего становления на пути к человеку разумному, всё также по прежнему, выдавливают из своих рядов наиболее слабых и неприспособленных к современным реалиям жизни людей.

И господин С, оказавшись лицом к лицу со смертью, которая несла ему летящая на него машина, увидел, не как это у всех обычно бывает – перед его глазами пронеслась вся его жизнь – а он увидел всю изнанку той жизни, которая всё это время окружала его, добропорядочного гражданина. И только лишь умелые действия водителя, сумевшего вовремя среагировать и отвернуть колесо автомобиля от его головы, не оставили его лежать на проезжей части навсегда – а ему, теперь человеку без имени, после всего им увиденного, этого только и хотелось – а позволили господину С остаться... А вот с этим возникли бы вопросы даже у господина С, который после того как пережил этот стресс, с неприятным

болевым ощущением в голове (если физического столкновения с машиной и не произошло, скорей всего удар всё-таки был – той же ударно-стрессовой волной), оказался окончательно разорентированным в пространстве и теперь мало что соображал. И спроси его сейчас, кто он такой и вообще, что он за человек такой, раз стоит посередине улицы и, загородив собой часть дороги, мешает прохожим спокойно перемещаться по мостовой, но он бы только непонимающе посмотрел в ответ на это брошенное ему в лицо оскорбление. – Козёл!

Хотя, наверное, эта скорбная мысль о человеке пришла господину С не вдруг, а к этому откровению его привела цепь из множества взаимосвязанных, как раз тех самых событий, которые всегда скопом любят наваливаться на человека, когда он перестаёт быть осмотрительным к окружающим людям и проявляет в отношении человечества излишнюю (то есть, зачастую переключивая их заботы на свой счёт) доверчивость. И если у человека не достаточно крепкий хребет, а при таком мягком отношении к жизни он становится не столь крепким, то он, как правило, ломается и на этом всё.

Что же касается всех этих трагических для господина С событий, то здесь ничего не было не обычного и всё как всегда складывалось по своей логической схеме, со своим логарифмом действий человека не от мира сего или другими словами, недотёпы:

– Ничего, это со всеми бывает. Может у них дома что-

то случилось. – Обезличив себя, таким способом успокаивал себя господин С в ответ на хамство и грубость окружающих.

– Ничего, это встречается. – Потеряв вместе с заработанными накоплениями доверие к финансовым институтам, а затем и к людям, господин С всё же до конца не сдавался и всё ещё пытался оправдать образовавшийся дефолт в его взаимоотношениях с людьми.

– Ничего, я её понимаю. – Глядя непонимающим взглядом в открытую дверь квартиры, которую раскрыл сквозняк последних отношений с оставившей господина С супругой, через проём которой ещё виднелась её ускользающая фигура, весь дрожа от холода лепетал господин С.

– Ничего, я переживу. – Ослепнув от слёз при взгляде на бумажку о выселении, мямлил про себя господин С, из последних сил хватаясь ртом и руками за воздух.

– Ничего, если так надо, то надо. – Безропотно согласился господин С, когда ему предложили поискать другую, как раз для него, более скучную и неживую работу (А всё потому, что господин С, постепенно растеряв свои зацепки к жизни, эти свои ничего, со временем утратил интерес к жизни (а он ещё был относительно зрелости молод), постепенно замкнулся в себе и перестал творчески мыслить (точнее будет сказать, что он слишком мрачно мыслил), что видимо и не устраивало его работодателей – а зачем нужен человек без радости и веры в будущее, даже если оно и деструктивное).

Когда же исчезло последнее ничего, которое удерживало господина С от последнего шага к ничему, то он в первый раз жизни воспользовался человеческими взаимоотношениями – подпирающей его сзади толчеёй – и сделал этот свой шаг по направлению летящих машин на перекрёстке. Но видимо его окончательное безверие в человека на этот раз сыграло с ним свою удивительно злую шутку, и его надеждам в его подлую сущность не суждено было оправдаться и он остался жить.

– Если человек перестал видеть в людях людей, то он перестал быть с ними единым целым и значит утратил право называться человеком. – В полной потерянности в себе и пространстве, пытаюсь размышлять на ходу, обо всём позабыв и ничего не видя под ногами, пока ещё господин С, таким образом добрался до какой-то свободной лавочки, вроде бы как в парковой аллее, на которую он грузно свалился и начал переворачивать весь свой внутренний мир, который как им только что, при внимательном рассмотрении выяснилось, строился на принципах отрицания в себе человека.

– Но если я окончательно перестану себя считать человеком, а для этого всё делается и созданы все соответствующие инструменты, то кем я стану? Скотом! – К последнему выводу господина С привёл вдруг уткнувшийся ему ногу неизвестно откуда появившийся (просто господин С был увлечён своими размышлениями и поэтому не сразу его заметил), безродный, с его отличительной характеристикой, ху-

добой и облезлостью, рыжий пёс, который скорее всего находился на грани выживаемости, раз он пошёл на такой рискованный для себя шаг.

Но брошенный и забытый всеми родными господин С, чьё последнее пристанище, работа, сегодня навсегда закрыла перед ним свою дверь, и осталось только головой в омут одиночества, а там и до моста недалеко, разве может прогнать эту животину, как и он ещё несущей в себе тепло и готовой разделить всё что ещё есть – почти ничего. И он лезет рукой в карман, чтобы отыскать там хотя бы крошки хлеба, которые как он слышал и в кино видел, всегда могут отыскаться на дне кармана. Но там ничего нет и господин С, наклонившись к псу и глядя на него глаза в глаза, дрожащим голосом говорит: «Это ничего. Сейчас мы с тобой пойдём до ближайшей закусочной и я там тебе что-нибудь стоящее куплю».

– Может чуть позже. – Вдруг откуда-то сбоку, до господина С доносится незнакомый голос, заставивший его вздрогнуть. После чего господин С, находясь ещё в вакууме своего расшатанного состояния, оборачивается по направлению голоса и, ещё не видя спросившего, обращается к нему с вопросом. – Я не совсем понял, что вы сказали? – Но обратившийся к господину С непонятно кто, ведёт себя достаточно странно, и он вместо того чтобы разъяснить причину своего вмешательства в ход дел господина С, откладывает своё объяснение на потом, выказывая заинтересованность в собаке, которую он вдруг решил покормить.

– А вот в моём кармане всегда найдётся крошка хлеба для нуждающегося в ней. – Вытащив руку из кармана своего дорогого костюма и, протянув её по направлению пса, проговорил незнакомец, краем своего, с зеленоватым оттенком глаза, поглядывая на господина С. Пёс же между тем придерживаясь осторожности, подошёл к протянутой руке незнакомца, после чего посмотрел в его лицо и, получив от него одобрение в виде кивка, наклонил морду к руке, обнюхал её и только тогда принялся аккуратно слизывать крошки хлеба. На что много времени не понадобилось и пёс, слизав все крошки, отстранился от руки, и в ожидании скорей всего добавки, уставился на незнакомца. Незнакомец же звучно усмехнулся, глядя на пса, после чего сказав псу: «На этом пока что всё», – посмотрел на свою руку и со смехом обратился к господину С:

– Зализал всю руку, теперь ищи где помыть или хотя бы влажную салфетку.

И хотя такого рода заявления ни к чему не обязывают слушателя, господин С вдруг вспомнил, что у него как раз есть влажная салфетка – ему сокрушённому новостью об увольнении, в тот момент ничего не соображающему, в карман специально подсунул именно такую салфетку (заодно и пыль с глаз вытрешь) новый начальник отдела аналитики и тестирования игр, Людвиг Свих (в этом отделе раньше ведущим тестировщиком был он). «Новая концепция компании не предусматривает нахождение вас в наших рядах, – на всё

про всё у Людвига один ответ». – И господину С не надо объяснять с чьей подачи эта концепция возникла.

– У меня как раз есть. – Протягивая салфетку незнакомцу, говорит господин С. Незнакомец в свою очередь внимательно смотрит на господина С, и после краткого изучения его, улыбнувшись, берёт салфетку. После чего разорвав упаковку, вытаскивает салфетку и, глядя куда-то вдаль, начинает вытирать ею руки. При этом он всё это проделывает не молча, а сопровождая свои действия странным разговором.

– В последнее время заметил за собой странную особенность. Вот ничего не могу с собой поделать, не могу пожимать протянутые мне руки и всё. А с вами такого не бывает? – повернувшись к господину С, спросил его незнакомец.

– Боюсь, что мне это больше не грозит. Мне с некоторых пор не с кем здороваться. – Горько усмехнулся в ответ господин С.

– Так вы счастливчик. – Горько усмехнулся незнакомец. – А мне в отличие от вас не так повезло, и до сих пор приходится вытирать салфетками руки, после этого процесса под названием поздороваться, когда на самом деле, ничего нет более заразного, чем рукопожатие. Ведь через него не только передаются инфекционного характера болезнетворная зараза, но и злокачественные мысли. А ничего так пагубно не действует на человечество, как злокачественная мысль в привлекательной обёртке вселенского счастья и равенства. А идеи, – тут незнакомец наклонился к господину С и до-

верительно к нему обратился, – скажу вам так, больше чем какая-нибудь самая страшная болезнь унесла людских жизней. Ведь как говорил Ницше: «Безумие единиц – исключение, а безумие народов – правило». – После чего незнакомец вернулся в своё обычное положение и, дотерев салфетку до своих дыр, а руки до красноты, отнял салфетку от рук, изучающее на неё посмотрел и, странно сказав: «Вижу следы стараний человеческих», – выбросил её в ящик для мусора. Затем повернулся к господину С и обратился к нему:

– Что же насчёт вас. То я готов решить ваши проблемы, если вы, конечно, не слишком заняты.

– Знаете, я кажется сейчас полностью свободен и полностью к вашим услугам. – Горько усмехнувшись, сказал господин С. – Ну, насчёт полной свободы, то я бы не был так уверен, а вот насчёт вашего предложения, то я буду не прочь его принять. – Сказал незнакомец, пристально смотря на господина С, который даже поёжился от этого холодного взгляда. После чего незнакомец бросает свой взгляд на пса, который всё также стоит на прежнем месте, и со словами: «Прежде чем перейти к делу, давайте сводим пса покормить. Ведь вы ему обещали. А разбрасываться словами, даже перед бессловесными тварями, никому не к лицу», – поднимается с лавочки, вслед за собой поднимая и господина С, с которым они и последовали вначале к закусочной, а затем по взаимному соглашению, одной дорогой.

И сейчас господин С как раз и следовал на встречу с этим

господином, который так и остался для господина С человеком без имени (точнее сказать не названным, имя у него всё же есть, но как-то так назвалось и он стал господином С так значить), где кроме этого правила – никогда не называть его по имени (что не сложно делать, не зная его), строго настрого требовалось придерживаться и второго основного правила – не тянуть руку для рукопожатия.

Ну а господину С этого и не требуется, он с тех давних пор, со времени встречи со своим новым работодателем, кардинально переменялся в такой степени геометрической прогрессии, что о ней будет лучше не знать и не догадываться. И он больше не стремился таким образом уделять внимание к чужому здоровью, а вот сбавить его оборотистость, то всегда пожалуйста.

– Если для того чтобы оставаться человеком, – глядя в глаза рыжему псу, которого господин С забрал к себе домой, говорил он, беря в руку телефон, чтобы принять предложение незнакомца, – нужно стать скотом, то я им стану. – И здесь господин С только в одном ошибся – он стал лютым зверем, с обсессивно-компульсивным расстройством.

Между тем господин С, следуя на эту встречу, вначале на метро добрался до нужной станции (он в своих передвижениях всегда использовал общественный транспорт – вероятность того, что такси попадёт в пробку и тем самым собьёт его с точного графика, была крайне выше, нежели у метро), после чего пешком преодолел различного рода переходы и,

наконец-то, а вернее строго в соответствии с его расчётами, оказался на площади тысячи экранных огней – телеэкраны в виде вывесок на фасадах зданий уже давно стали частью современного облика городов.

Далее путь господина С лежит по мостовой до самого высотного здания на этой площади, куда он без лишних трат времени на утратившие свой смысл прежние сомнения – столь ли ты значим, чтобы туда зайти – самоуверенно направляет туда свой шаг. И, пожалуй, глядя на то, как уверенно идёт господин С, впору многим людям самим задаться вопросом и они задаются им – а ты сам-то не являешься ли тем, кому здесь совсем не место, когда здесь прохаживаются такие независимые от любого вида реалий, в том числе и от итогов биржевых торгов, господа.

Но господина С всё это совершенно не волнует и он даже не смотрит по сторонам, всё больше наблюдая за тем, как брюки его дорогого костюма развиваются, когда он переносит в шаг свою ногу и вступает ею на пол, отглаженный до блеска и отражения в нём благосостояния вступающих на него господ, чьи старания при топтании по нему и привели его в такое чувствительное состояние. И это не такая уж и метафора. Ведь когда нога влиятельного господина вступает на этот пол, то у многих людей в этом здании в тот же момент содрогается и начинает бешено колотиться сердце, в волнении интересуясь только одним – что он им несёт, прибыль или банкротство.

Что же касается господина С, то с ним всё было несколько иначе, а всё по причине того, что он был практически никому в этом деловом центре неизвестен и находящиеся на входном контроле сотрудники этого центра, ничем не могли порадовать или наоборот огорчить тех деловых людей наверху, кто приносил прибыль, а кто свои убытки, всем влиятельным людям этого и других городов.

Но господину С и до этого нет никакого дела, и он ни на кого не обращая внимания, доходит до лифта, куда после небольшого ожидания, он вместе с другими ожидающими людьми вскоре входит, чтобы спустя столько-то этажей выйти там где нужно.

– Ни одного достойного для запоминания лица. – Сделав свой подсчёт, вышел из лифта господин С, который на этот раз больше принимал в расчёт свою субъективность, нежели придерживался объективности – он стоял лицом к спинам пассажиров лифта и поэтому не мог отлчимо видеть их лица. Хотя если он говорил со всей свойственной ему прямолинейностью, то, пожалуй, он прав. Раз он не видел лиц пассажиров, то и запоминать ему некого.

Но всё это остаётся за дверьми лифта, а господин С по паркетному полу направляется в распахнутые для любого человека при деньгах или на крайний случай кредитной карты, двери ресторана. Где к его услугам будет всё, если он, конечно, пройдёт через встречающее лицо администратора, которое, конечно же, никого мимо себя не пропустит, и уже

с распростёртыми руками, а вернее сказать, с широко открытыми глазами, стоит перед вами и на вас изучающее смотрит.

И не успевает господин С выразить надежду на своё понимание, как администратор уже по своему всё поняла и, растянув на своём лице ещё больше улыбку, что очень сложно, когда в соответствии дресс-кодом этого делового мира постоянно приходится улыбаться, заявляет, что в их ресторане именно этого, пока что неизвестного для них господина, как раз для полного комплекта не хватало. Ну а заводить разговор о том, что они ему бесконечно рады и говорить нет большого смысла, одна её улыбка чего только стоит.

– Сумме твоего оклада, дура. – Не сводя своего взгляда со рта администратора пока что женского пола, а дальше кто знает, как его назовут политики радужных мастей, мгновенно подсчитал господин С, поражаясь современному уровню образования, где всему надо учить эту молодую поросль. Правда такая целеустремлённость господина С на рот администратора почему-то смутила её, заставив прикрыть рот рукой. И тут господин С посчитал, что она, как оказывается, достаточно пробивная дура.

Впрочем, он сюда пришёл не для того чтобы считать или не считать администратора за того, кем она может быть и не является, и он своим обращением к ней прекращает все эти домысливания. – У меня здесь заказан столик.

– Ваше имя? – немедленно спрашивает его администратор, покоробив своим вопросом господина С. А всё пото-

му, что он с тех пор как познакомился с человеком без имени, видимо начал перенимать его привычки на себя и теперь не выносил, чтобы его имя звучало вслух. – Срочно нужно его изменить. – Стиснув зубы, проговорил про себя господин С, без движений в лице продолжая глядеть на ожидающее от него ответа лицо администратора.

– Ваше имя? – еле удерживая улыбку на лице, администратор попыталась дозваться до онемевшего в лице господина С. Господин же С после небольшого раздумья даёт ей свой ответ. – Давайте я скажу вам номер столика, а вы к нему меня проведёте. – Ну а это предложение господина С, хоть и находит отклик у администратора, но только не в том качестве, на котором настаивал господин С. И администратор, продолжая улыбаться, стараясь не ранить чувства господина С подозрением на его не честность, ловко ссылается на то, что она и сама всего лишь инструмент в чьих-то руках, а так бы она давно его пропустила. А если так, начистоту, то это не в правилах их заведения. И если господин С действительно делал заказ, то он делал его на чьё-то имя, а это значит, что он его знает и ему не будет страшно его ещё раз назвать.

И, пожалуй, это логично и трудно опровержимо, да и судя по времени, которое показывают часы господина С, на которые он время от времени поглядывает, то его у него почти что нет и придётся не считаться с жертвами на его пути к цели (а такой счёт для господина С ещё больше по своей уби-

енной душе).

И господин С сейчас бы с неимоверным удовольствием лишил бы эту пустую улыбку администратора главной его составляющей, зубов (а они до своего скрежета любят свой пересчёт), если бы из-за спины администратора вдруг не выплыла высоченная тень, тёмного как сама тень человека. Который в своём наклоне к уху администратора мгновенно убеждает её в чём-то, а вернее, в том что господина С можно и без этих формальностей пропустить в зал, и он пропускается.

Далее господин С, сам того не заметив, при подсчёте количества столов в зале и видимых людей за ними, теряет из виду человека-тень, отчего он не много и теряет. Хотя всё же было бы легче, если бы он показал ему нужный стол, а то господину С приходится не так легко в поиске нужного стола – человек без имени, уже можно догадаться, не любит выделяться и всегда находится в тени.

Но вот вроде бы нужный стол найден и, господин С, подойдя к нему, представляя себя на обозрение, ждёт своего приглашения – стол как можно было и ожидать, находился в самом отдалении от всех других столов, в своей вип-зоне, где можно под прикрытием свисающих с потолка и взявших в свой плен стол занавесей, не отвлекаясь на посторонние взгляды на тебя, в основном, конечно, поговорить.

А прибывший ранее и занявший своё место за столом человек без имени, между тем не спешит приглашать за свой

стол господина С, а всё по причине своей большой занятости – он намазывает на кусок хлеба сливочное масло и ему никак нельзя ошибиться с толщиной слоя масла, а иначе будет приторно масляно, в случае если он переборщит, или же будет недостаточно питательно и сухо, если он себя так обделит. И господин С, отлично понимая насколько важен любой процесс, где присутствует своя математика, ни единым звуком не отвлекает человека без имени, внимательно наблюдая за тем, как тот ловко управляется своим столовым ножом.

– Я бы сказал, что это настоящий шедевр, но не могу этого сделать, пока не выслушаю мнения моего друга. – Спустя совсем немного, а точнее может сказать только один человек, но он не скажет этого по причине своей занятости, выставив перед собой бутерброд наполненный красными икринками, обратился к господину С человек без имени.

Ну а господину С два раза напоминать не нужно и он отлично понимает о чём идёт речь.

– Сорок девять. – Даёт ответ господин С.

– А ты знаешь, что это значит? – спросил его человек без имени.

– Нет. – Еле выговорил это отрицание господин С, в чьём лексиконе при общении с человеком без имени такого слова не существовало. И это по своему импонировало человека без имени, который в редкие моменты отклонения от самого себя – это достаточно сложное для понимания явление, с его расслоением, а не раздвоением личности, когда всё

так перемешано, что и не понять, что происходит, но что-то точно происходит с этим человеком ли – называл господина С господином Си. Здесь в первую очередь подразумевалось, что он по-итальянски безотказный человек, а также во вторую, но главную очередь, намекалось на то, что господин С не просто человек, а целая ходячая система СИ. И в этом человек без имени был в большей отчасти прав.

Сейчас же человек без имени ничего в ответ не говорит, а откусив кусочек от бутерброда, начинает тщательно его прожевывать. А как только он его прожевал, то он вновь спрашивает господина С. – А теперь сколько осталось?

– Девять. – Даёт ответ господин С. И на него тут же следует вопрос со стороны человека без имени. – А это что значит? – И вновь господин С вынужден сказать ненавидимое им всем сердцем слово «нет». На что человек без имени на этот раз не откусывает свой бутерброд, а к изумлению господина С вдруг начинает смеяться, и со словами: «А это значит, что в соседний рот неприлично заглядывать!», – указующим кивком руки, весело садит его на стул. После чего человек без имени заканчивает все свои дела с бутербродом, а господин С ждёт, когда он освободится и обратит своё внимание на него – конечно не с той же плотоядной целью, что к бутерброду, хотя среди хищников не без этого.

Человек без имени тем временем видимо вошёл во вкус и, взяв с хлебницы ещё один кусочек хлеба, приготовился проделать с ним те же действия, что и с первым куском хле-

ба. Правда сейчас человек без имени не так одинок за своим столом и он уже не так голоден, как был до первого бутерброда, а это всё вместе даёт свой повод для мысленной деятельности, которая придаёт особую остроту приготовляемым бутербродам.

Ну а так как человек без имени собирался строить, а не разрушать, то и течение его мыслей обратилось к самому первому строителю мира, творцу всего и вся.

– На самом деле, – сняв с лежащего в тарелочке куска масла тонкий слой масла, заговорил человек без имени, – творец не создал человека, как все ошибочно думают, в доказательстве своего утверждения ссылаясь на домысливания друг друга и авторитетные ветхозаветные издания. А творец всего лишь выделил его сущность из уже существующего бытия, единой частью которого он тоже был, и придал ему форму согласно своему подобию и видению. – Человек без имени положил нож с маслом на кусок хлеба и принялся намазывать масло. После же того как первый слой масла был уложен, он посмотрел на господина С и, заговорив, в такт своих слов начал водить из стороны в сторону нож.

– А форма это образ... – тут человек без имени специально сделал паузу, чтобы зафиксировать внимание на сказанном и на том, что будет дальше. И уже после этого продолжил, – тут творец специально умолчал, что мышления. О чём он уже ранее намекал, говоря, что создал человека по своему образу... (уже догадались) да, мышления. Где об-

раз есть форма (вот оно как всё взаимосвязано – одно из другого вытекает и обратно втекает) самовыражения человеческой сущности. А вот что из себя представляет эта сущность, то на этот вопрос вот так просто не дашь ответа, а можно только строить косвенные догадки. Хотя подсказки для этого очевидны – та форма, в которой выведена в мир... – человек без имени сделал задумчивую паузу, во время которой он окинул взглядом господина С, и только после этого продолжил говорить, – скажем так, жизненная единица. Создатель или вездесущий, играет с нами, как дети в песочнице с её содержимым, строя из своих форм различные фигурки. Ну а крепость этих фигурок, слепленных кто на скорую руку, а кто самым тщательным образом, зависит не только от приложенного к ним усердия, но и от самого использованного для их создания материала – в песочнице ведь кроме песка и глины, может попасться и другой минеральный элемент. Не зря же говорят, что человек вылеплен из глины. – Человек без имени подытожил свой рассказ тем, что завершил строительство своего бутерброда, насыпав ложкой на хлеб икры. После чего он бросил испытывающий на крепость бутерброд взгляд и, не желая вдаваться в детали, то есть не интересуясь у господина С о количестве икринок, откусил его и принялся методично разжёвывать откусанный кусок.

И на этот раз человек без имени всё это проделывает не молча, а продолжая вести беседу с господином С, а точнее, свой монолог.

– И теперь каждая из созданных форм жизни борется за собственную форму существования. Так звери готовы загрызть любого во имя выживаемости своего вида, а люди изо всех сил стараются выжить, ради продолжения своего рода. А ведь между формой бытия в виде человека и зверя, есть одна знаковая общность – каждый из них пропускает момент своего становления человеком или же зверем, а затем так и живёт с этим непониманием практически до конца своей жизни. Если, конечно, в его жизни не случится что-нибудь такое из ряда вон выходящее и ему не укажут на его звериную сущность. – Здесь, на этом моменте, господин С напрягся от этих прозвучавших слов, а человек без имени застекленев в своём взгляде и, смотря сквозь господина С в неизведанную даль, вновь сделал паузу, чтобы остыть от внутреннего перегрева и запить возникшую сухость во рту минеральной водой из бокала.

Ну а как только человек без имени нормализовал внутреннее состояние и бокал был отставлен обратно, то он продолжает свои размышления вслух. – А ведь существование бытия в таком своём бесконечном разнообразии форм, косвенно указывает на свою вечность, где лишь только сами формы бытия имеют свою временность существования.

– Ну а то, что нам так бесконечно, – а как иначе, – хочется сохранить своё Я, эту свою временную форму своего бытия на данном временном отрезке бесконечности (целесообразность его существования я не буду сейчас рассматривать),

то этому есть простое объяснение – в этом заложен основной принцип самосохранения человека, который таким образом выполняет функцию защиты этой формы своего бытия. Ведь перестань человек себя любить и ценить, то он вскоре погибнет, а так любовь к себе сохраняет и поддерживает в нём жизнь. И, наверное, то, что со временем человеческая оболочка саморазрушается, есть свой смысл – человек постепенно отходит от любви к себе и к дальнейшему самосохранению в этой своей форме для того чтобы более спокойно принять неизбежное, со своим переходом в иные формы бытия. – Человек без имени мельком бросил свой взгляд на внимающего ему господина С и, заглотив последнее, что осталось от бутерброда, начал его прожёвывать. После чего быстро справился с ним и, положив свои руки перед собой на стол, с некоторой резкостью в голосе сказал:

– А кто решит проявить самоуправство, предав большее значение форме своего выражения, чем своей сущности, то тот непременно поплатится за своё пренебрежение законами бытия и выживаемости (а некоторых так и распирает в форменное безобразие – оттого, наверное, так плачевно выглядят те формы личности, кто всё поставил на внешнюю изнанку; а так только и бывает). – А вот эта последняя часть монолога-размышления человека без имени, навела господина С на единственную, как ему кажется, верную мысль – человек без имени таким образом намекает, что нет смысла себя беречь, если эта его оболочка временна и дана человеку

лишь как инструмент для решения поставленных перед ним задач.

Между тем человек без имени заметил некоторую возникшую в господине С отстранённость от внимания к нему, что было им воспринято по своему не однозначно и он поспешил развеять у господина С возникшие вопросы, которые мешали ему беспрекословно принять то, что он ему сейчас рассказал – но это только человек без имени так думал.

– Но если форма прекращает своё существование, то у кого-то может возникнуть вопрос, то как быть с осознанием человеком самим себя и куда девается его разум? – человек без имени пристально посмотрел на господина С, как бы спрашивая его – а не ты ли тот самый неблагоприятный человек, который суёт свой длинный нос куда не следует. Ну а господин С, конечно, не такой неблагоприятный человек, и даже если бы он им был, то никогда бы не признался в этом, и поэтому он не сдвигаемо молчит.

Что ж, господин С умеет быть убедительным (даже молча), и человек без имени возвращается к своему монологу. – Но для того чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно вспомнить то, что мы часто забываем. А забываем мы, и часто просто не придаём своё истинное значение тесной связи между мысленным и реальным миром. А она, несомненно, существует. Да и в таких количествах, что мы подчас не можем отличить материальную реальность от её мысленного представления. Из чего я смею предположить, что

послужившая источником для формирования нашего самосознания субстанция, родом всё оттуда же, из нашего сущего. Где она всего-то имеет несколько отличные качественные характеристики, определяемые своими границами возможностей и способностей. Но всё это всего лишь свои субъективные, зрительного характера представления окружающего нас мира, где его мыслимость служит лишь для того, чтобы на предварительном этапе, в своих будущих взаимоотношениях с окружающей средой под названием миром, в проекте рассматривать свои замыслы, а вот реальность уже служит для того, чтобы в действительности материализовать все эти задумки. Как, например, я сейчас. – Сказав это, человек без имени отнимает свою руку от стола, не спешно просовывает её во внутрь своего пиджака, немного, самую малость там задерживается, и вскоре оттуда вместе с рукой на свет появляется револьвер. Чей вид почему-то сильно удивляет человека без имени и он, покачав головой, возвращает руку с револьвером обратно, откуда на этот раз им вынимается совсем маленькая, но зато живая птичка.

Что несомненно необыкновенно и очень удивительно, и не может не вызвать вопросов у господина С, безотлагательно желающего знать, как такое вообще возможно. – И как она там смогла поместиться? – глядя на этого воробышка на руках человека без имени, про себя задался вопросом господин С. Ну а человек без имени в свою очередь кладёт свою руку с воробышком ладонью вверх на стол и вме-

сте с господином С принимается наблюдать за тем, что себе позволит сделать эта птица.

Воробышек же хоть всего и боится, но в тоже время любопытство берёт своё, и он начинает потихоньку пододвигаться к выходу с ладони руки на стол, где, несомненно, интересней. И так пока он не оказывается на более твёрдой поверхности стола, после чего он уже начинает более осмысленные движения в сторону хлебницы. Что со стороны человека без имени вызывает замечание.

– Вот я смотрю на это божье творение и сам того не желая, спонтанно начинаю насчёт него и себя мыслить. – Тут человек без имени вдруг замолчал, и господин С подумал, что его слова неожиданно материализовались – он сам того не желая, спонтанно начинает насчёт него и себя мыслить. – Но только господин С так подумал, как человек без имени как будто очухивается из глубин свой мысленной сути и обращается к нему. – Ты уловил самую суть.

И хотя господин С уже не раз был свидетелем проявления человеком без имени такого рода экстрасенсорных способностей, всё же к этому трудно привыкнуть, а чтобы поставить барьер перед этим проникновением в глубины своих мыслей и речи быть не может – человек без имени в раз об этом узнает и потом даже не думай, что тебя может ждать – мысленная закупорка, как минимум. И господина С в очередной раз опять внутренне покорило.

– Но я тебе не это хотел продемонстрировать. – Сказал

человек без имени и, взяв со стола пустой бокал, в один момент прикрывает им воробышка. После чего он берёт со стола тряпичную салфетку, накрывает ею бокал, затем смотрит на господина С и задаёт ему вопрос. – Ну а теперь осталась самая малость. Ответить мне, где птичка?

И, конечно, господин С не спешит идти самым простым путём, на который указывает очевидность. – И если бы тут не было никакого подвоха, то зачем бы человек без имени задавался этим вопросом? Но тогда какой смысл? – задаётся про себя вопросами господин С и не может на них ответить. И не потому, что не знает ответа, а хотя бы потому, что человеку без имени спокойно не сидится и он специально накаляет обстановку, сбивая господина С мысли. – А может и нет тут никакого фокуса. – Вставляет свои замечания вход размышления господина С человек без имени.

– Тогда в чём секрет? – почему-то так спрашивает человека без имени господин С, в первые за время своего нахождения за столом решившись на открытый вопрос.

– Секрета никакого нет. А всё это было продемонстрировано лишь для того, чтобы показать тебе на собственном примере, как зыбки наши представления о реальности, где тебе лишь одной, не понятно на чём основанной (на каких-то смутных предположениях, построенных на логических умозаключениях) неуверенности, уже хватило для того чтобы отвергнуть, казалось бы, вот она, несомненную очевидность. – Человек без имени досадливо покачал головой

и, отодвинув стоящий перед собой бокал, которым был прикрыт воробей, в сторону, на край стола, заговорил. – А ведь реальность воробья, по мне так, совершенно не очевидна. Откуда ему спрашивается, здесь взяться? Ещё скажи мне, что ты сам видел, как он появился из моего внутреннего кармана. На что я скажу, что этого никак не может быть, потому что не может быть никак. И получается, что некая неочевидная реальность, чуть ли не выдуманность твоего воображения, взяла и запросто сумела разубедить тебя в реальности происходящего и вместе с этим окружающего мира. А что будет тогда, если сама действительность возьмётся за то, чтобы разубеждать тебя в реальности происходящего? – человек без имени своим вопросом чуть ли не вдавил господина С в свой стул.

Но тут господин С видимо уже весь изошёлся от этого всего нагромождения на себя мыслей, которые на него навалил человек без имени, и он, не сдержавшись, своим вопросом перебивает человека без мыслей. – Так птичка там или её там нет? – На что немедленно следует жёсткий ответ его оппонента:

– В таких случаях, всегда надо иметь в виду третий вариант. И спрашивать. А она там изначально была? – И теперь господин С оказывается окончательно придавлен человеком без имени, который вдруг резко переменяется и со странной доброжелательностью делает дополнение. – Давай оставим ответ на этот вопрос до лучших для птички времён. Тем бо-

лее у нас есть масса других нерешённых дел. – И первое, требующее для себя незамедлительного решения дело, видимо находилось как раз очень близко, на впереди стоящей тарелке, прикрытой крышкой из серебра, к которой и потянулась рука человека без имени, чтобы освободить то, что там под крышкой ждалось его.

Ну а что там так сильно ждало человека без имени, то это для господина С сквозь вырвавшийся из под крышки пар так и не прояснилось, а всё потому что господин С был далёк от знаний таких кулинарных изысков, которыми балуют себя и посетителей ресторанов шеф-повара этих ресторанов. Да это и не было столь важно, когда он сюда не ест пришёл, а слушать то, что ему скажет человек без имени, который в отличие от него был не прочь соединить два в одном, полезное с приятным.

И если за приятное отвечал обед в ресторане и сопутствующий ему разговор, то за полезное уже отвечал последовавший за предварительным разглагольствованием человека без имени, его более обстоятельный разговор.

– И вот тут я подхожу к самому главному. – Стянув с вилки кусочек мяса, проговорил человек без имени. – Целесообразности существования этой жизненной формы под названием человек. – Человек без имени, прожевав, проглотил положенный в рот кусочек мяса и, нацелившись на что-то на своей тарелке, начал блоками выдавать мысли.

– Так одна часть человечества обосновывает своё суще-

ствование тем, что именно оно придаёт смысл своему существованию (по мне так, тавтология сплошная). Другая же часть человечества считает несколько шире – мол его существование придаёт смысл этому миру. Ну а третьи пошли дальше, и решили, переосмыслив реалии мира, переделать его под новые реалии жизни. И мне кажется, что я отчётливо вижу, к какой из этих категорий людей ты себя причисляешь, мой друг. – Обратился к господину С человек без имени. И человек без имени не ошибся в своём пронизательном предположении – господин С причислял себя к тем, к кому следует причислять себя. А раз так, то человек без имени может довериться ему и он, отодвинув тарелку, теперь может поделиться с ним некоторыми соображениями насчёт переустройства этого мира.

– Человечество на своём пути эволюционного развития, а оно развивалось линейно, не раз вставало перед дилеммой выбора своего дальнейшего пути развития. И в этот поворотный момент истории ему стоило как следует подумать над тем, как дальше быть, – ведь сделанный им выбор дальнейшего пути, кардинально менял всё его будущее, – и чего вероятно, совершенно не удосуживались делать современники того времени. Но как часто... да практически всегда бывает, не разум движет человечеством, а совокупность непреодолимой силы случайных стечений обстоятельств. И человек в итоге пришёл к тому, к чему он ...Наверное будет не правильно говорить, стремился – человек никогда не знает, че-

го хочет – а скажем так, к тому к чему пришёл. – Человек без имени сделал глубокий выдох и, немигающим взглядом уставившись на господина С, начал его изучать, как будто в первый раз видел. В результате чего заставив господина С делать то, чего он не привык делать – начать о себе думать и искать в себе то, что так заинтересовало человека без имени, мимо которого ничего мимо не пройдёт и он любого даже самого мутного типа на чистую воду выведет.

Что видимо и собирался сейчас сделать человек без имени, взяв в руки бутылку с минеральной водой, которая после того как она была им открыта, выливается в один из пустых бокалов, а уж затем человеком без имени пододвигается в сторону господина С. Господин С в свою очередь выжидающе смотрит на человека без имени и ждёт от него предложения. И оно тотчас поступило.

– Что смотришь. – Обратился к господину С человек без имени. – Давай пей. – И хотя господин С никоим образом не выказывал желание утолить жажду, он не стал интересоваться и спрашивать у человека без имени, с чего он взял, что он хочет пить, и, вообще, что всё это значит. А зная, что это обязательно что-то значит и необходимо сделать, взял бокал и, не сводя своего взгляда с человека без имени, залпом осушил бокал странного качества воды – она на вкус ничем не отличалась от простой воды, но её вязкость заставляла господина С предпринимать усилия, чтобы проглотить её.

И только успел господин С поставить пустой бокал

на стол, как выпитая вода тут же дала о себе знать – господин С почувствовал головокружение, с частичной разориентацией в пространстве, и потерей фокусировки зрения – у него перед глазами всё поплыло и он был вынужден ухватиться за подлокотники стула, чтобы не упасть. Человек без имени тем временем внимательно наблюдает за всем, что с ним происходит. Ну а как только господин С ухватился руками за подлокотники стула, то он обращается к нему. – Не беспокойтесь, это пройдёт, как только жидкостный элемент займёт свои памятливые ячейки.

– Что это ещё за элемент такой? – смотря сквозь обволакивающую глаза плёнку, с трудом выговорив вяжущим языком слова, спросил его господин С.

– Это жидкостный носитель памяти. Он лёгкой плёнкой обволакивает отвечающие за память нейронные сети человека и тем самым односторонне блокирует её. После чего вся запись вашей жизнедеятельности будет вестись на этот внешний носитель, а не на твою внутреннюю нейронную память. А это всё позволит мне в дальнейшем быть уверенным в том, что полученная тобой информация дальше никуда не разойдётся и не будет так портящих отношения, информационных утечек. И ещё для информации. На этом носителе содержится вся необходимая информация, которая тебе понадобится для нашего будущего дела. При этом ты сможешь спокойно пользоваться и своей внутренней памятью. Ну а как только всё как надо будет сделано, то я избавлю

тебя от этого лишнего груза памяти и значит, ответственности со своими угрызениями совести. – Человек без имени замолчал, вглядываясь в господина С, который видимо уже начал осваиваться в своём новом состоянии и обратно выпрямился на стуле. Что убедило человека без имени в том, что теперь можно перейти к основной части разговора, и он, понизив звук голоса до самого низкого, заговорил:

– Ну, так вот. Зная поворотные моменты истории и, имея поворотные ключи момента, а они несомненно существуют, можно с помощью этого ключа момента изменить направление его взгляда и тем самым перенаправить человечество по другому пути своего развития. – И видимо сказать всё то, что было сказано только что, было не так легко сделать человеку без имени, раз он потемнел во взгляде и как показалось господину С, похолодел лицом – а как ещё объяснить обелившиеся морозом ресницы. Но господину С сейчас не до всех этих размышлений и выяснений, – с этим человеком без имени, всё не так очевидно, да и никогда не прояснишь, что к чему – когда тот начинает его подводить к самому вопросу, о сути которого господин С уже догадался.

– А теперь к сути дела. Я связан словом и поэтому не могу принять прямого участия в этом деле. Так что всеми активными действиями придётся заняться тебе. – Сказав это, человек без имени пододвигает в сторону господина С вдруг оказавшийся на столе смартфон. После же того как смартфон оказался в пределах досягаемости активного зрительно-

го взгляда господина С и он мог на нём различить символы и изображение, человек без имени разворачивает смартфон к господину С с удобной для чтения стороны (и хотя эта информация уже содержится во внешней памяти господина С, всё же там находится чистая информация, а она без акцентирования внимания на детали не будет полной), и говорит:

– В этом месте и в указанное время, будет тот, кто назовёт вам или точнее сказать, тому, с кем он будет вести там свой разговор, эту временную точку. Ваша задача состоит лишь в том, чтобы незаметно подобраться к нему и получить эту информацию. – И господину С вроде бы всё понятно и в тоже время ему не совсем всё понятно, а всё потому, что его чрезвычайно заинтересовало и вслед взволновало странное отступление человека без имени, когда он озвучил некие свои нерушимые обязательства перед кем-то. – Я связан словом.

И как только он это сказал, то господин С уже ни о чём здраво не мог думать, как только над разрешением этой загадочной фразы. Правда когда человек без имени пододвинул к нему смартфон, ответственность за себя вновь взяла вверх в нём и он принялся впитывать в себя сказанное человеком без имени.

– С этим проблем не будет. – Глядя в телефоне на фотографию объекта слежения, дал ответ господин С.

– Я не сомневался в этом. – Сказал человек без имени, забирая назад свой телефон, чтобы так же незаметно, как и появился, спрятать его в карман пиджака. После чего он от-

кидываться на спинку стула и, сложив перед собой свои руки в домик, начинает рассуждать. – Что же касается самого ключа момента, то с ним дело обстоит куда более сложнее. Получить действующий ключ из рук его носителя будет не реально, а вот насчёт того, чтобы подобрать его, то этого вполне возможно и нам по силам – история человечества развивается циклично и значит, некоторые ключи момента идентичны между собой. Правда есть ещё один вариант, попробовать воссоздать ключ, но это чрезвычайно сложно, даже если известно его кодовое число.

– Так ключ с кодовым замком? – вдруг спросил господин С, чем вызвал у человека без имени глубокую заинтересованность в нём, с последующим обращением к нему. – А вы, мой друг, проницательны. И, наверное, уже сами догадались о существующей особенности работы этих ключей. – И человек без имени как всегда угадал – господин С действительно сумел понять устройство работы этих ключей момента. – Он открывает свой путевой замок строго в одно и тоже время, в намеченном этим моментом времени месте. – Дал ответ господин С.

Но не только в этом проявил проницательность господин С, его догадливость простерлась в такие глубины понимания, что узнай об этом человек без имени, то ему эта его догадливость уж точно не понравилась бы. Так господин С зная предположил, что установленная в нём внешняя память, окромя своих прямых записывающих функций, может

включать в себя ряд скрытых от него возможностей, как, например, контроль за его перемещением (там может быть маяк) и ведением наблюдения за его жизнедеятельностью. А такой полный контроль над тобой, мало кому сможет понравиться. Но сейчас господин С ничего не мог поделать и вынужден был сдерживать себя от таких мыслей, которые кто знает кроме человека без имени, не будут ли им прочитаны вскоре.

И тут господин С скорей всего занервничал и оттого неожиданно для всех, для них двоих за столом, задался вопросом. – Но зачем? – Что вызвало неожиданную реакцию со стороны человека без имени, который вдруг вырвал из рук взятую было вилку. Что для человека без имени, не привыкшего разбрасываться неосознанными поступками, – а эта нелепость с вилкой, как раз относился к ним, – было чрезвычайного характера происшествие. Но чего человек без имени точно никогда себе не позволяет делать, так это два раза подряд неосознанных поступка. И он не из тех людей, кто в безумии в тот же момент хватается упавшую вилку со стола и вонзает её в горло спровоцировавшего его на такие действия провокатора, а он хладнокровно смотря на господина С, пододвигает свою руку к стоящему на краю стола накрытому тканевой салфеткой бокалу. Что не проходит мимо взгляда господина С, который не выдержав прямого взгляда человека без имени, теперь наблюдал за действиями его руки.

Ну а рука человека без имени, добравшись до ножки бокала, на один миг замерла в одном положении, и вслед за этим собою сдвигает бокал со стола. После чего следует короткая пауза, выжидающая звука соударения бокала с полом. И как только звук разбившегося бокала доносится до них, то человек без имени, как это видится господину С, выдвигает из-за стола одну ногу, и до господина С доносится, заставивший его поёжиться от пробившего озноба, смачный звук переломленных косточек. Вслед за которым до господина С доносится уже звук голоса человека без имени. – Затем, что такова моя реальность. И каковы шансы на то, что это не так (!), ты уже сосчитал.

ГЛАВА 3

Человек отзывчивый.

– Суть любого эксперимента заключается в том, чтобы на основании внешнего вмешательства проверить ответную реакцию организма ...да, того же человека. – Поглядывая на полную улицу мимо проходящих людей из окна заведения кофейного типа, встречаться в которых стало уже за правило для Секунда и Алекса, продолжил размеренно рассуждать Секунд, неспешно размешивая чайной ложечкой сахар в чашке с кофе, а не как это бесконечное действие идентифицировал закусивший удила своего нетерпения Алекс – заваривание его мозгов. Где ему помогала сдержаться только одна, но разветвлённая на множество вопросов глуповатая мысль. – Как всё-таки правильно надо говорить, разме-

шивать кофе или размешивать сахар? Ведь он всё-таки мешает кофе, а не сахар. Хотя и сахар тоже мешается. М-да. Вот же незадача. Или задача? – С умнейшим лицом смотрел на Секунда Алекс, пытаясь разобраться в хитросплетениях своих мыслей.

Что принималось Секундом за должное и он, продолжая мучить своей ложкой Алекса и кофе, рассказывал ему то, что и хотел рассказать. – Ну а в нашем случае, внешнее вмешательство будет заключаться в том, что я дам тебе дополнительные возможности или как это сейчас модно говорить, сверхспособности. – Здесь Секунд сделал паузу, скорее всего понадобившуюся ему для того чтобы точнее сформулировать то, что он имеет в виду под этим общим названием сверхспособностей. Ну а это его упоминание способностей, да ещё и сверх, резко одёрнуло Алекса от своих склоняющихся к дремоте мыслей и он весь обратившись вслух, с более чем вниманием уставился на Секунда, ожидая от него только хороших предложений.

– Скажем так. – С расстановкой слов заговорил Секунд. – Я повышу твой КПД влияния или более простыми словами, интеллектуального развития, и ты сможешь кратно увеличить своё значение для людей в той области, в какой пожелаешь. – И не успел Алекс не покривить душой, скривив в недовольстве лицо, как Секунд уже бросился в объяснения. – В конце концов, – заговорил Секунд, – для человека имеет значение лишь то, что значимо в глазах других людей,

даже самых не важных. И только от их оценки тебя, как бы твоя индивидуальность не сопротивлялась этому, будет зависеть твоя самооценка. Вот такой оксюморон. – Усмехнулся Секунд. Правда не понятно над чем – над своим злоупотреблением некоторых выражений или же от общего смысла сказанного. Но Секунд не собирается объясняться, и он подытоживает сказанное. – В конце концов, не для собак же ты стараешься жить и производить впечатления.

И хотя такая аргументация Секунда, с его обращением к братьям нашим меньшим, слишком уж топорная, всё же она может убедить, и частично убеждает Алекса в... Правда в чём, он так и не очень-то понял, и поэтому весь его вид показывает, не то чтобы разочарованность в предложении Секунда, а его лицо скорее выражает некоторую неуверенность в его понимании, с надеждой на то, что Секунд просто не умеет толком всё объяснить, вот и путается в словах.

И, пожалуй, Секунд сумел понять, что от него ждут, и он немедленно проводит своеобразную корректировку своего подхода к Алексу. – Понимаю, – с нотками язвительности в голосе заговорил Секунд, – тебе хочется удивлять, огорчивать и сражать на месте людей своими сверхъестественными способностями, типа как это делают супергерои из кино. Например, вдруг появиться из ниоткуда и резко приземлиться на плечи злодею, да так, чтобы он в один свой присест на колени, наложил себе в штаны, а не как он того хотел ранее, своим злодейским видом и поступком – с ножом на-

перевес преградив путь не туда свернувшей парочке влюблённых – ошеломить и принудить их расстаться со всей на личностью и девственностью. И теперь тебе больше и делать ничего не нужно – всё, ты уже герой в их глазах, и особенно в глазах той красотки, которая уже не так крепко держится за своего не столь геройского как ты дружка. – Здесь Секунд, решив дать Алексу время для того чтобы отряхнуть свои мысли от внушённых кино геройских стереотипов, сделал паузу и, отложив в сторону ложечку, взялся за свою чашку с кофе.

Ну а чашка с кофе, в результате умелых действий рук Секунда, оказавшись в пределах досягаемости его рта, прежде чем была им распробована, вначале им осматривается и только после этого Секунд делает небольшой глоток. И судя по тому, что лицо Секунда тут же искривилось в недовольстве, то либо он был наказан за своё усердие в деле размешивания кофе или сахара (?) – ответ на этот вопрос ещё не был найден – либо он опять же был наказан, но теперь за то, что проявил слишком большую самоуверенность по отношению к времени, и кофе не стало его ждать и остыло – а Секунд, если кто не знает, любил только горячий кофе.

Алекс же прекрасно видя то, к чему привела Секунда его самоуверенность, внутренне злопыхнул (не без этого), – так тебе и надо, – но при этом никак не выказал себя с этой стороны, продолжая внимательно смотреть на Секунда. Секунд в свою очередь тоже прекрасно видит, с каким вниманием

смотрит на него Алекс и дабы больше не акцентировать внимание на себе, ставит чашку обратно и возвращается к своему рассказу.

– Но все эти сверхспособности, есть всего лишь инструмент для достижения некой цели. Которая по своей сути, в итоге всегда одна – повысить свою значимость в глазах других людей, и вследствие этого, свою самооценку. Так что предлагаемый мной инструмент влияния может быть визуально и не так эффектно выглядит, что не бесспорно, всё же он ничем не хуже, а может даже результативней всех этих демонстраций визуальных эффектов. – Секунд сделал небольшую паузу (видимо ему так и не давала покоя чашка с остывшим кофе), чтобы посмотреть в сторону таких не предусмотрительных официантов, которые совершенно игнорируют его взгляды с призывом о помощи: Вы что не видите, что у меня кофе остыл и его нужно срочно заменить.

Но дальше своих взглядов Секунд в данный момент пойти не может – это может вызвать неоднозначную реакцию со стороны Алекса, которая сведёт на нет все его прежние усилия по убеждению Алекса – и он вынужден мириться с холодной действительностью кофе, которая с искривлённой ухмылкой смотрит на него с поверхности кофе.

– А вот были бы у вас материального характера сверхспособности, например, пластические руки. – Кивая в сторону стройной официантки, вдруг дерзко заявит Алекс. – То вы бы давно уже пили горячий кофе, с улыбкой поглядывая

на замешательства вон той стройной официантки, мимо зада которой не смогла пройти ваша пластически безразмерная рука. И от одного вида её потрясения (она принялась резко разбрасываться по сторонам своими взглядами, но там никого, и главное, управляющего заведения, Безмерного Рони, не было), в которое она впала после прощупывания вашей рукой дороги к кофе, где на пути встал её зад, становится так легко и необычно приятно, что ты и дальше готов претерпевать все сопутствующие пластичности тела неудобства.

Но так как Секунд проявил выдержку, то он не допустил того, чтобы Алекс таким, выше озвученным образом, подвергал сомнению его предложения. И он сладко улыбнувшись (– Наверное, кофе слишком терпкий, – подумал Алекс, глядя на него), заговорил. – А так человек есть животное отзывчивое. Его взаимоотношения с окружающим миром строятся на его рефлексии, и он в основном вынужден выступать от второго лица, реагируя на внешние раздражители. И понимание этого раскрывает для нас широкие возможности для оказания нужного влияния на человека. Ведь зная нужные точки у человека, отвечающие за его рефлексы (только не физического свойства), нам остаётся всего лишь одно, вовремя и к месту нажимать на них, чтобы добиться от него всего того, чего нам только захочется. И этому воздействию он ничего не сможет противопоставить и будет вынужден подчиниться, и даже не внешнему источнику раздражения, а самому себе – он не может не реагировать, такова

его человеческая сущность. Да что там говорить. Я тебе сейчас всё это на примере покажу. – Тут Секунд, как это уже не раз случалось, и было замечено Алексом, вдруг загорелся желанием действовать и, повернув голову в сторону зала, принялся осматривать присутствующих посетителей и обслуживающий персонал.

И если к посетителям у Секунда не возникло вопросов, – скорей всего по причине того, что он с ними чувствовал себя единым целым, ведь он тоже был одним из них, – то к обслуживающему персоналу, хотя бы уже по тому, что он был посетителем, у него была масса вопросов, начиная от их служебных обязанностей, кончая тем, что не относилось напрямую к их рабочей деятельности. И первым кто попал в поле его зрения, то тут и гадать не нужно было, это была та стройная официантка, которая уже раз, хоть и мысленно, могла послужить убеждающей причиной для его спора с Алексом и поэтому заслуживала такого пристального к себе внимания со стороны Секунда.

Правда Секунд умеет придавать значение не только внешней оболочке, но он без труда может заглянуть и глубже, и увидеть там то, что даже сама носительница этой привлекательной оболочки не всегда может увидеть. И видимо сейчас Секунд не отступил от этого своего правила и заглянул глубоко внутрь стройной официантки, а не как подумал Алекс, к ней под юбку – ну а что Алекс мог ещё поделывать, когда столь выразительный, с прищуром взгляд Секунда, только так ра-

зумно объяснялся.

И хорошо, что Секунд не заметил этих смешливого характера перекачиваний гримас лица Алекса, готового уже устыдиться за своего товарища, который так откровенно посылает сигналы этой официантке, а также ещё хорошо, что Секунд всё же очень вовремя отвернулся от официантки и не был ею замечен в таком нарушении её внутреннего пространства, за что можно и поплатиться, если это заметит её наниматель, управляющий заведения, Безмерный Рони. А этот Рони всегда и во всём любит быть первым, и пока стройная официантка его первого не обслужила, то нечего пялить свои зенки на её достоинства.

– Пожалуй, это будет слишком легко. – Вернувшись к Алексу, слишком туманно сказал Секунд. В результате чего Алекс мог себе надумать чёрт знает чего не уважительного по отношению к стройной официантке, а уж говорить о том, что Безразмерный Рони определённо будет задет всеми надуманными Алексом действиями Секунда, и вовсе будет лишним. Но пока Алекс повергает себя в шок своей, как оказывается, до чего же безнравственной фантазией, Секунд частично объясняет, что он имел в виду, говоря то, что он сказал:

– Она находится в подчинённом положении – она на работе, и это обязывает её на определённого характера поступки, и не даёт в полной мере продемонстрировать на ней возможности твоих будущих способностей.

– Так значит, главное, суметь подчинить человека? – вдруг спросил Секунда Алекс.

– Это слишком примитивно звучит. Хотя и частично верно. – Ответил Секунд и, переведя свой взгляд в сторону окна, вслед за собой втянул и Алекса посмотреть туда, во внешнее пространство, то есть на улицу.

Ну а там вроде бы всё по прежнему, туда-сюда снуют прохожие, соревнуясь друг с другом деловым видом, демонстрируя чрезвычайную занятость, что даже нет времени отвлечься от неё и посмотреть в глаза друг другу. И только в том случае они обращают друг на друга хоть какое-то внимание, когда кто-нибудь из них чересчур увлечется в этой гонке по игнорированию всех кроме себя, и наткнётся на вдруг неожиданно остановившуюся перед собой спину другого не меньше занятого собой и своими делами прохожего, или же, не видя ничего перед собой кроме экрана телефона, вон та, деловая леди, всё, что только можно проигнорирует, и зайдёт так далеко, что после таких касательно близких столкновений с чужой телефонной собственностью и накрахмаленной рубашкой какого-нибудь биржевого маклера, останется один только выход, подать на него в суд за неосмотрительного характера домогательства.

Между тем Секунд принимается комментировать происходящее на улице. – Вот посмотри на эту самую обычную картину обыденности существования человека в современном, высокотехнологичном мире. – Заговорил Секунд. –

Мимо нас в единицу времени проносятся сотни людей и вместе с ними миллионы их мыслей, большая часть которых возникла как ответная реакция на внешние раздражители. Как, например, вон у того, внешне недовольного, с зонтиком господина, с перекашивающимся с каждым шагом лицом. У этого господина, либо в больном зубе отдаётся каждый его шаг, либо его так нервно волнует его правый туфель с вылезшим гвоздём. И теперь он ни о чём другом не может думать, как о своём наболевшем. – И, пожалуй, всё это было так, по крайней в той части домыслов Секунда, где он утверждал, что этот недовольный чем-то тип, не мог ни о чём думать другом, кроме как о своём наболевшем. Но эта универсальная истина применима ко всем, так что если ты хочешь прослыть большим провидцем, то хотелось бы услышать что-нибудь по эксклюзивней. Что видимо и выражало лицо Алекса, чьё отражение в окне сумел заметить Секунда и быстро сделать для себя выводы:

«Но это самый простой, лежащий на поверхности пример того, что человек по большому счёту открыт для своей самоидентификации. – Вновь заговорил Секунд. – И я бы мог ещё привести массу примеров такого рода характерного людского поведения, но для нас это сейчас не главное. Сейчас же я хотел акцентировать твоё внимание не на внешнюю выразительность поведения прохожих, для этого всего будет своё отдельное время, а на их внутреннюю составляющую – их умонастроение. Ведь каждый из этих прохожих, несмотря

на свою чрезвычайную занятость и демонстративно напряжённые отношения с окружающим миром, на одном из уровней своего мышления (а их целый небоскрёб), параллельно основному ходу мысли, заодно успеваешь всё вокруг себя видеть, запоминать и тут же анализировать.

После же получения им этой обработанной информации, уже на более верхнем уровне, отвечающим за распределения этой информации по своим ячейкам под названием, скажем так, дальновидности, помимо другой работы мозга, начинаются свои работы под названием соображение. А вот здесь-то, в дело вступают самые важные инструменты рассудка, воображения и фантазия, служащие не для банального развлечения, как всеми ошибочно думается, а для моделирования возможных нестандартных ситуаций, которые могли бы возникнуть в случае непредвиденных стечений обстоятельств. Да с тем же встреченным на вашем пути вроде бы с виду беззащитным попрошайкой, который вдруг неожиданно возьмёт и, проявив к вашим штанам агрессивность, стянет их с вас.

И вы даже не успеете почувствовать, что вашим ногам, в один момент оставшимся без штанов, но хорошо, что ещё в трусах, стало холодно от морозного ветерка, и осознать, почему все вокруг начали на вас пялиться, и вместе с этим попрошайкой так шумно ржут, что вы даже оглохли от возмущения за такую их неприкрытую невоспитанность, как уже стоите в самом центре свободного от людей круга и своим

бесштаннм видом бросаете дерзкий вызов природе и общественному порядку.

Но этого не случится с вами, даже если вы сегодня как назло забыли надеть ремень на брюки, а всё потому, что ваше воображение уже давно с моделировало для вас эту возможную ситуацию и теперь вы готовы к ней, крепко держа руки в карманах брюк, куда вы их сунули сами того не осознавая, приближаясь к этому попрошайке. И если раньше вы даже собирались как-нибудь потом, на большой праздник, подкинуть этому попрошайке мелочи, то после всего того, что он с вами, хоть и мысленно сделал, вы уже окончательно решили обходить его подальше стороной». – Секунд сделал небольшой передых и, наверное, был не прочь сделать и не большой перехлёб, но появившаяся в поле его и Алекса зрения видная дама в строгом костюме, платке на шее, в шляпе и в прочих аксессуарах, подчёркивающих её красоту, а по некоторому не названному мнению, выпирающих наружу её более чем очевидные привлекательные достоинства, заставило Секунда приступить к её распознаванию.

– Но всё это так, мелочи, когда в поле твоего зрения оказывается несущая в себе все совершенства этого мира представительница (обратная сторона медали, со своими представителями, нас не интересует) противоположного пола, или её менее привлекательное подобие, которая тоже есть кладезь своего совершенства, способное принести счастье для того счастливича, кто к ней и ей подойдёт. – Загово-

рил Секунд. – И тут у тебя, у меня или у кого другого, да хотя бы у того же попрошайки, у которого и шанса никакого нет, чтобы завоевать благосклонность этой леди, включается воображение и начинает своё моделирование возможных ситуаций в отношениях с этой дамой.

– Хотя её внимания он всё же может добиться, если решится с ней поступить так, как с тем серьёзным господином, которого он оставил без штанов – правда в этом случае ему будет не до смеха, когда его будут закатывать ногами в асфальт поборники нравственности и в душе герои, все эти господа, вступившиеся за честь этой леди, благодаря его действиям оказавшейся в одних чулках. А ведь судя по их озабоченному виду, то они про себя даже очень благодарны этому попрошайке, который столько для них сейчас сделал и открыл. Ведь они только благодаря ему стали героями в глазах этой дамы. И им теперь с нею что-то да светит, а попрошайке только фингал под глазом светит. – Секунд подмигнул Алексу в отражение окна и начал детализировать свой вариант видения, скорей Алекса, чем своих возможных в будущем отношений с этой дамой. Со стороны как говорится, видней и не так для своей репутации отъявленного ловеласа стыдно. А так можно не стесняя себя ничем, спокойно вытащить на свет все страхи и неуверенности Алекса, и паровым катком своей дикой фантазии пройтись по ним.

И скорей всего Алекс ничего такого от Секунда не ожидал, раз он в полном спокойствии продолжил своё наблюдение.

ние за этой, выше всех прохожих на голову леди, чья небрежная невозмутимость вступления ног на мостовую, с такой неосмотрительностью на неё и на весь белый свет, до колик в животе поражала встречных джентльменов и их относительно неё серых спутниц. Которые в один момент побагровели при виде этой явной фаворитки перед ними в своих отношениях с природой, и как следствие этого, они покрылись краской стыда за своих спутников, которые как только что ими выясняется, не такие уж и верные джентльмены – стоит им только подмигнуть первой красивой дылде, как они уже готовы ради неё бросить всё и её, и побежать на задних лапках за этой дылдой.

Но у Секунда на всё это имеется свой взгляд, и он его озвучивает Алексу:

«А ведь каждый сам того за собой не замечая, уже в один взгляд на неё сделал полную её оценку, свою переоценку (всё равно чёрт возьми не дотягиваю) и анализ своих возможностей и шансов на возможность будущих отношений. И уже исходя из всех этих прогнозов, далее делаются свои, в основном неутешительные выводы – остаётся только одно, с опущенными руками и замершим сердцем пройти мимо.

Правда такие реалии жизни не останавливают некоторых особенно восторженных и склонным к так сказать преувеличениям людей-романтиков, и они успевают просмотреть и проиграть в голове не только реалистичные сценарии развития своих отношений с этой, возможно, что только с виду

неприступной крепостью, но и самые фантастические. Что, пожалуй, несколько спорно. И если воображение фантазёра не зайдёт уж слишком далеко и он в своих действиях будет отталкиваться на вполне реальные вещи, которых у него просто не имеется в данный момент в наличии, – обаяния, умения заговаривать уши и разум, или на крайний случай такого финансового подкрепления, которое способно закружить не то чтобы голову, но и душу, – то его фантазия не так уж и фантастична, и вполне реализуема.

А пока каждый из встречных прохожих и особенно те, кто уже вывернул свою голову в её сторону, вполне себе могут спокойно позволить достаточно фривольные отношения с этой гражданкой, мысленно рассматривая наиболее для себя продвинутый вариант. Где...» – Секунд на этом месте не закончив начатое, остановился, принявшись выискивать глазами в толпе людей непонятно кого. Правда вскоре это выяснилось – Секунд для придания своему объяснению убедительности, искал подходящую кандидатуру прохожего, которая могла бы выступить своим примером, то есть наглядной агитационной картинкой для его рассказа (от роли Алекса в этом качестве, он между тем не отказался, а придерживал его для более подходящего случая).

И появившийся в поле его зрения тип в клетчатом костюме, более чем подходил для этой роли. Да хотя бы тем, что в этой однородной массе поклонников Бриони и другого однородного стремления к тому, чтобы модно не выделять-

ся, он хоть как-то выделялся – наверное, турист или просто человек заблудился и попал не туда, куда ему было нужно, а именно в цирк, где ему, по мнению мимо следующих прохожих, самое место.

– Так вот, к примеру, вон тот тип в клетчатом костюме, с подходящим для его костюма и безалаберного, по мнению местного участкового, образа жизни, с именем Антоха (а этому Антохе уже за тридцать лет, а он до сих пор Антоха без отчества), заметив эту леди, уже одним только своих плывущим ходом так себя выделяющую из всей этой толпы, сразу же воспылал к ней определённого сердечного характера чувствами. И он даже подумать ни о чём не успел, как его воображение уже взяло его и её в свой оборот, и проиграло в его голове единственно возможный и, по мнению воображения Антохи, верный вариант взаимоотношений с этой дамочкой:

«– Ах вот ты где, Лахудра! – на всю улицу заорал Антоха, после того как в один момент нагнал эту леди и, звучным шлепком прихлопнув её зад своей рукой, как будто обухом по голове, а не по заду её огрел. И охнувшая всем телом леди, в одно мгновение теряет всю свою невозмутимость на лице и, подвернувшись на своих высоченных каблуках, сбивается с дыхания и со своего хода, и в полной растерянности остановившись на месте, с ничего не понимающим видом смотрит на этого, в первый раз вижу, что за немисливо противоположного типа (и это понятно, она привыкла к тёплым, поглажива-

ющего характера отношениям с окружающими миром, а тут такая выбивная действительность). Ну а Антоха знает, что делать – ему нельзя на этом останавливаться и он продолжает нагнетать на лицо этой леди истерию.

– Чего уставилась, как будто с дуба рухнула? – Искренне недоумевая, говорит Антоха, после чего решив отдать должное невольным зрителям разворачивающего действия, обращается к ним. – А я ей, стрекозе, говорил, нечего из себя паркурщицу строить, – покачивая головой, обращается к удивлённым прохожим Антоха и, вновь вернувшись к находящейся в шоковом состоянии леди, с суровым видом обращается к ней. – Давай целуй в щёку, пока я добрый и не передумал быть таким. – И в сопровождении своих слов, Антоха выпячивает вперёд свою щёку, которую он надул изнутри и начал по ней стучать указательным пальцем, тем самым побуждая леди на лобызательного характера действия.

При этом у всех участников этого действия создалось такое визуальное впечатление, что вся вокруг такая полноводная улица, в одно мгновение в своём движении замерев, остановилась, и теперь все люди вокруг немигающим взглядом уставились в одну точку – на неё и одновременно на то место на щеке этого веснушчатого типа, куда он указующе размеренно постукивает своим пальцем руки – и ждут от неё любого рода действий.

И если насчёт всеобщего внимания к себе, то эта леди к такому образу жизни привыкла, правда не при таких

необъяснимых обстоятельствах, то вот насчёт веснушчатых щёк, да ещё на физиономии такого обалдуя, то это для неё было совершенно невероятно, неприемлемо и недопустимо – она слишком требовательно относилась к выбору своей помады и как следствие, к тому избраннику, на ком придётся оставлять след от неё.

И, конечно, первой реакцией этой прекрасной леди на это бесстыдное предложение рыжего, да ещё и веснушчатого типа, было яркое выражение отвращения на её лице. Но такое её поведение почему-то не вызывает гула поддержки со стороны всех этих невольных свидетелей этой, уже чуть ли не драмы, а вот гул осуждения, так и зреет в их глазах, потемневших от злости на это её высокомерие, из-за которого она уже своих ближайших родственников готова не замечать, лишь бы и дальше иметь возможность идти с высоко поднятой головой и высокомерить. Отчего эта леди начинает терять последние остатки своего самообладания и не верить своим глазам, глядя на такую непривычную и невозможно, что это было правда, действительность. – Это мне, наверное, всё снится. – Единственное разумное объяснение происходящему приходит в голову этой леди.

Но если это даже ей снится, с чем совершенно не согласен этот рыжий тип, то ей всё равно нужно что-то делать в ответ на это его предложение. – Но что? – опустив руки, в отчаянии вопрошает себя эта леди и тут же получает со стороны Антохи подсказку – он горловым голосом, чтобы сказан-

ное им было услышано только ею, говорит ей. – Живо целуй, стерва, а то я так тебя ославлю, что резинка на твоих трусах лопнет от смеха, от которого даже ты не удержишься, так забориста будет моя шутка.

И прекрасная леди замороженная этим своеобразным уличным гипнозом, который по отношению к ней применил Антоха – так он размеренным постукиванием своего пальца по щеке убаюкал её внимание, а своим характерным предложением мотивировал её к активным действиям – даже не заметила, как оказалась в объятиях губастых губ этого обалдую, который как оказывается, к тому же очень умело умеет обниматься». – Здесь Секунд для плавного перехода к другой действительности сделал паузу, посмотрел на Алекса и обратился к нему:

– Но всё это достаточно банально и предсказуемо. И такой ход мыслей в основном характерен для тех натур, которым близка прямота отношений с окружающим миром и им малоинтересен какой другой подход. И хотя он имеет своё право на допустимость в действительности, всё же без закрученной интриги, без резких поворотов смысловых хитросплетений, как-то даже не интересно наблюдать за таким сценарием этой образной игры мысли, да ещё и жить при этом. – Окончательно вернувшись из мысленной действительности рыжего типа Антохи, резюмировал Секунд.

И, пожалуй, Алекс со всем этим вполне согласился бы, он и сам в своих мыслях шёл этим, хоть и грубым, но ре-

зультативным путем, если бы... Да, впрочем, зачем все эти если. И он согласился, правда только не понятно, причём здесь какая-то игра. Но Секунд уже не может остановиться и он, не делая остановок на лишние объяснения (он уверен в нравственном здоровье, то есть понимании своего слушателя), движется дальше к намеченной цели – объяснить ему конструкцию местного мироустройства.

– Я не буду сейчас рассматривать ход мыслей этой леди (но почему?), что между прочим было бы не безынтересно и во многом поучительно для некоторых прямолинейных людей (недвусмысленный отсыл в чью-то известную сторону), а из всего сделаю кое-какие выводы. – Секунд перевёл дух и очень длинно подытожил:

«И вот если каждый из нас может составить для себя подобного рода мысленную картинку, то можно предположить, что помимо этого, вроде бы действительного мира, существует и другой, один из множества параллельных ему, мысленный мир, живущий по своим мысленным правилам.

А ведь разница между реальностью и воображением, материальным миром и мысленным миром, состоит лишь в твоём мироощущении, где в одном случае, как тебе, кажется, ты можешь чувствительно осязать окружающее, то есть таким способом ощущать материальность мира, а в мысленном мире всего этого как будто бы нет, что выясняется только тогда, когда ты принимаешь эту реальность за воображаемую. А не прими ты её за неё, то и мир бы был также мате-

риально осязаем – возможно, что наше сознание таким образом защищает себя.

И выходит, что только наше сознание, эта мысленная настройка, и определяет, что на данный момент реально, а что нет. И такое положение вещей, возможно из-за конструктивных особенностей нашего сознания или по каким другим причинам, скорей всего пока необходимо – в мысленном мире, где ты твои действия практически ничем не ограничены, кроме разве что только потолком твоей фантазии, как уже упоминалось мной, проводятся проектировочные работы, а в материальном их реальное воплощение». – Тут Секунд ещё раз глубоко вздохнул и сделал окончательный вывод из всего им ранее сказанного:

«И если научиться правильно пользоваться своим сознанием и, к примеру, суметь убедить эту леди (а значит и всех других) в том, что сейчас мы с ней пересеклись не в этой, а в той параллели мысленного пространства, где не работают материальные законы, а всё обретает свою сущность согласно мысленным правилам, объяснять которые бессмысленно, то ты сможешь достичь состояние творца всего и вся. А для этого, как ты уже понимаешь, не хватает самой малости, твоего настоящего осознания настоящей действительности, а не принятие её постфактум на основании лишь всеобщего заблуждения, а я по-другому это и не могу назвать, что эта реальность действительна и никак иначе, потому что я иначе себе не представляю.

И получается, что мы убеждённые кем-то, а затем самими собой в чём-то – что реальность такова как она нам представляется – теперь живём в этой действительности и только тем и занимаемся, что ищем подтверждения всем этим нашим убеждениям. А ведь если хоть один из тысячи опытов покажет не согласующий с общими выводами результат, то доказуемое утверждение не признаётся верным (а наша реальность по своей сути есть следствие некой причины).

Но мы, сталкиваясь с вещами необъяснимыми, не укладывающимися в общую картину нашего мироустройства, а иногда просто противоречащими ему, просто отмахиваемся, назвав всё случившееся невероятным происшествием или на крайний случай, чудом. И нам даже в голову не приходит, что эта невероятность, возможно, есть всего лишь одна из неизученных характеристик нашего ещё не полностью исследованного мира, который не стоит на месте и, находясь в своём переходном периоде, видоизменяясь, движется в свою эволюцию. И вполне возможно, что материальность нашего мира не окончательная итоговость формы его бытия, а в будущем, вероятно это будет некая формация, больше своего места в осознанной и принятой за реальность действительности будет занимать мысленная сущность.

Но сейчас нам комфортнее думать, плоскостными категориями, а по-другому мы не можем, и единственно принимаемым в расчёт и верным доказательством всему служит утверждение – это ведь так очевидно». – Здесь настает пропитан-

ная трагизмом пауза и вслед за ней свой взрыв. – Но мне это совершенно не очевидно! – Тут разгорячившийся Секунд не сдержался и, грозно закричав, пристукнул по столу так, что часть кофе созрела и выплеснулась из чашки. После чего наступает своя тревожная пауза, где всё внимание окружающих приковано к Секунду, чьё не сдержанное поведение в глазах посетителей сделало из него опасного типа, типа психа.

А такая зрительная новость для простых обывателей, которые пришли сюда не за острыми ощущениями, а наоборот, чтобы отдохнуть от всего такого нервного, чего полно дома и на улицах, побуждает их заволноваться за себя и за свои чашки с кофе, для которых вполне реально существует опасность быть разлитыми, захоти тот нервный тип, со всего маха приударить кулаком по их столу.

И как всё-таки хорошо, что кроме посетителей в этом кафе наличествуют официанты, которые всегда готовы противостоят такому натиску эмоций недовольного посетителя, чья привередливость настолько не воздержанна, что он и не может вести себя как-то иначе.

– Плевков прихлебатель. – Зорко посмотрев в сторону этого смутьяна и нарушителя общественного спокойствия Секунда, выразив общее мнение официантского сообщества себе в фартук, прямиком к нему направилась слишком стройная для того чтобы быть только официанткой, а значит карьерный рост не за горами, официантка Мила.

И первое, что ожидается всеми присутствующими людьми в кафе, окинув сверху стол, скажет стройная официантка, так это: «Что к вашему неудовольствию, козлина, ещё нужно?».

– Мой кофе остыл и в результате этого сбежал на скатерть. – Смиренно ответил ей Секунд, чьё предположение о том, что стройная официантка Мила будет с ним напрямую честной, не сбылось, и она вместо это предложенного Секундом за основу, предложения с причислением его к роду рогатых, выказала себя большой профессионалкой и сокрушённым голосом вызвавшись все свои недочёты исправить, не стала таким образом чихвостить Секунда.

– А вы большой козёл. – Как только Мила упорхнула, чтобы больше не задерживать столь важного господина и принести ему горячий напиток, усмехнувшись сказал Алекс.

– На счёт большого, то я бы с этим поспорил. – В свою очередь усмехнулся в ответ Секунд.

– Впрочем, не важно. Когда важно одно, то, что она принесёт вместе с кофе. – Загадочно сказал Алекс.

– Своё настроение. – Смешливо попытался отгадать Секунд.

– Вы догадливы. – Как-то лукаво улыбнулся в ответ Алекс. – И было бы крайне для вас удачно, если бы её настроение не было со знаком минус.

– Ты это о чём? – в недоумении спросил его Секунд.

– А вы попробуйте вначале кофе и тогда узнаете. Или

не узнаете? Или же узнав, не признаетесь в том, что узнали? – Алекс к удивлению Секунда начал вопросами заговариваться. Да так, что его и не остановить.

– В общем, мне почему-то кажется, что вы как большой любитель секретов и тайн, не станете пробовать его, оставив загадку его содержимого на совести Милы. А вот и кофе. – Так и не дав Секунду вставить ни слова, Алекс договорился до прихода Милы, которая поставив чашку кофе перед серьёзным Секундом, с милой улыбкой спросила его. – Кроме кофе ещё что-нибудь желаете?

Секунд же со своей стороны вначале внимательно смотрит на чашку с кофе, затем переводит свой взгляд на Милу, после чего с придирчивым вниманием смотрит на неё и, видимо не обнаружив на её лице ничего такого к чему можно было прицепиться, наисерьёзнейшим тоном даёт ей ответ. – Спасибо. Всё что мне было нужно, вы принесли.

И только Секунд сказал эту, как оказывается, для некоторых слишком дальновидных людей двусмысленность, как вначале один из дальновидных людей, Алекс, не сдержавшись, прыскает со смеху, да и при том, прямо в стоящую перед Секундом чашку, после чего наступает очередь второго дальновидного человека, Милы, которая предупредительно подставила кулачки своих рук для своего прыскающего смеха и теперь туда смеётся, ну и в самой оконцовке, ко всем присоединяется третий дальновидный человек, Секунд, который как всегда видит дальше всех дальновидных людей

вместе взятых, и находит для себя убедительнейшую причину для того чтобы не пить кофе.

– Ну и как я теперь буду пить кофе, после того как ты туда наплевал. – В искреннем простодушии разведя в стороны руки, ловко обосновывает свой отказ посмеивающийся Секунд. Правда здесь рядом с ними находится Мила, которая не может устоять перед тем, чтобы не предложить свои услуги этим, как оказывается, вполне сносным людям. Но бывший нервным и невыносимым человеком тип строгом костюме, чья страсть к горячему кофейному напитку сыграла с ним сегодня ни одну штуку, выказывает предположение, что, пожалуй, на сегодня хватит играть в эту рулетку с кофе и ... – Если чуть позже. – Говорит Секунд, отпуская Милу.

Ну а как только Мила перестала отвлекать на себя внимание, Секунд вновь стал серьёзным и спросил Алекса. – Ну так что ты думаешь насчёт всего мною сказанного?

И хотя вопрос Секунда таил в себе возможность для его двусмысленного понимания, Алекс не стал понимать его не так как нужно, а с той же серьёзностью ответил на него. – Как-то всё это нереально звучит.

– Что тебе кажется нереальным? – начав заводиться, с нотками нетерпения спросил Секунд.

– Вы, я думаю, понимаете. Осуществимость. – Ответил Алекс.

– С этим мы постепенно разберёмся. – Повышая тон разговора, заговорил Секунд. – Да и в чём собственно пробле-

ма-то. Зная базовые принципы, на которых держится этот наш материальный мир, можно спокойно воссоздать параллельную ему вселенную – наш мыслимый мир.

– На чём стоит материальный мир? – риторически самого себя спросил Секунд. – Материализация в форме и образах замыслов и сохранение их в своей первозданности (эволюция пока мной не рассматривается). Ну а мыслимый мир, являясь тождественной образной обратностью материального мира, стоит на обратных принципах. Хотя скорей всего, мысленный мир первопричинен, а материальный уже есть следствие, его зеркальное отражение. Что, впрочем, не отменяет всего выше заявленного. – Секунд глубоко вздохнул и продолжил:

– И здесь главное, надо понимать, что между этими мирами нет чёткой прорисовывающейся границы, эти миры полностью тождественно-зеркальны и во всех своих основных смыслах, и в своём едином стремлении к новизне, являющейся движущей силой всех миров, бесконечно переплетены. Ну а сам мысленном мир, в свою очередь зиждется на своих двух базовых принципах: возникшие образы осмысливаются в свою реальность, а затем застывшая в образе мысль сохраняется от своего разрушения временем, с его желанием всё переосмыслить. На практике это выглядит примерно так. Так образ той прекрасной леди породил в тебе любовного характера мысль, и теперь эта мысль должна поддерживаться тобой характерными для этой мысли по-

ступками, без бытовых отклонений, самооглядки на себя недостойного, в общем, ты должен идеализироваться. Но всё это так только в теории.— Сделал совершенно ненужную оговорку Секунд, а Алекс уже было ему поверил.

– И здесь существует обратная материальному миру, даже не проблема, а так сказать, стремление всё по-своему идеализировать, а в местных реалиях, образно материализовать. Но это нас сейчас не должно волновать, мы находимся только вначале пути к нему. А первый шаг это понимание его сущности, его главного логарифма по которому он функционирует. – Секунд на мгновение задумался и продолжил. – И здесь наряду с озвученными мною базовыми принципами нужно знать самое главное, то, что характерно обоим мирам, и что стоит незримой преградой на границе этих миров и сохраняет эти миры в относительной обособленности существования друг от друга. Это твёрдая поддерживаемая реалиями настоящего, убеждённость обитателей этих миров в том, что этот их мир единственно настоящий, и что другие миры это всё выдумки фантастов или жадных капиталистов, которым надо же на что-то ссылаться, чтобы оправдать такой невероятный разрыв их благосостояния с нищим населением. Но я тебе об этом уже говорил, хоть и другими словами.

– С чего же начать, – сказал Секунд после того, как неприлично щёлкнул костяшками пальцев руки, – А знаешь, для начала всегда нужно усомниться в окружающем мире и задаться самым простым вопросом.

– Зачем я это всё до сих пор слушаю? – Алекс, перебив Секунда этой, как оказалось, неуместной шуткой, добился только того, что Секунд нервно одёрнулся от его слов. Хотя всё же это принесло свои плодотворные результаты – Секунд ускорился с оформлением в итоговое коммюнике сказанного. И Секунд, пропустив мимо ушей это замечание Алекса, подводит итог:

– Вначале усомнись, а затем, действуя от обратного – для начала только предположи, что этот мир совсем не такой, какой он тебе видится и в чём тебя с детства убеждали, например, предположи, что это всё вокруг его параллельность, мысленный мир – и начни искать в нём доказательства подтверждения своего предположения. И так постепенно, по мере твоего отыскания доказательств своих утверждений или даже наоборот, ты сумеешь достичь понимания сущности миров, а это в свою очередь даёт широчайшие возможности для их понимания и покорения. – И тут Алекс хотел было задаться вопросом или точнее сказать, указав Секунду на то, что он скорее миролюбив, нежели воинственен и совершенно не склонен к экспансии своих идей, но Секунд вдруг опять распаляется и как кажется Алексу, решительно склонен проводить свои слова в жизнь и покорять этот мир.

– Да что там объяснять. – Заявил Секунд, махнув рукой на приличия и заодно на мимо пролетающую муху, обалдевшую от такой его неприкрытой наглости. Затем он переводит своё и вслед за этим и внимание Алекса в сторону ок-

на, а будет точнее сказать, за его пределы, на улицу и начинает со всей своей внимательностью, изучающее наблюдать за происходящим в этих пределах своей видимости. Ну а там вроде бы всё как и прежде, полчаса назад, все объекты сущего занимают свои строго кем-то очерченные места – автомобили собой заняли проезжую часть и режут как угорелые двигателями внутреннего сгорания, а пешеходы, пододвинувшись перед этой мощной силой, уплотнившись до пешеходной зоны, всё также толкаются и снуют по ним туда-сюда. Что же касается более близких людям и Секунду частностей, то они делятся на свои категории: объекты недвижимости, здания и лавочки, и движимости, людей.

Так относящийся к первой категории, расположившийся чуть сбоку от их окна киоск с прессой и другой сопутствующей досугу продукцией, всё также радуется своим ассортиментом и радостной, но немного безумной улыбкой прилавочника-продавца непринтливых покупателей, а расположившаяся неподалёку, уже со своего боку от киоска лавочка для ожидающих своего маршрутного автобуса людей, несмотря на то, что она частенько становится привалом для местных голубей, которые как все знают, всегда нетерпеливы и вызывающе неблагодарны к объектам недвижимости городских скверов и улиц, под завязку заполнена и значит, за неё можно не переживать – она до блеска вычищена задами усталых пассажиров.

Но если с недвижимостью всё более-менее ясно, она

на месте, то, что касается второй категории рассмотрения, объектов движимости, людей, то здесь с должной уверенностью можно сказать только одно, находящийся в постоянном движении мир людей так изменчив, что совершенно невозможно предугадать каким он будет в следующую минуту, а вот в предшествующую минуту, то только на самую малую частичность. Хотя и среди этого, вечно находящегося в движении мира, есть своя относительная неподвижность. Да тот же занявший у деревца своё место попрошайка, который можно подумать, что здесь так демонстративно сидит, не ради брошенных ему сердобольными прохожими денег, а он таким образом бросает вызов системе человеческих взаимоотношений, где все люди почему-то должны вечно спешить и торопиться. Тогда как у него на это всё иная точка зрения, которую он отстаивает, ведя такой малоподвижный образ жизни.

– А я, может быть, люблю мысленно путешествовать. А так, между прочим, менее затратно и куда как более невероятно и фантастично. – У попрошайки всегда есть что ответить в ответ, посмей ты у него поинтересоваться – а разве ему не скучно так в одном положении себя изводить.

– А если мне будет невтерпеж, – поманив грязным пальцем руки к себе этого любознательного прохожего, после того как тот склонится к нему со всем своим вниманием, попрошайка с именем Никодим ошарашит его своим откровением, после которого тот и не будет знать, как дальше быть

и что делать, – то я могу для общей радости разыграть бесплатный уличный спектакль под названием «Истинное лицо современного небожителя, о котором вы даже не подозревали». Где я, приоткрыв тайны сущности, а более понятно, приспустив штаны на ходу у какого-нибудь первого попавшего мне под руку биржевого маклера – а здесь, рядом с биржей, их пруд пруди – тем самым в один трогательный момент окажу услугу этому миру и главное самому маклеру, показав истинное лицо этого мира и заодно его уязвимость перед его реалиями, где даже такая ничтожность как я, всегда может мокнуть его лицом в собственное дерьмо. Ну и главное здесь то, что он сможет, наконец-то, снова увидеть своё настоящее лицо, а не ту маску лицемерия, с которой он карабкается по карьерной лестнице вниз к бездуховности, о котором он уже и позабыл.

И теперь этот любознательный пешеход и не знал, как на всё это реагировать, небезосновательно опасаясь за свою имидживую составляющую, которая может мгновенно быть нарушена, стоит только попрошайке протянуть к нему руку. И только попробуй выказать такого рода опасения, протянув руку к штанам, так этот всё примечающий Никодим, однозначно с провоцируется и бросится на него. А если и не бросится, то обязательно звучно ему продемонстрирует, как ему ещё бывает невтерпёж.

Но не эта мысленная образность представления попрошайки привлекла внимание Секунда и Алекса, а вот так

и никуда и не ушедшая, та высоченного роста, привлекательной внешности дылда женского пола, то она своим присутствием вызвала к себе немало вопросов со стороны этих наблюдателей. Хотя в чём собственно дело? И разве она не вольна в своих действиях? И раз ей захотелось вон там, сбоку от остановки постоять и со всем вниманием по изучать содержимое своего телефона, то, что тут такого необычного.

Но человек такая натура, что он не замечает не укладывающиеся в обычность поведения невероятные вещи, когда он в этом не очень заинтересован, и сразу же замечает в самых обыденных вещах их необычность и даже склонен в таких случаях приписывать происходящему взвешенное происхождение, если он в этом кровно заинтересован. И, конечно, при виде этой привлекательной дылды, (хотя такое даже не именование, а обзывание её, коробит их слух, всё же пока они не могут её иначе идентифицировать) Алекс и Секунд начинают умственно пытеть, ища самые невероятные объяснения её остановки здесь, нет, не у автобусной остановки (это слишком узкий взгляд на неё), а специально напротив них (а вот это то, что нужно – главное уметь себя и объект наблюдения позиционировать в пространстве).

И не трудно предположить то, до чего бы могли додуматься в своих мыслях Алекс и Секунд на её и на свой близко на ней завязанный счёт, если бы Секунд, как человек облечённый знаниями и опытом, не обратился с предложением к Алексу – при этом он всё также продолжает глазеть на эту

дылду. – Думаю, что ты не сомневаешься в том, что я могу сейчас подойти к ней и поцеловать её. – Что и говорить, а такие дерзкие и по большому счёту, самолюбивые слова Секунда, оказали своё, психологического характера действие на вдруг очнувшегося от своих размышлений Алекса, заставив его с оценивающим любопытством посмотреть на Секунда. И судя по неоднозначному ответу Алекса: «Возможно», – то он находился на распутье, не понимая, на кого в случае демонстрации такой решимости Секунда, делать ставку.

Секунд между тем видит в этом замешательстве Алекса другого рода причину – он не слишком доверяет ему, и эта дылда, по его мнению, не просто здесь стоит, а играет роль подставы – и он для чистоты проведения эксперимента выступает с другим предложением. – Ладно. Не хочешь, чтобы я целовал эту дылду, то можешь выбрать на своё усмотрение любой другой объект, и я тебе на нём продемонстрирую, как можно в один условный момент увеличить свою значимость для него.

Ну а Алексу, по всей видимости, не сильно понравился такой неприкрытый намёк Секунда на какие-то свои эксклюзивные, пикантного характера знания о нём, раз он слишком немедленно принялся вглядываться в толпу прохожих, с целью поиска для Секунда подходящего объекта для его манипуляций. И видимо Секунду не составляет большого труда догадаться о том, что в данном случае их взгляды с Алексом диаметрально противоположны, и он, исходя из этого, спе-

шит предупредить Алекса о том, чтобы он не слишком за-
рывался в отстаивании принципов объективности.

– Давай только без этих отклонений в крайности, в ко-
торые всегда впадают те, кому доверяются престижджитато-
ры. – Не понятно почему Секунд так себя назвал, но Алекс
не обратил на это своё внимание, неслгибаемо требуя от него
справедливости.

– А как же насчёт чистоты проведения эксперимента? –
В удивлении спрашивает его Алекс, стараясь быть непре-
клонным. При этом Алекс уже подметил для себя, а точнее
для Секунда, объект для своего вмешательства, форменное
олицетворение либерала – типа всего в либеральных идеях,
от прыщей на носу, указывающих на его вечное новаторство,
до жидкостно-грязной бородки, прикрывающей собой хлоп-
ковый пиджак на босу шею, что удивительно при их страсти
к шейным шарфам, которая отражала его ярую привержен-
ность к самым радикальным идеям.

И, наверное, у Секунда вскоре бы не было бы другого вы-
хода, как схватить для вкуса со стола кетчуп и с закрытыми
глазами броситься на неприятельскую амбразуру в виде это-
го типа, если бы в поле зрения Алекса не показалось удиви-
тельно светлое лицо девушки, которое привлеча внимание,
отвлекло его от либерального типа. И Алекс сам того не ожи-
дая, после словесного толчка Секунда: «Ну что, выбрал», –
указал на неё: «Вон та рыжая, в косынке».

– Отличный выбор. – Как в кино, стереотипно ответил

Секунд, после того как прислонившись к окну различил ту, на кого указал Алекс. После чего Секунд подскочил с места и со словами: «Я тебе сейчас на практике всё покажу», – бросился было на выход из кафе. Но не тут-то было, и он на своём пути скорей всего натолкнувшись на какую-то важную мысль, вначале остановился, а затем вернулся совсем на немного обратно к столу с Алексом.

– Знаешь, – уже впопыхах обратился к Алексу Секунд, – я, чтобы два раза не ходить, всё в комплексе, с единичной и общей человеческой реакцией, со своими невероятностями тебе покажу. – После чего Секунд разворачивается в сторону выхода, и уже больше ни на чём не задерживаясь, решительным шагом выходит из помещения кафе.

Оставшемуся же Алексу ничего другого не остаётся делать, как только повернуться в сторону окна и ждать – если Секунд не хочет окончательно всех присутствующих в кафе людей в невероятной степени удивить, то он скорей всего будет изумлять Алекса с той стороны окна, а, не ворвавшись в кафе с игрушечным автоматом наперевес и надетой на голову маской, которые он одолжил на улице у мальчишки за несколько купюр по сто рублей, с пугающей достоверностью начнёт компенсировать за счёт заведения свои траты на маску и автомат.

Тем временем, как уже начало казаться Алексу, то его ожидание появления Секунда начало затягиваться, хотя, возможно, что это так действительно ему показалось – вре-

мя в таких случаях начинает как-то удивительно трогательно себя вести, и ты уже не знаешь, что от него ожидать: замедления своего течения, когда кто-нибудь поверженный ударом в скулу будет в удивлении наблюдать за тем, как один за одним из его рта будут вылетать вместе с кусками крови выбитые зубы или же ускорения, когда, к примеру, тот же Секунд проявит чудеса ловкости и великолепного знания приёмов кунг-фу, и с разбегу пробежит по всей этой улице не по тротуару, а по головам прохожих, которые даже не поймут, по какой причине у них в одно мгновение разболелась голова.

Но только Алекс захотел подумать, что весь фокус Секунда заключался в том, чтобы таким обманным путём улизнуть из кафе не расплатившись, или в крайнем случае, он просто спрятался там за углом и ждёт когда выбранная им девушка приблизится к тому месту, где он спрятался, чтобы в один свой прыжок из-за угла всем показать насколько бывает неотразим первый взгляд, после которого девушка в косынке, тут же потерявшись в пространстве, будет предоставлена в полное распоряжение этого проходимца, как вдруг странного характера изменения в этом людском потоке, со стороны той части улицы, где должен был появиться Секунд, заставляют Алекса отвлечься от этих мыслей и проявить более пристальное внимание к тому, что на той части улицы сейчас происходит.

А посмотреть там было на что, если, конечно, ты не равно-

душный к людским падениям человек – там, в одной из аномальных зон, почему-то начали спотыкаться и падать люди. Ну а когда такое случается не с одним человеком (напился, вот и всё объяснение), а сразу со многими (а это уже аномалия), то это заставляет задуматься и начать выдвигать свои версии случившегося – ведь вполне возможно, что следующим упавшим можешь оказаться ты, и значит, тебе для того чтобы обезопасить себя срочно нужно найти объяснение происходящему.

– А ведь до этого они не падали и спокойно себе проходили. – Вполне мог и подумал про себя Алекс, как и те люди, кто стал свидетелем этого необычного злоключения. – И ведь этому конца и краю не видно. – Подспудно начал тревожиться за себя Алекс, заметив, что аномальная зона из падающих людей начинает двигаться в его сторону. И Алекс во всё больше охватывающем его волнении начал озираться по сторонам, где вдруг вспомнил о той дылде, которой с её-то высоченным ростом в первую очередь нужно опасаться наката этой аномальной зоны. Но этой дылды и след простыл, что почему-то мало успокоило Алекса, спасателя по жизни, и тогда он решил, что нужно хотя бы помочь той выбранной им девушке в косынке.

Но и в случае с этой девушкой не всё так драматично – она предусмотрительно, а может это так и было запланировано, остановилась сбоку от киоска и ей на этом открытом пространстве, скорей всего не так сильно грозила та напасть, ко-

торая сбивает сходу всех тех людей, в том приближающемся к ней пассажиропотоке.

Алекс же ещё раз для большей убедительности окидывает взглядом эту девушку, за которую он чувствует некоторую ответственность и только после этого переводит свой взгляд по направлению надвигающейся опасности, где на этот раз он среди этого растревоженного людского потока обнаруживает Секунда. И Секунд, как это видится Алексом, совершенно не смущён тем, что вокруг него сейчас происходит, и даже ни капельки не сомневается в том, что он сумеет обойти эту, столько уже ног проходжих подкосившую опасность.

Сам же Секунд не стоит на месте, а не спеша двигается по направлению киоска, за которым приостановилась девушка в косынке, так сильно привлечённая чем-то таким для неё интересным в стеклянной витринке киоска, отчего она даже в своём смелом любопытстве вытянула вперёд свой шустрый носик и, оперевшись им в окошко, принялась своим беззаботным видом смущать много чего повидавшего на своём веку киоскёра, но так и не привыкшего к таким картинкам беззаботного счастья.

Алекс же наблюдая за Секундом, начинает замечать некоторую странность – по мере его приближения к киоску люди перестают спотыкаться и падать. Что, пожалуй, должно радовать, но это почему-то вызывает у Алекса другого характера чувства – он начинает связывать происходящее с появ-

лением Секунда.

Тем временем Секунд приблизился к киоску, и так удачно и вовремя для себя, что ему не нужно было задействовать своё обаяние или какую другую не менее уважительную причину, чтобы привлечь внимание к себе со стороны этой девушки в косынке, а всё потому, что она уже налюбовалась собой в отражении окна и как раз выскочила из-за киоска, где как раз непреднамеренно и натолкнулась на Секунда. Но это так могло посчитаться только ею, тогда как ведущий своё пристальное наблюдение за ней и Секундом Алекс, мог бы побиться об заклад, что всё было иначе.

Так Секунд в последний момент при подходе к месту встречи с намеченной целью, в одно мгновение форсировал события и, резко ускорившись, так всё с этой встречей оставил, что у девушки в косынке не было шанса избежать столкновения с ним, и главное, у неё не возникло ни тени сомнения в том, что всё это произошло совершенно случайно.

Ну а Секунд тем временем не даёт ей времени продохнуть, и пока она находится в частично разориентированном состоянии, под влиянием случившегося – любая неожиданность, даже такая, казалось бы, что малозначащая, всё равно сбивает с нормального ритма сердцебиение и дыхание, и тебе для того чтобы прийти в себя, требуется некоторое время на восстановление – он задействует всё своё обаяние и с до чего же противной улыбкой (так он видится Алексу, который конечно же субъективен – ему всегда противны та-

кие лицевые выражения, с помощью которых такие беспринципные типы хотят понравиться доверчивым девушкам) начинает что-то завораживающее её взгляд и повышающее градус внимания к нему говорить.

– Наверняка, сейчас говорит ей какую-нибудь чушь, типа, эта наша с вами столь неожиданная встреча определённо произошла не случайно (а ведь не врёт, сукин сын), хотя не без доли вмешательства проведения. Ведь ангелов подобно вам, вот так просто на улице не встретишь, и они только раз в жизни дают нам свой шанс на счастье, так неожиданно являясь перед нами, простыми смертными, как с неба упав нам на голову. И можете мне не верить, но мне хотелось бы, чтобы вы всё-таки поверили, но я совершенно сбит толку, и не только буквально физически, а моё здравомыслие с этого момента безвозвратно нарушено и всему виной моя бесконечная вера в первый взгляд, который всё перевернул во мне при виде вас. –Вглядываясь в эти лицевые перемены Секунда, с которыми он озвучивал свои мысли, обращаясь к этой девушке в косынке, Алекс надуманно вкладывал в его уста такого рода лебезящую трель, которую, как ему думалось и возможно самому иногда хотелось говорить, всегда используют в разговорах с привлекательными собеседницам претенденты на её больше чем дружеское внимание.

– Да вы я, как посмотрю, большой фантазёр и сказочник. И умеете на ходу так складно печь блины из небылиц.– Со сногшибательной улыбкой на лице (–Вот почему она

прячет своё лицо под косынкой, боится за сердечное спокойствие окружающих людей, – догадался Алекс), умела контраргументирует этому словоохоту Секунду его собеседница. – И без труда мне верится лишь в одно. А именно в то, что вы глазастый малый и на одном взгляде вряд ли останавливаетесь в своём знакомстве. – Алекс вложил в уста незнакомке в косынке, как ему показалось, самый что ни на есть нравственный ответ – а ведь он мог пойти куда дальше, искривив её улыбку язвительностью стервы: «Ещё скажи козёл, что не облапал меня с ног до головы своим плотоядным взглядом», – после чего Секунду только и оставалось бы, как только попробовать удержаться на ногах от неминуемого падения и попытаться вправить обратно со скрежетом отвалившуюся челюсть.

И только Алекс собрался порадоваться за Секунда, как тот начинает демонстрировать полное несогласие с тем, что о нём предпочёл надумать Алекс. При этом поведение Секунда никак не назовёшь благопристойным, а вот удивительно бесцеремонным по отношению к мимо проходящим прохожим, то это ещё легко сказано. Да и вообще, то, что он начал сейчас вызывающее недоумение у Алекса проделывать, без помощи консилиума психологов или на крайний случай специалистов по трюкам и спецэффектам, вот так просто и не объяснить.

Так первым чем попытался удивить Секунд свою собеседницу, вслед за ней близ находящихся прохожих и в ко-

нечном счёте Алекса (и поэтому он Алекса не удивил – расстояние, как оказывается, имеет большое значение для твоей убедительности при демонстрации своей популярности и фокусов), так это демонстрацией своей феноменальной щедрости – Секунд для того чтобы поднять себя в глазах своей привлекательной собеседницы, как это делают принцы, небрежно вытащил из своего кармана горсть золотых монет, то есть мелочи (просто всё так случилось неожиданно, и в результате этого он оказался частично не готов к этой встрече и не прихватил с собой горсть золота, так что пока и мелочью можно обойтись), и широким жестом бросил к её ногам все богатства мира.

Но в виду того, что этот неизвестный халиф, за которого себя выдавал Секунд, без причины не разбрасывается словами и тем более золотом, и всю свою жизнь ждал эту причину, то этот его широкий жест, не имея необходимой практики, вышел за пределы норм своей широкости и, брошенная им горсть фигурального золота, упала не к ногам прекрасной незнакомки, а в ноги мимо проходящих прохожих.

Ну а все эти мимо проходящие прохожие, уже в свою очередь оказались застаны врасплох действиями этого неизвестного ни в одном халифате халифа. И как только у них под ногами так звонко и информативно зазвенели под ногами монеты, то они как всё же вначале живые люди, а уж потом последние, а кто и первые ходячие функции, с надеждой на чудо – а вдруг это следствие действий какого-нибудь халифа

на час, который вдруг решил бросить все богатства своего королевства или хотя бы их часть в виде горсти золотых монет, к ногам своей возлюбленной, и они все рассыпались – принялись всматриваться вниз к себе под ноги.

Пока же прохожие таким образом отвлеклись от происходящего наверху, – они же, кроме разве что только золотых дел мастера не гоя Либермана, способного по одному звуку определить золото, точно не знают, что там внизу отзвенелось, и значит должны в этом непременно убедиться, – Секунд продолжает свои чудачества.

Так он, видя, что человек за века своего многотысячного существования так ничуть и не изменился (а кому как не им, халифам, об этом подозревать), и всё также остаётся беспечным, и совершенно не видит того, что у него творится под ногами и на его пути, где он в своей увлечённости собой готов не замечать окружающих и сбивать с ног всех тех, кто окажется на его пути, конечно, не может допустить такого пренебрежения по отношению к своей милой собеседнице, на которую летит этот зазевавшийся длинноногий олух с модной бородкой и усиками.

Ну а времени у халифа Секунда на всё про всё и главное, для того чтобы образумить этого потенциального налётчика совсем ничего, и ему нужно действовать немедленно и при этом быстрее, чем он самим собою может перемещаться в пространстве и времени. Что задача даже для халифа Секунда не простая, а что уж говорить о менее значи-

мых фигурах типа Алекса, который, наверное, так ничего бы и не придумал, и допустил бы этого длинноногого с усиками до столкновения с девушкой в косынке.

Но а так как Секунд сейчас халиф и при этом с деньгами, где одна монета, что за удача, залипла в ладони, то он не станет безынициативно взирать на только с виду неизбежность, и он в один бросок монетой в лоб этому ходоку, забывшему об осмотрительности и в следствии этого, потерявшему ответственность за свои ноги сорок пятого размера, сбив с его лица всякую осмысленность, останавливает его на месте в умственном ступоре.

Но если исходящая спереди от Секунда опасность была на первое время остановлена, то этого не скажешь по поводу второй, только что назревшей опасности со стороны его спины и того типа не в просто в дорогом костюме в полосочку, а с намёком на неприкасаемость костюме, в чей зад в результате чрезмерного усердия Секунда в деле своего замахивания и броска монеты, беспощадно и скорее всего неожиданно для обладателя этой массивности, врезалась его нога.

И только благодаря своим за долгие годы наеденным массивным характеристикам своего зада, этот тип бандитского вида и такого же прямолинейного склада ума, получив так под зад, сразу не рухнул об оземь, а в один момент охренев от такой чьей-то наглой предвзятости к нему, замер на месте. При этом он не просто так застыл на месте, а с откусанным ход-догом в руках, кетчуп из которого теперь вытекал

из его сжавшейся в кулак руки на его блестящие итальянского пошива туфли, в отражении которых этот тип грозной наружности раньше видел лишь одну игру солнечных зайчиков, а сейчас перед ними предстала трагичная картина красного на чёрном.

Ну а таких драматических видов самого для себя дорогого, о котором ты проявляешь столько заботы, ежедневно намазывая кремами и лелея мягкость кожи специальными тряпочками, у кого хочешь и не хочешь поедет крыша, а что уж говорить об этом типе грозной наружности. И этот грозный тип, с некоторых пор ставший Стендалем (и не спрашивайте почему), уразумев и увидев на своих туфлях нечто большее, чем было на самом деле – кровь, а не кетчуп – вдруг взбеленился и, забыв обо всём, резко разворачивается назад, чтобы поскорее нанести ответный удар тому гаду, кто посмел нарушить его неприкосновенность.

Ну а там он видит, не как им ожидалось, испуганное лицо какого-нибудь менеджера, а нами ожидалось, волнующееся лицо Секунда, а он, и всё благодаря предусмотрительности и расторопности Секунда, с которой он вовремя убрал себя и свою очаровательную спутницу в сторону, вставив на первый план того длинномера, видит искажённую в гримасе ненависти физиономию какого-то невероятно высоченного типа. И этот тип, судя по всему, не собирается останавливаться на достигнутом, и пойдёт так много дальше, что ему (Стендалю) ещё повезёт, если он тот ему ход-дог забьёт

в глотку, а не туда, куда он ему пнув под зад, таким образом намекнул.

А такое положение вещей совершенно не устраивает этого грозного типа в костюме в полосочку – он привык к тому, что он таким образом кормит своих голодных неприятелей, которых у него и не пересчитать, а значит, не имеет большого смысла сейчас доискиваться до той истины, чьим карающим инструментом выступил этот длинномер – и поэтому Стендаль, недолго думая, что ему тоже привычно, вначале бросается ход-догом (а такое отношение к себе со стороны Стендаля, косвенно указывает длинномеру на его причастность к ранее совершенному акту нападения на свой лоб), а затем как только длинномер фиксируется на месте вырвавшейся вперёд сосиской (её вид, да ещё и в кетчупе, заставил вздрогнуть некоторые чувствительные сердца случайных свидетелей происходящего), уже сам бросается на него.

Ну а дальше внезапность нападения Стендаля позволила ему завладеть инициативой, вместе с которой он, подогнув длинномера под себя, вместе с ним и рухнул на мостовую, где они и принялись кататься в ногах удивлённых прохожих.

И здесь бы Секунду оставить всё как есть и увести от волнений подальше свою спутницу, но он ведёт себя достаточно странно, и как видит продолжающий своё наблюдение за ним Алекс, Секунд из не понятно откуда достаёт чёрного цвета раскладной зонтик и к зримому удивлению напротив стоящей девушки в косынке, умелыми действиями, по щелчку,

то есть нажав на кнопку, раскрывает его над их головами. И только Алекс хочет было подумать, что это неспроста, и теперь для полного эффекта не хватает только дождика, как в тот же момент на головы людей в свете солнечного освещения начинает литься дождик.

А такое неожиданно резкое изменение погоды, вылившееся в дождик, когда ещё пять минут назад казалось, что ничего в этот солнечный день не предвещает грозы, а судя по тому, что на небе до сих пор так ничего и не предвещает такого дождливого, как громом среди ясного неба, что отчасти было так, прошлось и огорошило вдруг замоченных прохожих, заставив их в растерянности ускоряться и разбегаться в стороны, и больше, конечно, к углам домов. И даже те, кто только что барахтался на мостовой, то и они, оставив все эти дела рукопашного характера, повскакивали на ноги. После чего они, обоюдно напомнив друг другу: «Запомни гад, я тебя запомнил», – разбегаются в разные стороны, оставляя на этом местном поле боя киоск с попрошайкой неподалёку и парочку влюблённых, стоящих под зонтом.

И эта парочка, дабы все эти любопытные люди выглянувшие в окна, чтобы подивиться происходящим на улице природным явлением, не лопнули от зависти при виде того, как они целуются под дождём и под зонтом одновременно, к невыносимой ненависти их любопытства, в один момент прикрываются зонтом. И теперь им только и остаётся, как своим взглядом сверлить этот зонт, и гадать и думать, что

они там себе посмели такого, страсть хочется знать, позволить.

– Ну и чего ты себе надумал? – поглядывая на Алекса сверху, с той долей небрежности, которую себе могут и позволяют победители, спросил его Секунд, заняв своё место за столом.

– А чего ты там себе с ней позволил? – хотел, но не смог спросить Алекс, а всё потому, что он таким образом в один момент будет раскрыт Секундом – он хотел бы сам в тот дождливый момент находиться под зонтиком. И поэтому он вынужден выказывает заинтересованность в другом.

– Я надумал поинтересоваться и спросить, что это всё было? – спросил Алекс.

– Я же тебе ещё при уходе отсюда об этом говорил. – С долей непонимания говорит Секунд. Но видимо у него сейчас настроение на подъёме и он готов ещё раз повторить ранее сказанное. – Это была своеобразная демонстрация некоторых возможностей тех предлагаемых тебе способностей, с их итоговой реализуемостью на указанном тобою объекте вмешательства, девушке в косынке или Анфисы. Для которой моё значение из ничего незначашего для неё простофили-человека, в одну короткую единицу времени достигло самых верхних околосердечных высот.

– Понятно. – Трагическим тоном удостоверил Секунда Алекс в том, что такое объяснение его не совсем устраивает, и Секунду понятно почему – любая демонстрация мастер-

ства вызывает ревностные чувства у ученика, которому самому не терпится быть на ты с этим мастерским искусством. Между тем Секунд не собирается поживать на лаврах, и он обращается с вопросом к Алексу. – А по конкретней нельзя сказать то, что тебе понятно?

– Вы это о чём? – вдруг вздрогнув, непонимающе спросил его Алекс.

– О чём я? – почесав подбородок, задумчиво спросил себя Секунд и после небольшого размышления спросил Алекса. – Ты вот мне скажи, что из всего тобой увиденного, тебе показалось... скажем так, ближе всего стоящее к невероятным и не имеющим разумных объяснений происшествиям.

И вновь, первое что пришло в голову Алекса, так это не найти объяснение тому, как так могло случиться, что под зонтом стоял с Анфисой Секунд, а не он. Но скорей всего Секунд, большой ловкач на любого рода объяснения, и на это найдёт убедительное объяснение, так что Алекс придержал свою настоянную на чувствах любознательность и после небольшого размышления спросил его. – Как насчёт дождя?

– Ну, ты меня удивляешь, такое спрашивая. – Досадливо покачал головой Секунд. – Имея на каждом шагу источники подачи воды, разве это такая уж проблема.

– Ладно, принимаю. – Озлившись, сказал Алекс. – А что скажите насчёт того, что при вашем появлении на улице, людской поток начал так странно волноваться?

– Я всегда говорил и буду говорить. Никогда не торопитесь и смотрите себе под ноги. – Сказал Секунд, положив перед собой на стол небольшую бусинку. Алекс же при виде бусинки хотел было накинуться на Секунда с обвинением его в опасном самоволии, но посмотрев на его не пробивное самодовольство, чувствуя, что всё это бесполезно, и понимая, что всё идёт к тому, чтобы обратиться с вопросом насчёт Анфисы, делает попытку отсрочить этот вопрос. Для чего Алекс подбочивается и с использованием не свойственных для него официальных слов, обращается к Секунду.

– Мне кажется, что всё вами продемонстрированное не слишком увязывается с тем, что вы ранее декларировали. – Не моргнув глазом проговаривает эти слова Алекс и, не давая Секунду проморгаться, указывает ему на его бревно в глазу. – И если насчёт демонстрации человеческой реакции я ничего не скажу – я отлично видел, как вы подгибали людей под своё настроение – и даже частично готов согласиться с тем, что вы несколько подняли свою значимость в глазах Анфисы, что не бесспорно, но вы обещали, что ваша значимость в один момент поднимется, если не во всех глазах, то, как минимум, плюс один человек к Анфисе.

И если в самом начале ответа Алекса, Секунд было видно насторожился, то на завершающей его стадии он расслабился и в таком же настрое ответил Алексу. – А вот мне кажется, что этот минимум, как раз был реализован, если не считать больше. – На этом месте Секунд демонстративно повернулся

в сторону внутреннего зала кафе, мол, посмотри туда и ты без лишних слов всё поймёшь. Но Алексу даже не нужно было поворачиваться вслед за ним, чтобы боковым зрением заметить, как одёрнулись назад головы любопытных посетителей. Но такое связанное с любопытством поведение людей, для Алекса по своему объяснимо и он интересуется у Секунда причём здесь оно.

– Любопытство, это та самая первая стадия человеческих взаимоотношений, которая всегда способствует тому, чтобы открыть для тебя двери души или сердца человека. – Пафосно ответил Секунд. – После чего, как говорится в таких случаях, дело техники.

– Хорошо. Частично убедили. – Нехотя согласился Алекс, внутренне всё же имея претензии к Секунду. Ну а Секунд продолжает задаваться собой и вопросами. – Я как понимаю, этот вопрос, хоть и на время, но снят с повестки дня. А раз так, то давай продолжим незавершённое. И я спрошу тебя, что ты ещё заметил такого, что для тебя не находит разумного объяснения? – На что Алекс скорее для приличия, чем на самом деле, немного поразмышлял и дал свой ответ. – Я больше ничего такого не вижу, что можно было причислить к необъяснимому. – Но Секунда такой ответ видимо не устраивает и он просит Алекса о большем внимании к своей памяти.

– Не спеши делать выводы. – Слишком сладко улыбнулся Секунд, отчего Алексу даже стало приторно во рту. – Я по-

нимаю, что в некоторых... да в принципе во всех случаях, центральное событие картины полностью завладевает всем вниманием зрителя и, отвлекая на себя всё внимание наблюдателя, тем самым обезоруживает его взгляд и не даёт ему увидеть другие, не менее важные составляющие сюжета, без которого он был бы не полон.

– Я ничего не пойму. Слишком туманно и пространно объясняете. – Пожав плечами, искренне недоумевая, ответил Алекс, своим ответом взбодрив и приведя Секунда в чувства. И он, отбросив весь налёт вальяжности, наклонившись к столу, принимается более энергично объяснять Алексу то, что он пропустил мимо своего внимания.

– Вы все без исключения, и не даже не думай с этим спорить, – яростно отвлёкся на Алекса Секунд. – И не собирался, – указывал маловразумительный взгляд Алекса. Что убеждает Секунда и он продолжает, – смотрели только на зонт, и не могли ни о чём другом думать, кроме как попытаться разгадать или представить себе, что там сейчас происходит. Когда вполне возможно, что не это самое гласное, что я хотел продемонстрировать тебе. И ладно все остальные, меня совсем не интересует то, что они не заметили, а вот насчёт тебя, то я немало огорчён. – С разочарованием в голосе сказал Секунд, и с какой-то прямо-таки безнадёжностью бухнулся обратно на стул. Что в свою очередь заставило зашевелиться Алекса, который по примеру Секунда придвинулся к столу и нетерпеливо задался вопросом:

– Да скажи ты, наконец-то, что я просмотрел?

На что Секунд повёл себя достаточно странно, а именно как незрелый ребёнок, принявшийся играть в обидки.

– А я не скажу, по крайней мере, напрямую. – Насупившись, сказал Секунд, глядя на Алекса исподлобья. После чего он поелозил по лицу Алекса глазами и, видимо посчитав, что большего от него не добьётся, выказал себя очень отходчивым человеком, и с улыбкой сказав: «Кстати, я что-то я не помню, когда мы переходили на ты», – в один момент вернулся к столу, прямо напротив надувшегося Алекса. И Секунд, не давая ему возможности указать ему на свою крайнюю не внимательность по отношению к нему, а раз так, то какого (!) он требует от него, заявляет:

– А в то время когда ваш полёт мысли занимался всяким непотребством, мой полёт мысли фрагментировал реальность, делая в неё мысленные вставки, позволившие мне ... – здесь Секунд задумался, видимо выбирая более точное выражение. А как только надумал, то вкривь и вскользя попытался завершить своё объяснение. – Позволившие мне дать возможность ощутить Анфисе реальный полёт её мысли и при этом вместе с собой в реальности.

– Это как это? – спросил Алекс, продолжая выказывать из себя умственного недотрогу, типа дуба. И тут Секунд явно начал увиливать от прямого ответа, ссылаясь на то, что Алекс не такой уж и неуч, и всё итак отлично понимает. Почему он так себя повёл трудно сказать, но он так себя повёл.

– Ну ты разве не знаешь, как в таких неожиданных случаях бывает. – Напирая на зрелость Алекса, таким нечестным образом начал заговаривать Алекса Секунд. – Тебя, когда ты этого совершенно не ожидаешь, но внутренне всегда этого ждёшь, вдруг в один миг, аж дух захватывает, охватывает такое невероятное чувство вдохновения, которому даже нет разумного объяснения, и оно, разбивая все мыслимые и немыслимые ограничения на пути твоего полёта мысли или самого тебя, что в данный момент невозможно понять, в один миг возносит тебя в такие небесные зыби, что ты и вздохнуть не можешь, и стараешься придерживать свои глаза закрытыми, а то не дай бог, сорвёшься вниз. И причиной всему этому состоянию является, как я его называю, резонанс духа. Это когда всё – твои представления о счастье и его трепетное ожидание, мечта с её фантастическим воображением и та капелька чуда, со своим стечением невероятностей в этой точке событий, которая всё это на себе замешивает – в один момент в одно единое целое соединяется.

И хотя Алекс с некоторых пор, а именно со времени своего знакомства с Секундом понял, что более убедительными кажутся наиболее невероятные и фантастические факты и аргументы (для него по крайней мере), нежели обоснованные математическими расчётами и подтверждённые научными исследованиями утверждения, он не стал сразу поддаваться убеждениям этого сказочника Секунда. А он, очнувшись от своего полёта мысли, куда его загнал красочный

рассказ Секунда – Алекс слишком восприимчив, и нередко слишком увлекается, примеривая на себе рассказанную историю – спрашивает Секунда:

– А конкретнее?

– Мы взмыли ввысь. – Как само собой разумеющееся сказал Секунд. Но Алекс ещё верит своим глазам и памяти, и он выразительно посмотрев на Секунда, выражает сомнение. – Я что-то ничего такого не видел. – На что Секунд ожидаемо не согласился.

– Ладно, я не буду упираться на то, что нам, главным действующим лицам, совсем неважно было то, что вы видели и в тоже время не видели. И даже не стану напирать на фигуральность нашего полёта, а просто спрошу тебя. Что для тебя значит полёт? – спросил Алекса Секунд. Чем вызвал у Алекса лёгкое замешательство – ведь сами по себе объяснимые вещи почему-то всегда вызывают затруднения в своём объяснении. И Секунд видимо на что-то подобное надеялся и он, не дожидаясь того, когда Алекс выплывет из своих раздумий, начинает через наводящие вопросы, направлять его к нужному ответу.

– Любой нехарактерный ускорению отрыв от земли (это не прыжок и что-то подобное), где земное притяжение преодолевается по своему «рукотворно», мне кажется можно назвать полётом. Ты с этим согласен? – спросил Секунд Алекса. И хотя Алекс подспудно чувствует, что здесь что-то не так, да и такое его определение полёта не слишком ин-

формативно, всё же он соглашается с Секундом. Ну а Секунду только этого и было нужно. И он спрашивает Алекса:

– Что ж, если в определении того, что есть полёт, у нас нет разногласий, то я тебя спрошу. Как ты смотришь на то, если высота полёта происходила бы на высоте примерно трёх сантиметров?

И только теперь Алекс понял всю хитрость Секунда, который и не скрывал этого, широко улыбаясь, глядя на него. Впрочем, его это даже как-то по-особенному развеселило, и он с ответной улыбкой на лице отвечает. – Как смотрю, спрашиваете. – Говорит Алекс. – Да нормально смотрю. И даже допускаю, что всё было так, как вы сказали, хоть этого никто и не заметил. Но меня сейчас интересует совсем другое. – Алекс сделал фиксирующую внимание к вопросу паузу и спросил Секунда:

– Что вы всё-таки сказали Анфисе, когда к ней подошли?

Ну а Секунд как будто бы уже давно ждал этого вопроса, а его всё нет, да нет. И его глаза вдохновенно проясняются, он с готовностью даёт свой ответ. – Первое, что нужно делать в таких случаях, то через знаковое слово зафиксировать внимание девушки на себе. «Прошу внимания!» – так этим обращением к ней, я обращаю её внимание на себя и задерживаю её ход движения и мыслей. – «Будьте готовы и ничему не удивляйтесь». – Дальше я её совсем немного интригую всей этой туманностью заявления. И не давая ей времени на испуг, говорю самое главное – всё объясняющую при-

чину происходящего. – «Сейчас здесь, на одном кадре будет сниматься кино». – Ну а этого вполне достаточно, чтобы она не просто вовлеклась в происходящее, которое теперь ей виделось в фокусе мною сказанного, но и полностью доверилась мне. – Но тут Алекс не сдержался и перебил Секунда, заявив:

– А вы взяли и воспользовались. – Но Секунд совсем не обижается на него, а он, усмехнувшись, простодушно отвечает ему. – Но финальная сцена разве того не стоила? – И Алексу против этого возразить было нечего – финальная сцена и вправду удалась, раз она всех так зацепила. И Алекс вновь памятно пересматривает эту финальную сцену и обращается к Секунду. – И это всё?

– Вроде бы всё. – Даёт ответ Секунд. – Правда не нужно забывать о том, что материал без своей убедительной подачи себя, по большей части теряет свой смысл. Так что одного знания того, что нужно говорить, будет мало для того чтобы добиться поставленной цели. – Секунд посмотрел в окно и, проводив глазами прошедший мимо него достойный его внимания объект, продолжил говорить. – Ну а когда дело напрямую касается такого чувствительного пола, как женский, то форма подачи и её интонация, зачастую больше значат, чем сам смысл сказанного. Да и вообще, к ним нужен свой особый подход, зная который и умело применяя, можно достичь невероятно много. И уверяю, если ты как надо эти знания воплотишь в жизнь, то тебя ждут удивительные откры-

тия. И первое, что тебе нужно знать при подходе к ним, так это то, что все они живут в своём автономном мире, в своём роде зазеркалье и видят окружающий мир не напрямую, а через призму зеркального отражения.— С Секундом, в которой уже за сегодня раз, а дальше даже заглядывать страшно, случился перепад настроения, и от его рассеянной вялости в одно мгновение не осталось и следа, и перед Алексом вновь находился энергичный человек, которому море кофе по колено.

— Да одного взгляда на обратный нормальному пошив замков и пуговиц на их одеждах, где без применения зеркала и не застегнёшь эти джинсы, достаточно понять, что либо они нас держат за дураков, таким образом претендуя на свою избранность, ограничивая свои модные наряды от посягательств мужского любопытства, которое никогда не может ограничиться одним визуальным осмотром и ему хочется всё примерить на себя. — Тут Секунд для красочности картинки немного отвлёкся. — Так и представляется невероятно изумлённая физиономия такого безответственного любовала, с трудом натягивающего на себя женские одежды и ещё удивляющегося не своим удивительным поступком, а этими странными порядками на одежде: «И как они такое паскудство натягивают на себя, да ещё и по нормальному не застёгивается!». — Секунд видимо очень натурально и живо представил этого безответственного типа странной наружности и неожиданными стремлениями к тому, чтобы своим ви-

дом озадачить окружающих, что не удержался от улыбки. Ну а Алекс, глядя на Секунда, не удержался от улыбки по другой причине – он догадался на чём основано такое достоверное видение Секундом этого примерщика женских одежд.

Но разве Секунд в чём-нибудь подобном признается, тем более когда такого отродясь никогда не было, как он говорит. Ну а то, что там про себя надумал Алекс, то от него ещё и не такого можно услышать. К тому же улыбка Алекса для Секунда выглядит как ответ на его красочное описание любовалы, и Секунд продолжает ликбез. – Либо в этом есть куда более глубокий смысл ... – На этом месте Секунд вдруг сбился и Алексу не нужно объяснять почему – он слишком увлёкся примеркой и кружением в новом платье вокруг зеркала.

Секунд же немного раздумал и, видимо потеряв окончательно нить прежней мысли, решил махнуть на эту недосказанность и заявил. – Но это не важно, а важно то, что они смотрят на мир не как мы, с позитивным настроем, а с негативной стороны, замечая в нём в основном его неровности и недостатки. Правда надо отдать им должное, всё это они примечают с благородной целью – чтобы исправить и почистить. И видимо по всё той же причине их так и тянет к людям без правил – видят они в них огромный потенциал для исправления. И они, честно скажу, единственные, кто имеет для этого все возможности и способен привнести в мир изменения. И вполне возможно, что ты этим и привлёк вни-

мание к себе со стороны Алисы. – И только Секунд озвучил это имя, как Алекс в один момент и забыл обо всём, и о том, что он здесь делает.

Когда же Алекс осознал себя, выйдя из своего памятливого отклонения в воспоминания, то он уже расплачивался с официанткой за свои посиделки в кафе с Секундом. Чья довольная физиономия мгновенно заставила насторожиться Алекса (наверное, что-то со счётом не так), но было уже непонятно за что поздно, и Алекс неожиданно для всех задаётся вопросом. – А вот интересно, что думала та дылда, когда смотрела на нас?

Секунд же на одно мгновение поперхнулся в улыбке, но быстро справился с собой и отреагировал. – А знаешь, это интересная мысль. – Сказал Секунд и, поднимаясь из-за стола, прежде чем выйти, добавил. – Вот тебе и задание наперёд. Как следует обмозгуй и на основе имеющихся данных составь её психологический портрет, с его побочным окружением, а уж затем схематично опиши один час из её жизни. А я посмотрю. Ну а сейчас пойдём ознакомимся с тем, как строится эпизод.

ГЛАВА 4

Линия жизни.

Городская набережная это такое место на земле и в своей частности городе, славящегося своими бесчисленными каналами, оттого, что они красивые, а не воды слишком много (правда не без этого), что его совершенно невозможно пред-

ставить себе в полном одиночестве, без единой живой души. И если всё же такому суждено случится, и кто-то стал свидетелем такого невероятного события, то и тогда он не сможет похвастаться этим – ведь он уже одним своим присутствием опроверг в этом самого себя.

Так и сейчас, на одной из тех многочисленных набережных, которая представляет свою определённую важность и значение только для некоторых предвзятых людей, один из таких предвзятых людей, неспешно стоял на ней (итак можно), а в частности на небольшой площадке ведущей в сторону городского сквера, и ни единым сумбурным движением, которых и не было, не выказывая заботу и заодно тревогу за окружающий мир, был весь во внимании к голубям, которым он время от времени подбрасывал зёрнышек из кармана своего плаща, поднятый воротник которого, скорее защищал его от чужих взглядов, нежели служил ему для чего-то другого.

Впрочем, никого из гуляющих по набережной или бездельно сидящих на лавочках людей, не интересовал этот чудак, которых всегда на набережных полно и они даже стали неотъемлемой частью пейзажа такого рода мест отдыха от городской суматохи и суеты, и главное, подальше от шума. И никого уже не удивляет безразмерность их карманов, в которые помещается такое бесконечное количество корма для голубей, которые если честно, те ещё проглоты.

Ну а этому бескорыстному к голубям человеку, кажется,

что только одно и нужно – чтобы его никто на всём белом свете не отвлекал и он мог бы спокойно кормить голубей. Но так, как правило, не бывает, и всегда найдётся что-то такое, что специально постарается нарушить спокойный ход его мысли и шага. И если поначалу этого, судя по всему, одинокого человека (а был бы не одинок, то кормил бы голубей с кем-нибудь на пару), отвлекал на себя только рыжий пёс, почему-то решивший, что он более достоин его внимания и, начавший с лаем гонять голубей. То после того как рыжий пёс был усмирён этим человеком – нет, не пинком ноги ему под зад, а ласковым словом намазанным на бутерброд с колбасой – его заставил поёжиться под воротником своего плаща, вдруг раздавшийся из-за спины звучный цокот ударяющихся об мостовую каблучков.

И хотя этот одинокий человек обратил своё внимание на эти звуки, всё же он ни единым движением не выдал своей заинтересованности во всём этом, продолжая, как ни в чём не бывало кормить голубей.

Чего не скажешь о беззаботных любителях прохладительных напитков и лавочек под ними, на которых, как удачно всё совпало, они как раз сидят и употребляют эти будоражащие нервы напитки. И тут спрашивается, чего ещё для счастья не хватало? А как раз той самой картины, которая перед их глазами предстала и в один момент заставила их даже забыть о своих прохладительных напитках и куда их горлышки впадают.

Ну а та, кто так призывно отбивает этот тактовый звук в сердцах услышавших его людей, а заодно по мостовой набережной, будучи бесконечно сама себе на уме, ни на кого не обращает своего внимания, даже презренного, и неумолимо следует к своей неизвестной цели. И будь она совсем чуть-чуть менее высокомерной и сногшибательно красивой, то она бы тут же заслуженно получила в свой след одновременно прискорбного и пакостного характера эпитеты. Но она к огромнейшему сожалению провожающих её своим безнадежным взглядом посидельцев на лавочках, не имеет в себе ни единого изъяна, за который можно было бы придраться к ней и оправдать своё никчёмное существование рядом с ней.

Впрочем, не всё ещё потеряно, и на её пути оказался тот чудак-человек, для которого нет больших забот, как только кормить голубей. И теперь всем отчаянно интересно, как поведёт себя эта пришельца из другого прекрасного мира, оказавшись перед лицом такой преграды. Пойдёт ли она против своих принципов – бесконечно быть непреклонной и не уступать никому дорогу – и отступит, или же не остановится ни перед чем, а тем более перед спиной этого чудака-человека и заставит его посторониться.

И судя по всему, всё шло ко второму варианту, и эта самая обычная представительница пришельцев, однозначно с Венеры, не сбавляя темпа своего хода, с каждым шагом бесповоротно приближалась к этому чудaku-человеку. И как мно-

гим показалось, глядя на него со стороны, а может это был такой визуальный обман зрения, каждый её шаг отдавался на его спине.

И вот когда ей оставалось всего ничего, для того чтобы дойти до спины этого чудака-человека и затем перешагнуть через все мыслимые и немыслимые правила и преграды, – в этот момент даже голуби всполошились и по взлетали, так что чудака-человек теперь вряд ли мог сослаться на то, что он ничего и никого за собой, и за своей спиной не заметил, – как вдруг этот чудака-человек заговаривает и тем самым останавливает на месте подошедшую девушку.

– Твоё появление, и захочешь, мимо своих ушей не пропустишь. – Медленно поворачиваясь назад, язвительно сказал господин С. После чего он отпускает пригревшегося на его руке голубка и, быстро окинув взглядом подошедшую, с расстановкой слов продолжает свой разговор. – Ты слишком вызывающе выглядишь, Искра. – Господин С поправляет воротник на своём плаще и продолжает. – А такое одностороннее использование данных тебе способностей, умаляет саму мысль, понижая её до уровня человеческих рефлексов. – От этих слов господина С его слушательница Искра, пребывая в состоянии бледной растворимости перед лицом господина С, окончательно рассталась с той невозмутимостью в лице, с которой она до этого поворотного момента смотрела на мир.

– Хотя, возможно, что ты просто исполнительна, и все-

го лишь чётко следовала указанию, выделиться из толпы. И это не может не вызвать понимания (ты вдохновлена выполненным заданием), но с другой стороны, такая твоя прямолинейность в будущем может вызвать вопросы о твоей некомпетентности. – Господин С звучно поделился с окружающей атмосферой своей прямолинейностью, глубоко выдохнув, после чего принялся неспешно стягивать с рук перчатки.

– Одна уже поплатилась за свою показную беззаботность, но как я вижу, это вас ничему не обязывает и не учит. – Стянув левую перчатку, проговорил господин С. И тут господин С так неожиданно резко меняется в лице и с такой жестокостью во взгляде на Искру, даже не говорит, а зубами скрежёт воздух. – Или может ты какая-то особенная и думаешь, что тебя при случае не коснётся общая участь. Ошибаешься дорогая. – Господин С сделал шаг по направлению Искры, заставивший её невольно одёрнуться назад. – И тебя потушить ничем не сложнее, чем других. – И тут господин С, не сводя своего немигающего взгляда с Искры, демонстративно набирает в лёгкие воздуха и ...Прощает Искру – он не стал выдувать из неё её искру жизни, а лишь лёгким поветрием пощекотал её такой целеустремлённый и самую малость превышающий среднюю длину носик.

А всё потому, что Искра, а так её звал только господин С (для него все представительницы женского пола были искорки), всё же в некоторой степени особенная и она отлично

знала, когда нужно и на что нужно закрывать глаза. И она, вовремя закрыв свои глаза, тем самым спасла себя от ярости господина С, который задув искру её внутреннего огня, может быть и не лишил бы её физической жизни, но разве жизнь без внутреннего чувственного огня, можно назвать таковой. А таким образом остудить жизнь в человеке, господину С вполне по силам, и Искра отлично зная это, на многое закрывает свои глаза.

Когда же Искра открыла свои глаза, то господин С всё также стоял перед ней и с любопытством, а не в злодейском очаровании, смотрел на неё. Ну а как только он убедился в том, что Искра внимательна к нему, господин С берётся за вторую перчатку и стягивает её с руки. После чего он, сложив их вместе, убирает их в один из карманов своего плаща, затем свободной от перчаток рукой лезет в соседний карман и после небольшого нащупывания чего-то, вытаскивает оттуда сжатую в кулак руку. Затем он, наблюдая за реакцией Искры, переворачивает свою сжатую в кулак руку ладонью вверх и раскрывает её.

Ну а там лежит ... Но об этом хочет спросить у Искры сам господин С и он у неё спрашивает. – Как думаешь, что это?

– Мел. – Хоть и растерянно, но даёт ответ Искра, не сводя своего взгляда с руки господина С, где лежало нескольких разноразмерных мелков.

– Угадала. – Смеётся в ответ господин С и к полной неожиданности Искры, второй рукой берёт один из кусков

мела, приближает его к своему рту и со своеобразным скрежетом, зубами срезает часть мела, а оставшуюся часть мела кладёт обратно. И пока Искра пытается себя уравновесить от пробившего её озноба после увиденного ею, господин С с вязкостью движения челюстей, прожёвывая откусанное, поясняет. – В организме не хватает кальция, а может железа, а по зубам так не скажешь. – Господин С оскалился и для демонстрации крепости своих зубов, звучно щёлкнул по передним зубам пальцем руки. После чего он возвращает своё и Искры внимание к руке с мелками и, взяв один из них, протянув его в сторону Искры, приводит её в страшное замешательство – она предполагает, что господин С хочет и её накормить мелом.

И хотя господин С иногда себе позволял такого рода, по его мнению, безобидные шутки, сейчас он протянул мел не для того чтобы поломать жизнь зубов Искры, а он всего лишь поинтересовался у неё: Как думаешь, если начать чертить из него линию, то когда она закончится?

Искра же уже пришла в себя и даёт ответ – она хоть и не привыкла к шуткам господина С и никогда не знает, что от него можно ожидать, всё же она уже частично приспособилась к такому роду отношений и умеет быстро, как и он, перестраиваться.

– Пока мел не закончится или не надоест. – Сказала Искра. И видимо ответ Искры понравился улыбнувшемуся господину С, что он и подтвердил в ответ. – А вот на этот раз

ты меня порадовала, что не остановилась на одном варианте ответа, озвучив сразу два. Правда это не единственные имеющие право на своё осуществление и жизнь ответы. И есть ещё один вариант ответа.

– Какой? – не сдержавшись спросила Искра.

– А вот какой, то это будет лучше наглядно продемонстрировать. – Сказал господин С, после чего он кладёт вытасченный мелок обратно в общую кучу и, протянув к Искре ладонь полную разных цветов и размеров мелков, говорит ей. – Выбирай любой. Но при этом выбирай осмысленно, а не по-красивше. Ты ведь будешь им чертить линию своей жизни. – Ну а такое важное уточнение господином С делает своё дело и останавливает было протянувшуюся к мелкам руку Искры. И она, наверное, даже бы одёрнула назад свою руку, если бы не господин С, зафиксировавший на ней свой взгляд – это только на словах все мы такие смельчаки, заявляя, что каждый кузнец своего счастья, а как дело доходит до реальнойковки, а длинна жизни напрямую зависит от твоего отношения к ней, то тут никто не хочет брать ответственность на себя, предпочитая возложить весь груз такой ответственности на бога (теперь становится понятна его необходимость).

Между тем господин С требовательно ждёт её решения и даже, как чувствуется Искрой, начинает с долей нетерпения волноваться за её судьбу – ведь тогда делать выбор придётся делать ему, а он при его-то страсти к поглощению кальция, не несёт ей ничего хорошего. И Искра решается,

взяв самый длинный кусок мела. Что вызывает у господина С снисходительную ухмылку, с которой он комментирует выбор Искры.

– Как всё-таки предсказуемо. – Покачав головой, сказал господин С, убирая мелки в карман плаща. – Не знаете, что вас будет ждать в этой жизни, но всё равно до жадности выбираете самую длинную жизнь. – Господин С посмотрел на Искру, затем посмотрел по сторонам и обратился к Искре. Что ж, раз выбор сделал, то можешь приступать.

– К чему? – оторопев от перепонимания, в испуге спросила господина С Искра, даже споткнувшись на каблуке от такого его предложения.

– Как к чему? – с простодушным непониманием вопрошает господин С и тут же даёт ответ на этот вопрос. – Начинай чертить линию своей жизни. А я посмотрю, на что ты способна и куда она тебя заведёт.

– Я... это... не готова. – Сбиваясь на слова, пробормотала бледная как полотно Искра, подкосившись окончательно на своих длиннющих ногах, где одна свихнувшись на себе, упёрлась о свою напарницу и только благодаря ей осталась вроде бы стоять на себе. Но взгляд господина С непреклонен и он коротко резюмировал: «А кто к этому бывает готов», – сверкнув глазами, рывкает на неё: Ну! – Отчего Искра теряет остатки своего самообладания и к своему потрясению вдруг обнаруживает, что из её пальцев руки выскальзывает выбранный ею кусок мела и начинает своё свободное паде-

ние вниз, где его ожидает каменная поверхность мостовой и неминуемая гибель как единого целого. И в этот момент перед глазами Искры, в один миг, как это бывает с людьми перед лицом своей гибели, промелькнула вся её неосуществлённая жизнь, которую олицетворял этот кусок мела.

Но не только одно это видела Искра, так параллельно этому своему видению, она наблюдала в почему-то замедленном кадре полёт самого куска мела. И так до того момента, пока кусок мела не оказался подхвачен вдруг появившейся рукой господина С, который как оказывается, не всегда такой равнодушный и не тревожащийся за судьбу окружающего мира и людей как части его.

– Держи. Да крепко держи, а иначе второго шанса не будет. – Протянув Искре пойманный кусок мела, сказал господин С. Искра же странно смотрит на него и берёт свой мел. После чего она скидывает туфли и, оставшись босиком, присаживается на корточки. Здесь она осматривает поверхность дороги и, убедившись в чём-то своём, вопросительно смотрит на господина С. Господин С в свою очередь улыбается в ответ и кивком головы даёт ей добро. После чего Искра ещё раз убеждается в том, что мел крепко удерживается в её руке, и уже вслед за этим, прислонив его к бетонной поверхности мостовой, фиксирует мел на одном месте в виде точки, и к удивлению невольных зрителей на лавочках, таким способом отправляется вперёд вдоль набережной, чертить линию.

И если в самом начале, на первых своих шагах, судя по прочерченной ею линии, Искра проявляла неловкость и завидную неуклюжесть свойственную первопроходцам, что скорей всего было вызвано тем, что первые шаги в любом деле, а тем более в жизни, всегда такие, то по мере её продвижения вперёд, линия её жизни начала приобретать устойчивость и крепость, без всяких там спотыканий на месте и бросания в разные стороны. И это отлично заметил следующий за ней по пятам господин С. При этом господин С не молчит, а делает свои замечания.

– Да, кстати, насчёт того, тобою упомянутого варианта, когда линия жизни заканчивается из-за того, что тебе просто надоест её чертить дальше. – Проговорил господин С, чем вызвал у Искру на долю момента задержку. Но она быстро спохватилась и продолжила чертить дальше. – Я бы хотел более широко развернуть этот твой ответ и дать к нему свои пояснения. Ведь это твоё надоест, звучит слишком туманно и не информативно. А вот потерять интерес к жизни, то по мне так, это более подходящее слово для данного объяснения. – Господин С на этом месте замолчал, а всё потому, что заметил к чему они с Искрой приближались – часть набережной была залита водой и теперь Искре, правда только тогда, когда она это заметит (для господина С, находящегося в более высоком положении, предстоящие препятствия открывались раньше), нужно будет срочно принимать судьбоносные решения – сохранить лицо и не отступить пе-

ред непреодолимым препятствие, которое смоев тебя в воду времени, потерять лишь лицо и, повернув назад, сохранить-ся, или же найти для себя третий выход из этой ситуации, между героическим безрассудством и благоразумием настоящим на трусости.

Господин С с любопытством смотрит на запыхавшуюся и такую увлечённую своим делом Искру и ничего ей не говорит насчёт того, что её ждёт впереди, возвращаясь к незаконченной теме. – Интерес к жизни, по-разному проявляется. – Начинает рассуждать господин С. – Наиболее наглядно это можно проследить по так любимым тобой сериалам. Пока сериал вызывает зрительский интерес, он живёт. А как только интерес к нему падает до некой точки не возврата, то всё, на этом его жизни приходит конец. А ещё... – Но на этом господин С осёкся, а всё потому, что его из-за спины словесно одёрнул такого рода голос, что лучше на него сразу отреагировать, чем потом будет по-другому. Ну а то, что этот голос хрипло звучит, то это не оттого, что он часто говорит, а оттого, что предпочитает мало говорить, больше полагаясь на другие инструменты воздействия на собеседника, типа кулаков.

– Я чё-та не понял, что здесь происходит? – резво и резко обдаёт затылок господина С своей словесностью этот до хрипоты в своём горле, знакомый типаж того человеческого образчика, который постоянно чувствует сухость во рту и поэтому никогда не расстаётся с пивной бутылкой. В чём

тут же убедился господин С, стоило ему только так подумать и повернуться лицом к этому современному герою, который не может пройти мимо любой несправедливости и не снять её на мобильный телефон, а при случае, когда этому способствуют обстоятельства происходящего – за твоей спиной поддержка из к взывающих к справедливости нескольких рыл праведников –то можно и самолично вмешаться.

– А я значит, должен вам всё объяснить? – повернувшись назад и пристально посмотрев на этого героя с хрипотой в голосе, требовательно спросил его господин С. Ну а сквозящая в ответе господина С непреклонность, в некоторой степени смутила этого геройского парня, трудно понять что ожидавшего, но только не такого ответа. И он слегка оторопев, неуверенно соглашается с господином С, а в его глазах, чудаком-человеком с семечками в карманах.

– Ну, да. – Отвечает хриплый герой. На что господин С как-то не хорошо улыбается, что совершенно не нравится этому герою, да и к тому же он начал чувствовать, что стеклянная бутылка в его руках, стала слишком скользкой и начинает пытаться выскользнуть из его рук.

– Тогда может быть, вы для начала представитесь, чтобы мы все знали нашего будущего героя. – Лёгким кивком указав на замершую на месте Искру, обратился к подошедшему молодому человеку господин С. Что почему-то вызывает у хриплого героя новое замешательство – возможно прилагаемые им невероятные усилия в деле удержания им бутыл-

ки, всего заняли его и он, запотев в лице, больше не мог ни о чём другом думать. Так что для его озлобления были основания. И он вместо того, чтобы представиться, грозно захрипел. – Кто надо знает меня, а другим не обязательно.

– Понятно. – Как бы фиксируя эту информацию, сказал господин С и вслед принялся рассуждать по этому поводу. – Значит, присущая вам скромность не позволяет вам себя выделять, и вы предпочитаете зваться героем без имени. И я бы согласился с этим, но есть одно но. – Здесь господин С в один момент своим взглядом на хриплого героя фиксирует этот свой вопрос. В результате чего тот был вынужден был отреагировать, спросив господина С: Какое но?

– Видите ли, молодой человек, – с явным оскорбительным подтекстом для этого не такого уж и молодого человека, у которого уже давно пиво, а не молоко на модной бородке обсыхает, обратился к нему господин С, – к большому сожалению это имя уже занято. А раз так получилось, то я могу вам предложить на выбор из имеющихся в наличие имён. Охламон, Аперитив или Реальный Гуд. – И только беспрецедентная наглость господина С, с которой он обрушился на хриплого героя, предлагая ему такое (хотя Реальный Гуд, ничего себе имя), удержало последнего от немедленного нападения. Хотя не только это, а выпавшая из рук хриплого героя бутылка, разбившись при падении, ввела его в умственный и спазмический ступор, с которым он теперь ничего не понимая, смотрел на растекающееся пиво по дороге.

Ну а вслед за такой кульминацией событий, не трудно догадаться, к чему дальше всё плавно переходит, и тут любая заминка может дорого стоить для того, кто её проявит. При этом надо понимать, что после выпавшей из рук этого хриплого героя бутылки, мяч находится на стороне господина С. С чем хриплый герой может соглашаться, не соглашаться, но когда он в ненависти посмотрел на него, то господин С уже был готов к такой его реакции, и он сходу, своим грубо и резко сказанным заявлением его оглушает. – А теперь слушай меня, Охламон. – И не давая Охламону возможности понять, как так вышло, что его так называли, ведь он и намёка на это не давал, и заодно не давая времени ему привыкнуть к своему имени, господин С для того чтобы сбить его с темпа, хлопает в ладоши и пока тот ещё находится в состоянии недоразумения, обращается к нему:

– В таких случаях, первое, что нужно делать, так это успокоиться. А для этого нет лучше средства, как внутренний счёт до двадцати.

Но то ли Охламон был слишком расстроен из-за потери бутылки, то ли он уже давно перестал утруждать себя любого рода счётом, а может проблема была куда как глобальней и упиралась в образование, но так или иначе, а он проигнорировал предложение господина С и с яростью закричав: «Какой на хрен счёт!», – попытался, а не как всеми уже ожидалось, броситься на своего противника.

Ну а причина тому, что он даже не то чтобы не смог на-

пасть, а не успел этого сделать, а затем уже точно не смог напасть, вначале лежала чуть в сторонке на травке, а затем по мере разгорающихся событий, по хлопку ладоней господина С стремительно приблизилась сзади к Охламону, и уже когда Охламон так громко выразил своё несогласие, то причина в виде рыжего пса, в один момент вцепилась в зад Охламона. Отчего тот, ничего не соображая, тут же в шоковом состоянии обмер на месте. Ну а как только боль от укуса достигла его центра принятия решений, то Охламона уже было не удержать на месте и, он в стремглав сорвался с места, унося за собой вцепившегося пса и со странным запахом память о себе.

Господин С, проводив взглядом неудавшегося героя, разворачивается к продолжающей сидеть на одном месте Искре, и улыбнувшись ей, со словами: «А это был третий вариант, который может, но сейчас не может внести кардинальные изменения в твою линию жизни», – протянул ей руку. Искра внимательно смотрит вначале на его руку, затем переводит свой взгляд на него, и только после этого берётся за его руку и поднимается на ноги. После чего Искра приводит себя в порядок и бросается догонять господина С, двинувшегося строго по прочерченной Искрой линии жизни, в ту сторону, откуда они сюда пришли.

– Знаешь, – не спешно двигаясь с одной стороны прочерченной линии, сказал господин С, – смотрю вокруг и всё больше замечаю, как поредел и обмельчал наш серый мир,

уже и не поверишь, что он когда-то был цветным и полным ярких огней. Посмотри вокруг, одна серость и бессмыслица. А небо? – Господин С с внутренним позывом посмотрел на Искру, которая в свою очередь задержала свой взгляд на нём. – Когда оно последний раз прояснялось. Постоянно одна свинцовая мгла, хоть и, кажется, что солнце светит. Но нас это не волнует, мы уже и забыли, когда последний раз смотрели на небо. А зачем, да и некогда, ведь мы все такие занятые. И теперь всё чаще приходится с сожалением констатировать, что не ты растёшь и тем самым возвышаешься над людьми, а это всего лишь народ обмельчал.

– Так вот значит, в какой мир попал Гулливер, оказавшись у лилипутов. – Заметила Искра, заставив тем самым остановиться на месте господина С и внимательно посмотреть на неё. – А ты начинаешь понимать, как нужно пользоваться данными тебе инструментами. – Незнакомым голосом сказал господин С, в чьих глазах проскочила едва заметная искорка сердечного огня. После чего он переводит свой взгляд на прочерченную Искрой линию жизни и обнаруживает, если не совпадение, то что-то похожее на это – они как раз остановились в той начальной точке, откуда Искра начала свой чертёжный путь. А это рождает у господина С свой риторический вопрос, с которым он обращается к Искре.

– Интересно, а как бы сложилась твоя жизнь, если бы ты избрала другое направление своей жизни. Например, в обратную сторону. – Посмотрев в противоположную прочер-

ченной Искрой линии сторону, спросил господин С. Искра же молча поворачивает в ту же сторону, куда смотрит господин С, и начинает всё также молча вглядываться в серую даль. Ну а господину С видимо достаточно и того, что Искра смотрит туда же куда и он, и он даёт ответ на свой вопрос. – А скорей всего, не это важно, а имеет значение лишь то, что ты, вступив на этот путь, оставалась всё той же собой и никем другой. Ну а что там тебя ждёт, то об этом не так уж и сложно догадаться. – Господин С достал из кармана ещё один мелок, и подняв его перед собой, чтобы Искра его видела, заговорил:

– Чтобы прочертить свою линию жизни, мел совсем не нужен. – Господин С с размаха закидывает мел в воду и, возвратившись взглядом к Искре, продолжает. – Мел служит всего лишь для физического выражения твоего взгляда и всегда следует по пятам за тобой, и фиксирует то, что ты прочерчиваешь этим своим взглядом. Не буду останавливаться на деталях, а сразу обращусь к главному. Так вот, если ты сумеешь прочертить свою линию жизни бесконечно дальше, а это позволит тебе бесконечно расширить горизонты твоего видения, даже не окружающего, а существующего мира, и сможешь добиться её непрерывности существования под твоим контролем, а это одно из важнейших условий существования этого мира, то ты сможешь, объяв, увидеть цельную, а не по отдельности, картину сущего, и тем самым прийти к настоящему пониманию мироустройства нашего мира.

А это позволит тебе стать самым творцом, а не просто статистом. – Здесь господин С резко оборвал себя и, боковым зрением посмотрев на Искру, попытался понять, как она восприняла сказанное им. Но то ли Искра хорошая актриса, то ли она не всегда внимательна к тому, что говорит господин С, но она как вглядывалась в глубину дали, так и продолжала смотреть.

Господин же С возвращается к себе и, повернувшись в сторону Искры, плавно переводит тему разговора в деловую сторону. – Ничего, скоро мы всё это изменим. А как изменим, то я проведу тебя за пределы твоих пониманий и возможностей, и свожу тебя в свой солнечный город, где всегда светит настоящее солнце, и под льющуюся из всех окон музыку улыбается искренность, а не лицемерие. Ну а сейчас к делу. – После чего следует инструктирование Искры. А как только все нюансы обговорены, то можно и разойтись, но вид прислонившегося к ограде, охраняющей от выпадения в водный канал загулявшихся прохожих, обессилевшего Охламона, с чьей задницы свисал вцепившийся в его ягодичу рыжий пёс, остановил господина С.

И господин С, с большим вниманием рассмотрев мучающегося муками своей бессовестности Охламона, прокомментировал происходящее. – Его сковывает мысленный когнитивный диссонанс. Исходящая боль настоятельно требует от него, чтобы он хотя бы воспротивился и предпринял хоть что-нибудь, чтобы оторвать от себя пса, но его созна-

ние, сформированное по определённому, хоть и дремучему, но принципу, со своими запретами и значениями, что хорошо, а что плохо, сковывает все его движения в этом направлении (собака это всегда в добру и отгонять её от себя не к добру, а вот кошку можно). И что спрашивается, делать? – улыбнувшись, обратился к Искре господин С.

Искра же, может быть и знает, но она не хочет выглядеть всегда смышлёной и хочет пожимать плечами, и она ими пожимает в ответ. И такой её ответ вполне согласуется с тем, что от неё ожидал услышать или увидеть господин С, уже словесно отреагировавший на её ответ. – А как мы можем спокойно пройти мимо, не оказав ближнему своему посильную помощь. Да, кстати, тебе не нужен свой крепостной помощник? – спросил Искру господин С. Искра же внимательно смотрит на всего мокрого Охламона, искривляется в усмешке и с наигранной весёлостью спрашивает господина С. – А посмелее нет?

– И по симпатичнее тоже нет. – Язвительно отвечает господин С, и чтобы на этом закончить, говорит. – Бери, что дают.

– Беру. – Сказала Искра. Господин С в ответ хлопает в ладоши, и Охламон освобождается от такой своей зависимости от зубов рыжего пса. Но вот только не от своей новой зависимости, которая сейчас на него так пристально и будоражаще его сознание смотрит, что Охламон, среди родных и знакомых известный под именем Витёк, в холодном поту вдруг

подорвавшись с места своего нахождения, просыпается у себя в кровати и от непонимания того, где он сейчас находится и что с ним было, в реальности или приснилось, первое что сделал, так это спросил темноту вокруг себя:

– Чёрт возьми, что это сейчас со мной было?

ГЛАВА 5

Лицезрение.

– Ты слышал о таком словосочетании, а по мне так, словообращении, подготовленный зритель? – обратился к Алексу Секунд, поглядывая своим рассеянным взглядом, приличествующему их месту нахождения, в театральном буфете, в створ проходных дверей ведущих в фойе, где с таким же как у него рассеянным видом и взглядами на окружающих, в ожидании первых звонков, возвещающих о приближении начала спектакля, прогуливалась разного рода публика (и их разность имела не только природные характеристики; куда уж без надуманных родовитостью и интеллектуальной осознанностью отличий). Алекс же скорей всего слышал что-то такое, но никогда не придавал слышимому в данном ключе словообращению особого значения и поэтому он, ожидаемо Секундом, неопределённо, а для Секунда более чем понятно, кивнул ему в ответ – мол, я слышал, но так и не уразумел истинного значения этого словообращения, и был бы безмерно благодарен, если бы вы меня сейчас просветили на этот счёт.

– Ладно, так уж и быть, всё расскажу и объясню те-

бе, неучу. – Благосклонно не отклонил эту стоящую в глазах Алекса просьбу Секунд, многозначительно посмотрев на него. – Подготовленный зритель, – многозначительно, с задумчивым видом проговорил Секунд, глядя куда-то поверх Алекса, – кто же может подходить под эту знаковую категорию и кого можно так назвать? – для раскручивания маховика своего рассказа, задался риторическим вопросом Секунд. – На первый взгляд, кажется, что любой человек. Ведь априори, мы все с рождения зрители и слушатели, и это так сказать, нам природой дано, чтобы мы через эти свои чувственные инструменты, взаимодействовали с окружающим нас миром. Ну а раз так, то нам остаётся только узнать, к чему ведёт и что под собой подразумевает эта подготовленность. – Секунд хлебнул из чашки горячего чая, зря они что ли, сюда в буфет зашли. После чего посмотрел на сидящих за соседними столами людей, себя уразумевающих в ином, в более крепком качестве прихлебателей, нежели он, и, кивнув в сторону одного, только что забежавшего в буфет торопливого типа, сказал:

– Нет, конечно, эта подготовленность не такого рода зрительская симпатия, – а эта и есть та самая, базовая эмоциональная составляющая, на которой будет надстраиваться зрительские аплодисменты, как внешнее выражение конечной цели всей этой подготовки, успеха постановки, – к которой подготавливают себя здесь местные завсегдатаи. А она учитывает не только должный зрительский настрой, чему

способствует посещение такого рода мест, а она, как составная часть системы, обслуживающей эту область человеческих взаимоотношений, включает в себя целый спектр инструментов, по работе со своими подопечными, зрителями. Правда, чтобы зритель стал именно твоим зрителем, для этого нужно ещё как постараться (но для этого есть уже свои инструменты).

– Ведь то, что человек от своей природы зритель и слушатель, с одной стороны большой плюс для тех устройств представлений, кто хочет, чтобы этот от природы зритель, стал их зрителем, а с другой стороны, в этом и заключается своя сложность – он (зритель) непременно задастся вопросом: Почему я, уже от рождения зритель, и мне природой это дано бесплатно, должен за это платить и не пойми кому? Что он там мне такого покажет, что я на это и за это должен тратить своё зрительское внимание и деньги?

– На этом месте, – продолжил говорить Секунд, – я не буду акцентировать внимание. Эти инструменты завладения зрительским вниманием, всем давно известны. Реклама, нагнетание слухов, грязные слухи и вбросы, и того же рода вбросы. В общем, сразу переходим к тому моменту, когда ничего не подозревающий, просто зритель, раз и оказался востребованным (!) зрителем. – Секунд пристально посмотрел на Алекса, как бы давая понять, что на этом месте от него требуется, куда большая внимательность к его словам. А иначе он ничего не поймёт. Алекс же, как надувал щёки, так

и продолжал так обзорно смотреть в его сторону. В общем, всем своим видом показывал, что хоть Секунд крепок в теории, тем не менее практик из него никакой, раз он не может добиться зрительского внимания от одного человека. Хотя всё может быть не так, и Алекс специально так себя смотрит на Секунда, чтобы он на деле смог продемонстрировать эти инструменты влияния; и Секунд видит это так.

Но Секунд никогда не идёт на поводу зрительских предпочтений, он никогда не был и не будет конъюнктурщиком, и поэтому он без учёта зрительских требований, продолжает свой рассказ. – Каждый зритель, как априори человек и обратно, в своём свободном состоянии, то есть в своём нахождении в ореолах своего существования, всегда востребован (кем и зачем, то это другой вопрос), и это ещё одна его данность. Когда же эта его востребованность получает физическое выражение, как в нашем случае, он оказывается под сводами этого театра, то тут его востребованность выступает в ином качестве. Отныне, как только он переступил порог театра, он не только зритель, ради внимания которого всё вокруг здесь и существует, а он, сам того не подозревая, хоть и догадываясь, уже включился в игру и стал объектом зрительского внимания. . . Хотел бы сказать, что только со стороны кулис, но это не так. Зритель никогда не может быть только лишь зрителем, он всегда участник и объект чьего-то внимания. – Сказал Секунд, еле заметно кивнув Алексу в сторону выхода из буфета. Где действительно было на что посмот-

реть (хотя в любом случае, там всегда было на что посмотреть; тогда зачем так подчёркивать эту представившуюся им действительность? – посмотришь, узнаешь).

Но Алексу не удалось на это посмотреть, а всё потому, что он наткнулся на столь внимательно к нему обращённый взгляд со стороны стоящего человека у витрины буфетной, что пройти мимо него и не дай бог проигнорировать, не было никакой возможности. И вполне вероятно, что осуществи Алекс такую игнорирующую возможность, а по некоторым неизвестным мнениям, диверсию по отношению к этому внимательно к нему человеку, который быть может только и держится на ногах благодаря этой точке опоры, которую он нашёл на кончике носа Алекса, то он не удержится на ногах и соскользнёт с витрины и разобьёт не только свою голову, которую ему не жалко, а вот полный бокал в руке, даже очень жалко.

Но Алекс не осуществил и не проигнорировал этого некрепко стоящего на ногах, но крепко на него смотрящего типа, и посмотрел на него в ответ. А как заметил, какую выдающуюся роль играет в судьбе этого типа его нос, то даже сдержался от вдруг возникшего, непреодолимого желания почесать свой нос – Алекс догадывался, какую бурю негодования и возмущения может вызвать в сознании этого типа этот его жест и поэтому пошёл ему навстречу; конечно только фигурально.

Ну а когда между людьми, на таком ограниченном про-

странстве возникает такое внимание друг к другу (причины здесь могут разные), – даже может благодаря случайности, – то это не то чтобы обязывает к чему-то, хотя бы к приветственному кивку, а... всё же иногда так обязывает, что и не знаешь, как без последствий для себя выйти из этого странного положения. И то положение, в котором оказался Алекс, как раз было одно из таких.

И пока Секунд, куда-то там в сторону, отвлекался, не забывая словесно разбавлять свои сторонние взгляды: «Второстепенного ничего здесь и нигде не бывает. И если даже мимолётом твоё внимание акцентировали, может на самой, что ни на есть мелкой детали, то это было сделано не просто так, и это обязательно что-то, да значит. И на первый взгляд несущественное и малозначимое, всегда может оказаться той деталью, через которую только и можно понять, что на самом деле происходит», – то Алекс, удерживаемый взглядом неизвестного, уже и не знал, что такого придумать, чтобы оторвать свой взгляд от этого типа.

Между тем удерживающий своим взглядом Алекса незнакомец, из-за этих своих захватнических действий, вполне заслужил имя флибустьера воздушных пространств, или если для него это сложно, и он сейчас и выговорить этого не сможет, хоть его и качает, что приближает его к этому пространственному имени, то пусть будет капитан Сорви голова – его голову так и подрывает сорваться со своей насаженности. Так вот, этот капитан Сорви голова, будучи очень близким

к тому, чтобы сорвать свой голос на ком-нибудь, – всего вероятней, что только на себе, ведь он ещё и слова не пророчил, а это характеризует его как человека себе на уме, – решает для начала смягчить своё горло напитком из бокала.

Ну а как только его передёрнуло от крепости напитка, а Алекс не успел воспользоваться этой возможностью и оторваться от него взглядом, то он, решив, что этот обоюдный взгляд его обязывает, хотя бы на знакомство, не твёрдым шагом выдвигается по направлению Алекса, а может и стоящего рядом с ним свободного стула. И, наверное, Алекс, узнай о том, что первоначальной целью капитана Сорви головы было занятие собой этого свободного стула, то он бы возможно, что и расстроился, несмотря даже на то, что это новое знакомство, при виде этого капитана, не только ароматы перегара несло.

Но Алексу не суждено об этом было узнать, хотя косвенные действия капитана Сорви головы на это указывали. И вот когда этот самозванный капитан всем своим весом узаконил своё положение на стуле, то он, не особенно заморачиваясь над тем, с чего начать своё знакомство с Алексом, повернувшись к нему в упор, сходу объявляет те причины, которые привели его сюда и к этому, даже не знакомству, – ведь я, с первого на тебя, сукин сын, взгляда, догадался, кто ты есть на самом деле, – а представлению себя.

Когда же капитан скорей Соври, чем Сорви голова, таким, самым обычным в такого рода местах способом представил-

ся, то Алекс естественно насторожился, а Секунд незамедлительно вернулся к столу, где они и принялись ждать от капитана той логической последовательности действий, которая всегда следует после такого представления самого себя и тех, перед кем так себя представляет капитан. И здесь, несмотря на широчайший спектр представлений, всё всегда сводится к одному – ты тот, кого бы мои глаза не видели, и подошёл я к тебе лишь потому, что не мог иначе, и должен был это тебе сказать прямо в твои бесстыжие глаза.

Но капитан Соври голова, наверное потому, что он Соври голова, сумел удивить Алекса и Секунда, поведя себя иначе. – Можешь на меня положиться, – таинственно, очень туманно и тихо проговорил капитан, чуть наклонившись в сторону Алекса, – я никому тебя не выдам. – Капитан Соври голова озирается по сторонам, видимо в поиске тех, кому он не выдаст Алекса. На одно лишь мгновение задерживается на двух, уж очень для него подозрительных типах, – они попивают совсем не то крепкое пойло, что капитан (явно хотят держать свою голову ясной), – но они видимо его не пугают и, капитан, проскрипев зубами и, сжав руки в кулаки, возвращается к Алексу. – Я и сам здесь под прикрытием. – Проговорил капитан, покосившись на Секунда, которого он только что заметил.

И как оказалось, не зря заметил. Секунд в отличие от Алекса вдруг решает проявить любопытство и спрашивает капитана. – И кто же вы на самом деле? – Капитан мо-

жет и не ожидал, что его об этом спросят, но всё же не показал виду, что это было для него неожиданно, и только нездорово посмотрел на этого и не пойми откуда взялся, что за любопытного и подозрительного типа. После чего капитан смотрит на Алекса и, кивнув в сторону Секунда, спрашивает его. – Ты ему доверяешь? – Что вызывает улыбчивую заинтересованность у Секунда, с которой он поворачивается в сторону Алекса и красноречиво, – а вот это мне было бы интересно узнать, – смотрит на него.

Алекс в свою очередь посмотрел на Секунда и своей ответной улыбкой сбил у того весь интерес к его ответу. Но Алекса это не волнует и он, повернувшись к капитану, говорит: Доверяю. – Капитан со своей стороны не столь доверчив и он, с нескрываемой досадой говорит: «Я бы этой паскудной роже и подержать свой полупустой стакан не доверил бы. Или выпьет, или наплюёт». И пока Секунд, как человек вероломной сущности, не осуществил этот подлый манёвр с бокалом капитана – а его пристальное внимание к бокалу капитана, после того как он раскрыл эти его тёмные намерения, прямо на это указывает – капитан предусмотрительно, в один глоток осушает бокал, после чего торжествующим взглядом смотрит на поверженного Секунда и, явно опасаясь, как бы этот подлеишей сущности человек, напоследок не решился плюнуть в бокал, переворачивает его и таким способом, крепко ставит на стол. На мол, козлина, подавись своей слюной, которую тебе больше некуда будет пле-

вать.

Ну а как только все акценты за столом таким способом расставлены, капитан, у которого во внутреннем кармане, в виде фляжки есть ещё и другие козыри, возвращается к Алексу и открывает ему тайну своего имени. И как оказывается, капитан Соври голова и не капитан вовсе, о чём прекрасно знал Алекс и вполне возможно, что и Секунд, которого Алекс не поставил в известность, когда присваивал капитану капитанство, а капитан на самом деле, есть самый настоящий критик. – Но об этом, тсс, никому. – Прижав указательный палец к губам, тихо произнёс критик. После чего он быстро осматривается по сторонам и, задержавшись на мгновение на всё на том же месте, на тех подозрительных гастрономах, пьющих какую-то воду, возвращается обратно к Алексу.

– Вы же знаете, как в этих местах относятся к критикам (недостойно и опрометчиво). И поэтому я вынужден соблюдать инкогнито. – И только с грустью в голосе вздохнул критик, как, что за вероломность... нет, не Секунда, – хотя то, что он сидел ближе к буфету на многое раскрывает глаза, а уж потом намекает, – а всю пользуясь своим служебным положением буфетчика, который взял и на всю буфетную прокричал имя критика, и тем самым раскрыл его инкогнито и заодно глаза на него всех находящихся в данный момент в буфетной людей. И при этом буфетчик не обошёлся без того, чтобы не просто раскрыть личность крити-

ка, а он это так невероятно хитроумно, с такой подковыркой под самую кожу сделал, что к нему и не придерёшься, а вот к критику запросто.

– Ну и долго мне ещё ждать, нашёлся тут критик! – во всеулышанье, громко заявляет буфетчик, прямиком смотря на критика, чьи покрасневшие уши целиком его выдают, не давая ему возможности как-то заставить всех обознаться на счёт себя. – Да вы что, какой я критик?! – потрясая себя удивлением, а не как все могли подумать, пошатывая выпитым, мог бы возмутиться критик обознанно названный буфетчиком критиком. – Вы только посмотрите на меня, разве я похож на критика. – А вот здесь критик явно поспешил и, пожалуй, наговорил себя до критика. Ведь он словесно указал тот ориентир, через призму которого, на него теперь будут смотреть окружающие. И хотя полного единодушия во взглядах на него не будет, – и хотя я ваше исключительное мнение не могу не учитывать, это ваш сосед сверху, сбежавший алименщик и подлец каких свет не видывал, всё же думаю, что он тот козёл, который мне на ногу наступил (и эти предположения совершенно не противоречат тому, что он критик), – тем не менее, он всё же будет признан в этом критично для него важном качестве.

А вот предложи он для схожести своего сравнения кого другого, например, политика, – ну какой из меня политик (здесь нужно утверждать от противного, хитры все эти политики; вечно цену себе набивают), я враль, но с воображе-

нием, каких редко встретишь, пьяница, ловелас, кухонный боксёр и в голове у меня только туман из мыслей, – то, пожалуй, у него были все шансы быть признанным политиком, хоть и битым, а не критиком. В чём-чём, а в последнем действии, всегда есть полное единодушие.

Но Критик умеет проигрывать и если его раскрыли, то он не будет выворачивать свою шею, чтобы не смотреть в глаза действительности. И Критик сразу же поднялся на ноги, как только буфетчик показал своё истинное, хамское и главное, вражеское лицо – он на тёмной стороне, администрации театра, тогда как Критик на светлой, на стороне зрителя. Но вот какая же всё-таки не благодарность, и он знает, кто этому способствует – директор театра, зритель во всех неудачах винит не тех, кто за неё отвечает, действующих лиц пьесы и стоящего за постановкой режиссёра, а почему-то критика, который их между прочим предупреждал, а они сказали, что он накаркал провал постановки (опять манипуляции директора).

И Критик, сразу удивив Алекса своей стойкостью на ногах, глядя в глаза этому представителю тёмной силы, администрации театра, к буфетчику, напрямик направился к нему. И хотя Алекс находился позади к Критику и не мог видеть, как тот яростно смотрит на этого подлеца буфетчика, – а по другому, при данных обстоятельствах, Алекс себе и не мог представить взгляда Критика, – всё же он ощущал всю эту невыносимость взгляда Критика.

Ну а то, что буфетчик ответно демонстрировал непоколебимость уже своего ответного взгляда на Критика – похамски, с долей презрения стоявшая ухмылка на его лице, только коробила уверенность Алекса в Критике – то Алекса не обмануть этой напускной невозмутимостью. Хотя за спиной буфетчика и стоят могущественные силы в лице широких задов администрации театра, а его тыл прикрывает запасной выход, куда он может в любой момент дёрнуть гонимый справедливостью в лице кулака Критика, Алекс прекрасно видит, как пробирает дрожь ноги буфетчика, который, то растёт, то опускается.

И, пожалуй, в этом своём предположении, Алекс был отчасти прав, буфетчик отлично знал не предсказуемый нрав Критика, который был предсказуем лишь в одном, в своём непредсказуемом поведении. А когда такая абракадабра возникает в голове при виде идущего на тебя человека, особенно Критика, то хочешь, не хочешь, – а буфетчик и не хотел его звать, его заведующий заставил спровадить Критика, – а вынужден опасаться, что приготовленный для Критика пакет, покажется тому недостаточно соответствующим его широкой личности, и он начнёт прямо тут делать свои критические замечания.

Но буфетчику повезло, чего не скажешь обо всех остальных присутствующих в буфете зрителях, рассчитывающих на более кровавое развитие их отношений. И Критик только заглянул в протянутый ему пакет, после чего взял из фрук-

товой вазы яблоко и, приветственно взмахнув им в сторону Алекса, направился на выход из буфета. Куда вскоре вслед за ним, и всё по причине того, что Критик своим появлением за столом Алекса, перенаправил на себя все их мысли, отправились Алекс с Секундом, чтобы немного отвлечься и на шагать на другие мысли.

Но как бы не пытался Секунд на шагать, а может находить на новые мысли, он так ни до чего не доходился. А всё, наверное, потому, что все эти общественные места типа фойе, где столько людей с рассеянными взглядами на тебя смотрит, и вообще, всё это не даёт сосредоточиться – ты сам того от себя не ожидая, поддаёшься стадного чувству и рассредоточиваешься. Что совершенно не может устроить движимую иными на счёт себя, с эгоистичным подтекстом мнениями, натуру Секунда. И он в один из переходов из одного состояния в другое, а если простыми словами сказать, перенося свой вес с одной шагающей вперёд ноги на другую, вдруг на полпути останавливается и, с глубокомысленным видом повернувшись к Алексу, обращается к нему. – Знаешь, что-то мне надоело тут бестолку ходить.

Ну а Алекс в свою очередь, верно слишком поспешил и, не дождавшись, когда Секунд детализирует своё предложение, отвечает ему. – Тогда пойдём что ли в зал. – Ну, а судя по тому, что Секунд поморщился от такого предложения Алекса, то у него было что-то совсем другое на уме.

– Пойдём, но только с другой стороны. – С таинствен-

ным подтекстом, с видом человека, который больше знает, чем говорит, проговорил Секунд, зачем-то посмотрев по сторонам. – Наверное, сторону выбирает. – Мог бы подумать Алекс, если бы опять поспешил так преждевременно думать про Секунда. А так как Алекс на этот раз не поспешил, то он решил, что Секунд из-за некой предосторожности, всего лишь осматривается по сторонам, чтобы заинтересованные в своём предпочтительном выборе со стороны Секунда стороны, а их куда как было больше, чем четыре стороны, не стали оказывать на него давление, послав либо угрожающего вида людей, либо привлекательную красотку, на которую с какой стороны не посмотри, а она всегда привлекает.

В общем, Секунд не поддался искушению, которые несли разные стороны, а проявив себя человеком более чем разносторонним, многозначительно сказав Алексу: «Там всегда всё видней», – разворачивается обратно. – Хочет запутать след, – решил Алекс. И, не придерживаясь ни одной стороны, а следуя строго по центру зала, доводит себя и Алекса до одной малоприметной двери, на которой висит табличка, с внушающей ужас надписью «Посторонним вход запрещён».

Секунд с дерзновенной ухмылкой переводит свой взгляд от таблички на Алекса и спрашивает его. – Ты себя чувствуешь посторонним? – И, конечно, Алекс не чувствует себя в таком качестве, хотя ему на это частенько указывали незнательные и полные эгоизма граждане, и он, сопроводив

свой ответ, отрицающим всякую возможность так думать поворотом головы, говорит: Нет.

– И я, что за совпадение, – говорит в ответ Секунд, берясь за ручку двери, – точно также о себе думаю. Хотелось бы мне посмотреть на тех, кто думает иначе. – Сказал Секунд, резко открыв дверь нараспашку. После чего он смотрит в её темноту, вновь смотрит на Алекса и говорит. – И получается, что такое именование придумали те люди, кто находится по ту сторону двери, и которых я бы назвал потусторонними. Они живут в иных, потусторонних, называемых ими, избранных измерениях, и им не насущны мнения и проблемы всех остальных, для них сторонних людей, которых они записали в посторонних людей. – Секунд переводит свой взгляд в глубины темноты двери и, глядя туда, продолжает говорить:

– А мы сейчас пойдём и посмотрим, что там, к кому и зачем, и так уж и быть, чтобы у них не появился соблазн выродиться, к чему ведут и обязательно приведут замкнутые на себе культурные связи, и разбавим собой это избранное собой сообщество, строго между собой, исключительно избранных людей. И посмотрим, что они смогут нашему вмешательству противопоставить, если я назовусь человеком приближенным к самому! – Здесь Секунд видимо представил лица избранных собой людей, когда они услышат о такой его приближенности к самому (!), что расплылся в улыбке. Правда кто такой этот сам, Алекс даже не мог себе представить, а Секунд не объяснял, и Алексу пришлось довериться

на слово Секунду.

– Пошли, покажем этой категории потусторонних людей, как мы на них смотрим! – с такой яростью сказал и посмотрел в темноту створа двери Секунд, что Алекс перепугался за тех, на кого сейчас Секунд вместе с ним вскоре посмотрят, и заодно совсем немного за себя. Ведь Алекс совсем не знал, как на всё это посмотрят те, на кого они с таким предосудительным взглядом посмотрят, предполагая, что им ничего хорошего от этого ждать не стоит.

Но к от души облегчению Алекса, всё прошло как нельзя лучше и незаметно для них, когда он вместе с Секундом, без всякого спроса и предупреждения, вначале отодвинули в сторону со своего прохода в одну из лоджий человека при дежурной улыбке и обязанностях, поддерживать в должном тоне находящихся в этой лоджии людей важной наружности и при таких же связях, а затем проникли в глубину этой, до чего же вместимой и обставленной по высшему разряду лоджии.

А всё дело в том, что важные и представительные люди, всегда и во всех случаях придерживаются одного главного правила – это их должны все знать и не только в лицо (а это обстоятельство даёт большое пространство для манёвра и карьерного роста всем высокопоставленным лицам, перед чьими лицами, иногда, да появляется более высокопоставленное лицо, и не надо объяснять в каком качестве – и оно должно знать его и в это лицо), а вот они никого в упор

не должны видеть, ни в коем случае не удивляться и вечно скучать. Что собственно и поспособствовало тому, что появление Секунда с Алексом в этой лоджии, никого не удивило и даже совсем ухом в их сторону не повело.

Ну а Секунд, видимо оказался не совсем готовым к такой скучной встрече, – он может ожидал, что на него сразу с захода прикрикнут, а ты кто ты, падла, такой? (и тогда бы он им показал, кто он и кто они все здесь такие перед ним), – и не нашёлся, что сказать, а убаюканный стоящей здесь атмосферой взвешенности, где каждое произнесённое здесь слово, неминуемо для кого-то, что-то, да значит, и оттого все разговоры здесь велись тихо, с расстановкой акцентов, потянув Алекса за собой, присел с самого краю, за спинами всё более и более важных людей.

А как только они сели, то за неимением других занятий, – а впереди находящиеся и всё закрывающие спины каких-то несомненно важных, раз они так насчёт себя считают, не скрывающих своих взглядов людей, не дают никакого пространства для манёвра, кроме как их слушать, – то Алексу с Секундом только и остаётся, как их слушать; но зато при этом они могут иметь на всё ими сказанное и на самих говорящих, подчёркнуто свои взгляды. И если Секунд имел в виду что-то подобное, когда говорил, что он ещё посмотрит на это потустороннее общество, то, как он не смотри на него, то этому обществу всё будет не чесаться спиной к этому его смотрению.

Между тем сидящая перед носом Алекса, чем-то неизвестным выдающаяся спина человека с лысиной, не может молчать, когда к ней обращено внимание молодой старлетки, которой уже давно хочется перерастить роль молодой старлетки и получить, наконец, что-нибудь более достойное её талантам и отвечающее её запросам. Что между прочим, очень сложно сделать, когда у тебя одни взгляды на свой талант и его применение, когда как у тех, кто занимается творческим процессом и главное, распределением ролей, совсем другие взгляды на то, в каком качестве и где можно применить все эти её таланты и руки. И поэтому молодой старлетке, чтобы добиться своего, а не того, на что её толкают продюсерские заскоки, необходимо быть крайне внимательной и убедительно послушной к тому, что ей говорит новый режиссёр (а по сути, старый – и это всегда так в этом кино; но чему она удивляется, ведь кино это фабрика грёз, так что всё здесь иллюзорно) ставящейся высоко бюджетной картины.

Ну а сидящий рядом с самим с собой, в себе и около себя вокруг, а уж затем позволяющей ей сидеть рядом, как вскоре выяснилось, режиссёр с большой буквы, видимо уже расслабился на её счёт и поэтому был более откровенен, нежели до этого – он так сказать, давал ей уроки мастерства. – Люди в своём идеализировании мира, зачастую переходят все мыслимые границы, – причмокивая скорее всего своими губами, в рассеянности или в забывчивости перепутав, поглаживая

не свою, а ногу молодой старлетки, рассудительно проговорил сей глыба, режиссёр (но так стереотипно подумать мог только Алекс, а на самом деле режиссёр, став с некоторых времён осторожным, гладил свою ногу, повреждённую в гонках за бюджетным финансированием), – уравнивая нас людей высокой культуры, со всяким бескультурьем. Тьфу. Прощу прощения. – Однозначно великий режиссёр, если он так о себе говорит, несмотря на то, что он не сдержался и так эмоционально через тьфу в лицо молодой старлетки выразился, всё же он не какое-то там бескультурье, а извиняется за свои насыщенные воплями души слова, а по сути за волеизъявления.

– По мне так, всё это равенство напоминает Прокрустово ложе, под которое всех нас подгоняют. – Уж больно сильно начал заговариваться этот видный режиссёр. И хорошо, что этих его речей не слышат его близкие по духу соратники-либералы и так, близкие знакомые, а молодая старлетка всё понимает через призму слова ложе, а иначе бы он, так сказать до либеральничал. Но сей режиссёр скорей всего знает, с кем и о чём говорить, и поэтому так решительно, хоть и на словах, позволяет себе быть другим, а не как все.

Но вот единственное чего не учёл этот режиссёр, так это того, что он оказался слышим Алексом, который вдруг взял и заставил его вздрогнуть от неожиданности, спросив его. – И что вы снимаете? – И хотя этот вопрос со стороны Алекса прозвучал так неожиданно для этого великого режиссёра,

что он даже взмокнул со страха (договорился на свою лысую голову), всё же не только эта неожиданность его так взволновала. А при виде склонной к нему молодой старлетки, режиссёр ясно увидел в этом вопросе двоякость его значения, что не очень понравится его строгой к его похождениям на режиссёрском поприще супруге, если ей подскажут задаться этим вопросом в этом глубинном смысле.

– Дёрнул же меня чёрт, так опростоволоситься. – Нервно чертыхнулся про себя режиссёр, вдруг поняв истинную причину своего облысения. – Так вот почему я стал лысый! – Ахнул про себя режиссёр. – Я слишком часто попадаю в подобные, с двусмысленным подтекстом ситуации. А не как меня, льясь моей мужской силой, убеждали, что у меня повышенный уровень тестостерона. А я дурак, всё удивлялся. Почему эти лахудры ржут у меня за спиной. – Режиссёр аж потемнел от всех этих представлений, где напрямую досталось молодой старлетке, которую режиссёр обдал полным презрением взглядом, под которым скрывалось его нежелание больше быть посмешищем как минимум в её глазах.

Разобравшись с онемевшей от удивления молодой старлеткой, режиссёр решает поставить в тупик того сзади нахала. – Кино не для всех. – С апломбом, явно намекая на то, что Алекс уж точно не попадает, да и никогда не сможет подпасть под эту исключительно выдающуюся категорию высоко значимых господ, сказал сей великий режиссёр. Но спрашивающий режиссёра из-за его спины и не пойми кто такой,

как сейчас им выясняется, порядочный наглец и поэтому не успокаивается, а имеет свой взгляд и даже мысли на всё им сказанное.

– Понятно. – Уже с первого своего ответного слова, Алекс сбивает дыхание с режиссёра, которому и его уму непостижимо, как это может быть так понятно, когда даже ему не всегда так понятно. Но сбитое дыхание и перенаполненность организма режиссёра возмущением, это только начало, и тот нахал сзади, на этом не останавливается и продолжает возмущать дух режиссёра своими речами. – А что на это говорят, – заговорил Алекс, – или вернее скажет, если им будет позволено увидеть это кино (как понимаю, дороговизна билетов и дресс-код ставят свои ограничения), остальная часть всех?

Режиссёр же, несмотря всё это давление на свой организм, собирается с духом и даёт ответ. – А разве это важно. – Усмехнулся режиссёр. – У нас разные жизненные приоритеты. Они, эти все, всю свою жизнь борются за своё право на труд, а мы, не все, отстаиваем своё право на отдых. Вот наше основное различие. И как понимаете, у последних, то есть у первых, куда как больше возможностей для отстаивания своих прав. Так что я не жалуясь, на меня никто не жалуется и никто даже не смеет этого делать. – Подытожил себя режиссёр. И сейчас уже никто не скажет и не может сказать, как бы дальше развивались события, если бы вдруг общую атмосферу успокоенности в лоджии, не нарушил воз-

глас неизвестного для Алекса типа.

– Как это всё понимать? – как-то уж возмущённо задался этим вопросом неизвестный для Алекса тип в дорогом костюме и, судя по тому, что он находился у самого балкона, то не последний человек в этом избранном, возможно и им кругу людей. Ну а для любого, даже до самого глухого, не вписывающегося в общий меймстрим режиссёра, нет ничего слаще, чем услышать такого рода непонимание в адрес его постановки; и не будем забывать, что только со стороны подготовленного зрителя.

Ведь неподготовленный зритель и в самом деле ничего не поймёт из всего им показанного, и еще будет искренне недоумевать над тем, что ему тут такого, невозможно и разоб-брать, показали. А потом не разобравшись, что к чему, ещё направится в кассу требовать назад деньги за эту несусветную чушь, которую ему здесь под видом экспериментальной пьесы скормили. В общем, разница между подготовленным и неподготовленным зрителем налицо – первый не такой жлоб как второй, и никогда не пойдёт требовать свои деньги назад; он отлично понимает, что ему их не вернут. И поэтому, он не будет показывать виду, что он, как последний дурак, совсем не понял, как его вокруг пальца обвёл этот новомодный режиссёр, а наоборот, будет что есть силы в аплодисментах выбивать глупость из своих ладош, представляя себе, как он ими захлопывает ушные раковины этого новомодного режиссёра.

Но так как этот вопрос в лоджии раздался со стороны не просто подготовленного зрителя, а плюс к этому и близкого по духу зрителя, то присутствующий прямо здесь режиссёр, идущей и на самом деле уже идущей на театральных подмостках пьесы, сам Неимовер, может даже и Таврический, более чем расслабился, теплея всей душой от этих тёплых слов сдобренных крепким напитком. И такие трогающие режиссёрскую душу моменты, – зритель крайне заинтересован в том, чтобы он, режиссёр, разложил всё его непонимание по полочкам и сложил из него этажерку понимания, – могут переживаться вечно; ну, по крайней мере, достаточно долго. А вот сколько, то любой более-менее настоящий режиссёр, а не просто заполняющий сценами насилия хронометраж пьесы подельщик, отлично знает ответы на вопросы: когда, зачем и к чему?

И вот к чему это было сказано – Неимовер вдруг чётко осознал, что молчаливая пауза, возникшая после этого вопроса, не просто затянулась, а настолько, что в голове начали появляться вопросы насчёт этой паузы. А это первый признак того, что что-то здесь не так. И как только Неимовер обратил своё внимание на эту затянувшуюся паузу, то он сразу же понял, почему она возникла и почему, вообще, везде, а не только у них в лоджии, так тихо. Ну а для того чтобы это понять, далеко не нужно ходить – всего-то нужно подойти к балкону и выглянуть с него в сторону сцены. Что немедленно осуществляется Неимовером, быстро избавившимся

от докучливого соседства с молодой старлеткой, где им и обнаруживается, идущее в разрез со сценарием и главное, с его режиссёрскими установками, стоящее на лице Отелло (теперь понятно, что за пьеса идёт на сцене) замешательство.

И если поначалу Неимовер не может своим глазам поверить, видя такой вызов его режиссёрскому таланту со стороны всего лишь актёра, хоть и ведущего, отчего он и сам немеет в лице и готов даже на безумство, крикнуть: «Не верю!», – то вслед за этим заметив причину этих провокационных действий играющего Отелло актёра – покидающего своё зрительское место зрителя – Неимовер немного приходит в себя и, пообещав немедленно разобраться с этим видением своей роли актёром, бегом выносит себя из лоджии. Да так скоропостижно для административного лица, стоящего на страже их комфорта, что тому будет весьма сложно понять, где он сейчас находится и кто он вообще такой, когда его приведут в чувства.

– Мне, кажется, что пока возникла производственная пауза, то и нам было бы неплохо прогуляться. – С недвусмысленным намёком сказал Секунд, поднимаясь со своего места. Ну а Алекс, так и не поняв, зачем они сюда приходили и присоединялись к этому избранному кругу, совсем не прочь отсюда уйти. И они уходят. Как вскоре Алексом выясняется, вслед за Неимовером.

– Чтобы понять значение самой простой вещи, – спускаясь вниз по лестничному пролёту, заговорил Секунд, – мы

всегда обращаемся к себе, выискивая там знания об этом объекте видения. И только после этого, в зависимости от имеющихся у нас в наличие знаний, идём с ним на сближение. И это сближение или взаимодействие проходит благоприятно, если твоё знание об этом объекте истинно. Но вот если это знание ошибочно или твоё понимание этого знания ложно, которое по своей сути может быть истинно, то это всегда приводит к неблагоприятным последствиям. Причём обе стороны. И поэтому очень важно уметь находить понимание не только в себе, но и на сторонний субъект своего права, или по крайней мере, уметь отличать истинное значение от маскировочного под него явления. Что в этих стенах отлично и демонстрируется. – Секунд демонстративно обвёл своды этого коридора, где они оказались. И Алекс частично понял и нашёл ответ на некоторые почему и зачем Секунд привёл его в театр.

– А лицедейство это такое интересное действие, что и сами задействованные в этом действии лица, иногда и не знают, где заканчивается игра, а где начинается другая. А по-другому здесь и не бывает. – Сделал вывод за всех Секунд. И Алекс, и на слово ещё поверить не успел Секунду, как вот оно, его уже в спину так убедительно, что не устоять на одном месте подталкивают, чтобы он даже не пытался и раздумывать над сказанным Секундом. Отчего Алекс, после того, как он так неожиданно и не слишком некомфортно для своих боков отодвинут с чьего-то пути в сторону, к стенке это-

го не слишком широкого, но и не узкого коридора, мгновенно загорается желанием посмотреть в глаза той наглой роже, кто так вероломно воспользовался тем, что он стоял к нему спиной.

Но эта наглая рожа, с такими же поступками по отношению к другим людям, естественно не из тех, кто за свои не дисциплинированные действия хочет отвечать, и как только Алекс сумел оторваться от стенки, куда он был так неожиданно перенаправлен этим наглецом, то он только и смог увидеть, так это убегающую спину этого наглеца. Ну а раз с него спросить не представляется возможным, а что уж говорить о том, чтобы посмотреть в его бесстыжие глаза, то у Алекса появляются вопросы к Секунду, который однозначно видел эту наглую рожу и специально его не предупредил о надвигающейся со спины опасности.

И Алекс бы немедленно потребовал от Секунда объяснений такому своему поведению и тому бы скорей всего, было бы недостаточно сказать в своё оправдание, что мол, толкают одни, а объяснения этим поступкам требуют от других, но Секунд предупредил возмущение Алекса, перенаправив его внимание в ту сторону, откуда появился этот наглый тип.

– Внимание. – Тихо проговорил Секунд и, приложив к своему носу указательный палец, таким образом поворачивает своё лицо в ту сторону, откуда появился этот наглец и куда требовалось сейчас внимать. Алекс, пойманный на рефлекс, ничего не может поделать, как повернуться туда же,

где и видит то, на что решил обратить его внимание Секунд.

И если одно из представившихся на обозрение Алекса действующих лиц, Алекс сразу узнал, это был Неимовер, страшный в своём гневе, в котором он, судя по его буквально страшному и некрасивому лицу, сейчас и находился, то второе лицо этой разворачивающейся на их глазах трагедии, Алекс пока не видел, по причине того, что оно находилось где-то там, в глубине какого-то помещения, в которое вела выходящая в коридор дверь, перед которой сейчас стоял, видимо совсем недавно выскочивший оттуда, уже упомянутый Неимовер.

Ну а вот так сразу, трудно понять, что всё-таки заставило Неимовера так преобразиться в невероятно некрасивого и страшного человека, хотя он и так не блистал особенно красотой и по большому счёту, был малосимпатичным малым (и это не фигурально сказано). И Алексу, как впрочем и Секунду, оставалось только догадываться об этом; ну или в крайнем случае до вообразить.

– Наверняка женщина. – Решил для себя Алекс. Ну а Секунд, хоть и также думал, но он плюс ко всему, куда как шире на это смотрел и поэтому высказался на этот счёт более глубоко. – Высокие отношения без трагедии и не могут так называться. А мир искусства без них и не может полноценно существовать. – Что тут же получило своё деятельное подтверждение со стороны тех дверей, куда с такой невыносимостью гневно смотрел и крайне выразительным способом

вёл на таких ультраповышенных тонах разговор, что ничего нельзя было разобрать из сказанного, чёрный как мавр Неимовер.

Ну а Алекс, как человек находящийся пока что в звании самого простого зрителя, а не подготовленного, видит то, что показывается, и если в представшем перед его глазами представлении и были куда глубокие смыслы, то он дальше той комнаты, куда вела эта дверь, не мог углубиться и так сказать, снимал только самый верхний культурный слой. – Он её там зачем-то таким, что противоречит его взглядам на неё застал, вот и бесится. – Сделал вывод поверхностный взгляд Алекса на происходящее.

При этом симпатии Алекса, несмотря на то, что та противница взглядов на себя Неимовера, пока никак себя не проявила и не показывалась, – а она могла быть неприлично некрасивой тёткой, и к тому же, всё то, что про неё так пристально глядя, надумал Неимовер, могло быть истинной правдой, – всё равно были на её стороне. И почему это так, то и не объяснишь. Хотя возможно, что на симпатии и антипатии Алекса оказал существенное влияние сам Неимовер, при виде которого хочется думать и поступать вопреки ему. Вот наверное почему, всех этих новомодных режиссёров так тщательно скрывают от публики. Ведь при виде их сразу становится понятен тот замысел, который он вкладывал в свою новомодную постановку на новый лад, а может и по мотивам какой-нибудь классической пьесы – он просто голову нам

морочит! И зрителю плевать, какое у этого новомодного режиссёра есть видение, и какой у него взгляд на постановку, когда у него самого есть свой взгляд на эту невыносимо противную режиссёрскую морду.

Между тем противостояние между неизвестной и Неимовером вышло на новый уровень, и Неимовер, определённо больше видя, чем оба взятые Алекс и Секунд, что там происходит за дверьми, решает предотвратить некоторые назревающие провокационные действия со стороны его противницы.

– Рот закрой! – проорал туда Неимовер. И не успел он так сказать, за этим своим громким повелением, ни себе, ни кому бы то ни было закрыть рот, как вылетевшая из глубины дверей массажная расчёска, своим точным попаданием в лоб Неимоверу, достигает заявленной цели Неимовера – она ему тут же закрыла.

А ведь Неимовер, так заявляя, ставил перед собой совсем другую цель, – он хотел, чтобы свой рот закрыл тот, к кому он так обращался, – тогда как получилось вот так вопреки. И тогда ему, как режиссёру, кому на его профессиональном роду написано доносить до зрителя настоящие смыслы заложенные авторами в своих пьесах, вдвойне непростительно, что его послание было так двойственно интерпретировано. Ну а если он на бытовом уровне так неопределённо выражается и соответственно понимается, то, что тогда ждать зрителю от его экспериментальных постановок (и почему-то все

эти эксперименты всегда проводятся на классических произведениях), которому рот закрыть своим известным в ограниченных своей культурой кругах именем, навряд ли получится.

Но это только одна, видимая часть правды, когда возможно, что Неимовер, поступая так, преследовал другую цель, сохранить в тайне некоторые конфиденциального характера подробности из их личной жизни. Ведь сгоряча не только лишнего наговоришь и все секреты выболтаешь, но и можешь сболтнуть даже горькую правду. А вот этого никто не любит. Но тогда ответный поступок его противницы получает своё объяснение – она в желании дать шанс их отношениям, действовала на опережение. Ведь совсем не трудно догадаться, о чём и в каких плоскостях принялся бы склонять её Неимовер. Он сразу же принялся бы с глубоким подтекстом задаваться вопросами: Мол, я тебя (?), знаешь, где видел!? Из какого клоповника вытащил? (а сам интересно, что там делал?) И где вертел?

На что его противница могла бы не мало дать детализированных ответов, но она, как выше было сказано, не столь мстительна и всегда готова дать шанс оступившемуся, которого она тоже там-то и там видела, и вертела, и поэтому не станет вопросом на вопрос уточнять у него, с кем и где интересно, он её видел.

– Напросился. – Единственно возможный вывод сделали из всего увиденного, переглянувшись между собой Секунд

с Алексом. И Алексу, уже догадавшемуся, что там за дверью непременно находится дама, и не просто дама, а умеющая за себя постоять и как надо ответить, скорей всего актриса, – вон она как играет на нервах Неимовера, – захотелось поскорее посмотреть на ту, кто такую большую и местами большую роль играет в жизни этого режиссёра. Что пока не осуществимо, так как Неимовер стоит на пороге и трёт свой лоб, судорожно раздумывая над тем, как ему ответить на эти провоцирующие его на истерику действия своего противника.

Пока же он там раздумывает, а его вероятный, то есть вероломный, как предположил Секунд, противник или будет точнее сказать, противница всех его жизненных устремлений и его взглядов на её роль в его жизни, – обещал подлец, не просто главные роли, а главному роль в своей жизни, своей жены, а на самом деле разводиться и не думает (а как он может об этом думать, когда стоит ему только об этом подумать, как с его головы уже рвут последнее. – Так вот почему я облысел, – по новому догадался Неимовер), – не просто подвергает сомнению мужские достоинства Неимовера, а прямо-таки, как будто в курсе и всё знает, от первого лица утверждает, какой он размазня и именно тот, как о нём все говорят за спиной и из сплетен наслышаны.

– Мне же всегда говорили, какой ты первостатейный подлец, а я дура, не верила! – Яростно возмутилась та, кого так тщательно скрывала эта раскрытая дверь. Неимовер в ответ не стал переубеждать свою собеседницу, дуру, с чем он пол-

ностью согласен, в том, что он подлец, тем более первостепенный, что не каждому дано, а зачем-то поинтересовался у неё насчёт тех распространителей, кто ей об этом сказал. Но его там не слушают, а продолжают обосновывать его подлость.

– Это надо же до такого опуститься, – презрительным тоном заявила противница Неимовера. И как заметили Алекс с Секундом, то Неимовер от этих слов совсем на чуть-чуть, но подался головой вниз, куда он посмотрел вслед, – чтобы, как последнее ничтожество, подкрасться к двери и, сопя в нос, начать подслушивать, что у меня делается в гримёрке.

– Но... – было возмущился Неимовер, но куда там ему тягаться с той, чьё покоробленное достоинство, оскорблённое такими применимыми по отношению к ней методами дознания, прямо сейчас и незамедлительно требует возмездия, и она не то что слышать никаких оправданий не хочет, а она не даст возможности их высказать. – Что ещё за но?! – невозможным тоном голоса перебивает Неимовера его собеседница. – А ну признавайся. Сопел?

– Сопел. – Пристыжено, поникшим голосом признаётся в этом страшном в глазах своей собеседницы проступке Неимовер.

– Разгорячено? – прямо через колено ломает своими вопросами Неимовера, жестокая, когда дело касается любого вида сопения, та неизвестная из-за двери. И Неимовер видимо из-за того, что он находился на острие взгляда этой неиз-

вестной для Алекса и Секунда, но только не для него, предательски роняет голову и признаётся и в этом грехе. – Да, было дело. – И понятно, что на этом это дело исключительной важности не закончится, и ею дальше задаётся контрольный вопрос:

– Мне нужна только правда. – Жёстко звучит голос неизвестной актрисы. – И ты прекрасно знаешь, что врать мне бесполезно. – Неимовер предупреждён ею. И вот контрольный вопрос. – Ты кроме меня ещё в чью-нибудь сторону сопел? – И всё вокруг пространство погружается в самую что ни на есть настоящую тишину. Как говорится в таких случаях, муха не пролетит мимо не услышанной. И теперь все вокруг, затаив дыхание, а некоторые даже перестав и вообще дышать, принялись прислушиваться к движениям души Неимовера. И у каждого из присутствующих при этой сцене, за исключением только Неимовера, такое чувство, что только стоит Неимоверу себя как-нибудь звучно проявить, как он разгадает его.

Что, в общем, так и случилось. Правда это так случилось, что вся заслуга в том, что Неимовер был разгадан, полностью принадлежала самому Неимоверу – он засопел и тем самым себя выдал. Вот такой он есть, не сдержанный, сопливый человек.

И Алекс с Секундом крайне удивлённые таким ловким переходом из общего на частное, то есть на личности, уже начинают задумываться над правдоподобностью увиденного –

а не есть ли то, что они видят, всего лишь игра на публику? И Неимовер с одной из актрис, всего лишь разыгрывают одну из сцен будущей пьесы. Где главное лицо, рогоносец-муж, хоть и поймал свою супругу с поличным, в объятиях любовника, – теперь становится понятно, кем был тот толкнувший Алекса наглый тип, – но она настолько ловка и умела в своих отговорках, что рогоносец-муж в очередной раз посрамлён и вынужден извиняться за то, что оскорбил её своим подозрением. Ведь его верная себе супруга, вынуждена мириться с его вечным сопением, из-за которого она и спать по ночам не может, и только поэтому отсыпается днём.

– А теперь поцелуй ручку. – Так и быть, прощает этого конченного подлеца Неимовера та, кто там стоит за дверьми, и в знак примирения протягивает ему ручку для поцелуя. Которая появляется из-за дверей и Алекс с Секундом вынуждены признать полную правоту обладательницы этой изящной ручки насчёт подлеца Неимовера, которому ещё подают и разрешают прикоснуться своим губошлёпами к такой ручке. И кто он после этого, как не подлец.

– Тьфу, смотреть противно. – Не сдержался Алекс, так выразительно высказавшись. И не трудно догадаться о том, чтобы ещё такого сплюнул в душе Алекс, не окажись на пути его взгляда эта приоткрытая дверь, за которую зашёл Неимовер, позванный в примирительных целях всё той же изящной ручкой. И хорошо что Секунд догадался не высказывать Алексу вслух свои догадки по поводу того, как там происхо-

дит это примирение, а иначе бы Алекса стошнило.

Между тем примирение там за дверью ничего не имело общего с тем, что себе могли надумать натуры романтического склада ума, которым всегда во всём видятся поцелуи и обнимания. Ведь здесь всё-таки примерялись люди в годах и серьёзные, и для них все эти чувствительные сопли ни к чему, а для того чтобы им примирится между собой, а с лысой действительностью на голове кое у кого они уже смирились, то им нужно во всех смыслах этого слова, обставить друг друга важными условиями дальнейшего поведения, от которых каждый из них, кто обязательно (кого обставляют этими условиями), а кто по возможности (тот, кто обставляет условия примирения, и не надо объяснять кто это) с этого момента не отойдёт ни на шаг.

Ну, а как только примирение скреплено новым позволением приложиться к этой изящной ручке, этими всё под себя, в том числе и маленькие волоски на руке, загребущими губошлёпами Неимовера, то куда это он ещё собрался лезть рукой, такой пряткий. – А ты, дорогой, не забыл о том, к чему привела твоя подозрительность? – с глубоким подтекстом спрашивает Неимовера отныне его повелительница, а в глазах Алекса незнакомка из-за двери. И Неимовер, что удивительно для некоторых присутствующих напротив глаз, умнёт на её глазах.

– Это катастрофа! – взрывается Неимовер. – Как же пьеса без Яго?! – в приступе отчаяния вырвав последний волосок

с головы, Неимовер созерцательно смотрит на этого последнего воина из когда-то бесчисленного войска шевелюрного воинства и ставит точку в своих размышлениях насчёт причин выпадения волос с его головы. – Я и есть всему причина.

Но хоть Неимовер и есть причина всему тому, что с ним происходит лысого и бесповоротного, сейчас он не один и ему, если не делом, то так словом помогут. – Стоймя стоять, дело не исправишь. Давай, бегом отсюда и срочно ищи, хоть прежнего, хоть нового Яго. – Заявляет собеседница Неимовера и, вытолкнув его из-за двери, закрывает её за собой. Неимовер же только сейчас заметив Алекса и Секунда, посчитав разумным не задерживаться здесь больше, с непроницательным выражением лица, решительным шагом направился искать сбежавшего Яго.

– И куда он, как думаешь, пошёл? – спросил Секунда Алекс.

– А куда ты хочешь сейчас пойти? – спросил в ответ Секунд.

– Я бы в одно место не прочь сходить. – Совсем не интонационно сказал Алекс.

– Значит туда и пошёл. – Сказал Секунд.

– Интересный алгоритм нахождения решений и ответов на вопросы. – Ответил Алекс, проследовав за Секундом.

– А ты точно уверен в том, что там, за пределами тебя, на самом деле что-то значащее происходит? А может там и ничего нет. Как в театре, всё самое важное происходит

на сцене, перед твоими глазами, ну а то, что происходит за сценой, то это всё это только подготовительные мероприятия к этому выходу на сцену. – Задался риторическим вопросом Секунд. – Ведь для тебя имеет смысл лишь то, что только для тебя значимо, то, что оказывает на тебя непосредственное влияние. А что тобой не осмысливается, то оно и не живёт по большому счёту, а только сопутствует твоей жизни. А остальное... Остальное может быть всего лишь декорации твоей жизни, за которыми и происходят все подготовительные мероприятия для придания интереса твоей жизни.

– Это слишком односторонний взгляд на жизнь. – Засмеявшись, сказал Алекс, пропуская Секунда вперёд, в двери ведущие в туалет.

– Может быть и так. – Уже сказал Секунд, глядя на Алекса в зеркало, подвешенного над умывальником. – Но этот взгляд, чтобы кто не говорил, наиболее ближе каждому из нас по отдельности. И мы, конечно, готовы прислушиваться и присматриваться к чужим взглядам, но только для одного, чтобы они нам не мешали. – Секунд включил в кране воду и, опустив под струю воду руки, зачерпнув в них воды, обдал лицо горстью воды. После чего он поднимает голову и, уставившись в своё отражение, проговорил. – Человек есть то, кем он себя видит и считает. А с другими он только вынужденно считается и никак иначе. И от этого факта жизни никуда не денешься.

– Но без этого фактора других, никак не обойтись. – Ска-

зал Алекс в ответ.

– И это верно. – Выпрямившись в полный рост, сказал Секунд. – И поэтому мы будем учитывать его обязательность. – Секунд повернулся к Алексу и внимательно на него посмотрев, спросил. – А знаешь, как мы будем его учитывать? – На что Алекс естественно отрицательно кивнул. А Секунд ответил. – А мы будем этими другими.

– И как это? – спросил Алекс.

– Конечно, не называться, а вот попробовать не просто встать на место других, а перевоплотившись, занять его, – а люди в последнее время и сами не находят себе место, бросаясь из одной крайности в другую, а мы им, через эту конкуренцию поможем определиться кем быть, – то почему бы не попытаться это сделать. Подумай, – обращается к Алексу Секунд, – и представь себя кем-то другим, кто тебе на ум придёт.

И, конечно, вот так сразу, с ходу и без предварительной подготовки, очень сложно, а иногда даже и невозможно обнаружить или хотя бы встретить у себя какие-нибудь подходящие к месту мысли или как сейчас от него требуют, не просто какого-нибудь проходимца, от которого и толку никакого нет, а такого значимого человека, который устроит не только тебя, но обязательно и Секунда. И Алекс, углубившись в себя, принимается выискивать подходящих на эту роль знакомых или просто встреченных им людей.

И как в таких случаях всегда бывает, то, как назло, Алек-

су всё больше попадаются такие лица, которых он и видеть не хотел, а уж чтобы их представить так, как этого от него добивался Секунд, то и речи об этом быть не могло. Хотя некоторые из встреченных им на этом представляемом пути лиц, были не столь уж не примечательны, и они по-своему были замечательны. И возможно, что эта их простота отношений с окружающим миром и с самим собой, где всё было без приукрашиваний и всё им в голову приходящее, не задерживаясь внутри для обработки в приличия, шло напрямую на их лицо выражаться – вот почему они никогда не стеснялись себя в выражениях себя – как раз и не устраивала Алекса, вечно во всём ищущего для себя сложности.

И что спрашивается, может дать представление того же соседа Петровича, представляющего из себя ходячий симбиоз из дебошира, алкоголика и любителя острых ощущений, которых он даже не добивается, ведя асоциальный образ жизни и, пребывая за гранью разумного, а заслуживает, и благодаря этому получает от всей души, то в лоб, то полбу. Да ничего нового и необычного. Отчего он, наверное, как часть привычного домашнего интерьера, сразу на глаза Алекса и попал – ведь любые прогулки и выходы всегда начинаются с некой точки отсчёта, и свой дом, как раз и попадает под эту категорию.

Таким образом Алекс перебрал достаточное количество знакомых и мало знакомых людей, чтобы устать рассматривать их кандидатуры, да к тому же Секунд скорей всего на-

деялся на его должное понимание своей просьбы – а это значит, что нужно было представлять общих с ним знакомых – и это подвело его к тому, что он всё-таки остановился на Неимовере (а больше не на ком, ведь у них с Секундом и общих знакомых нет, а только такие, мимоходом знакомые).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.